

ИВАН ШУЙСКИЙ

ИВАН
ШУЙСКИЙ

Дмитрий ВОЛОДИХИН

В
И
П

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Дмитрий
ВОЛОДИХИН

Иван Шуйский

Дмитрий
ВОЛОДИХИН

*В*ЕЛИКИЕ
*И*СТОРИЧЕСКИЕ
*П*ЕРСОНЫ

Москва
Вече

УДК 929
ББК 8*63.3
В68

*В оформлении обложки использован портрет
Ивана Шуйского работы художника М.М. Тренихина*

Володихин, Д.М.

В68 Иван Шуйский / Дмитрий Володихин. — М. : Вече,
2012. — 352 с. : ил. — (Великие исторические персоны).
ISBN 978-5-9533-5497-4

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной великой победой. Он отстоял Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория. Эта победа была очень нужна России: она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытнейших военачальников своего времени. Биография Шуйского до отказа наполнена звоном мечей, воинскими кличами и пушечным громом. Жизнь его, жизнь аристократа, вельможи, воеводы, позволяет понять, как строились биографии других выдающихся царедворцев и столпов Русской державы.

**УДК 929
ББК 8*63.3**

ISBN 978-5-9533-5497-4

© Володихин Д.М., 2012
© Алексеев С.В., послесловие, 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной великой победой. Он отстоял Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория.

Да, эта победа была очень нужна России. Да, она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Да, под стенами Пскова было предотвращено вторжение польских орд в центральные районы Московского государства. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытнейших военачальников того времени. Его судьба — просторное окно, за которым открывается превосходный вид на двадцатилетнее титаническое противоборство России с западными соседями и воинственным Крымом. Биография Шуйского до отказа наполнена звоном мечей, воинскими кличами и пушечным громом.

Иван Петрович был родовитым аристократом. Вельможей. Крупным государственным деятелем.

А что нынче знает образованный русский человек об аристократах времен Московского царства? Чаше всего ум его пленен экзотическим образом «мультишных» бояр, какими их рисовали в советское время: жирные старцы с бородами до колена и горлатными шапками на головах. Неподвижно сидят они, брады уставя, спорят о знатности родов да плетут интриги. Ни слова мудрого, ни решительного действия, ни благородного поступка...

Стоит ли говорить, насколько образ этот смехотворен?

И не столь уж важно, какие идеологические цели вызвали его появление в СССР. Гораздо важнее другое. Почему до сих пор многие интуитивно доверяют ему?

Думается, дело в том, что этот размалеванный «плакат для народа» закрывает колоссальную брешь в массовом сознании. Истинных вельмож допетровской Руси не знают, не понимают и даже не чувствуют естественного родства с ними. Как будто они — часть чужой, исчезнувшей без следа, затонувшей какой-то цивилизации!

Генералов, реформаторов, министров императорской России более или менее помнят. А если не помнят, то хотя бы живо интересуются мифами, возникшими вокруг их имен. Вот Меншиков. Вот Столыпин. Вот Горчаков. Вот Аракчеев. Вот Потемкин... А уж о Суворове, Кутузове, Ушакове, Скобелеве и говорить нечего — они вошли во всякий учебник, их образы растиражированы в литературе, живописи и кино.

Неужели при Иване Великом, Иване Грозном, Борисе Годунове, при первых Романовых не было столь же значительных личностей? Вот Пожарский... И что же — пустыня личностей вокруг Пожарского на пространстве в столетие до и после его героической судьбы? Отчего, когда принимаются говорить о XVI веке, поминают святых, книжников и, конечно, государей, а вот сонм недюжинных персон, стоявших у подножия трона, как будто закрыт густым туманом, и не видно лиц, не слышно слов, не разобрать действий?!

Грозненская эпоха — пятьдесят лет! — не один государь Иван Васильевич. Победы его и поражения, блеск его ратей и темень опричнины — результат коллективного действия русской политической элиты. Великое государственное строительство, происходившее в России, совершалось усилиями десятков значительных государственных мужей. Войны того времени, охватившие громадное

пространство, выдвигали на театры боевых действий сотни видных военачальников.

Немота величественной эпохи — ложная. Вслушаться в нее, всмотреться в нее, и в неясном гуле голосов различимы станут реплики поистине выдающихся деятелей. Были тогда и свои Потемкины, и Столыпины, и Суворовы. Умные реформаторы, искусные дипломаты, блистательные полководцы. Умели глыбищи сворачивать с исторического пути России...

Князь Иван Петрович Шуйский — один из этих людей. Жизнь его, жизнь аристократа, вельможи, воеводы, позволяет понять, как строились биографии других выдающихся царедворцев и столпов Русской державы.

Глава 1.

РОД ПОЛКОВОДЦЕВ И ПРАВИТЕЛЕЙ

По роду своему князь Иван принадлежал к аристократической верхушке старомосковского общества. К тем же «сливкам» русской титулованной знати, что и князья Ростовские, Мстиславские, Микулинские или Воротынские — величайшие рода Московского царства.

Князья Шуйские были Рюриковичами. Они происходили от ветви, соседствующей с тою, из которой выросло древо Московского правящего дома. Кое в чем они оказались даже выше, нежели государи, которым служил их род. Корнями родословие Шуйских уходило к великому князю владимирскому Андрею Ярославичу. Он приходился *младшим* братом великому князю Александру Ярославичу, прозванному Невским (а именно от Александра Невского произошел Московский княжеский дом). Но на великокняжеский стол во Владимире князь Андрей попал *раньше* старшего брата — в 1248 г. — и правил до 1252 г., когда на его месте оказался Александр Ярославич.

Происходя от одного корня с великими князьями московскими, Шуйские, в случае смерти всех представителей правящей династии, имели право занять трон. Иными словами, играли роль «принцев крови». При сколько-нибудь серьезном династическом кризисе их присутствие следовало брать в расчет как очень серьезный фактор. После смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. они оказались в числе главных претендентов на царский венец и активно боролись за него на протяжении Смуты.

Две основные линии Шуйских восходят к Василию Кирдяпе и его брату Семену. Они приходились сыновьями одному из величайших политиков Северо-Восточной Руси XIV столетия, великому князю Дмитрию Константиновичу Суздальско-Нижегородскому¹. Дмитрий Константинович дважды ненадолго занимал владимирский великокняжеский престол и был серьезным соперником Москвы. А само Суздальско-Нижегородское княжество являлось весьма обширным по территории и густо населенным государственным образованием. Оно обладало правом непосредственных сношений с Ордой. В 1347 г. возникла самостоятельная Суздальская епископия. Вторая столица княжества — Нижний Новгород, молодой и быстро развивающийся центр, стал опорным пунктом для экспансии на восток. Там появился каменный кремль, несколько каменных храмов, велось собственное летописание. «Нижний Новгород стал вторым по богатству русским городом после Москвы. В нем поселились ремесленники таких сложных по тому времени профессий, как литейщики колоколов, золотильщики по меди, архитекторы и каменщики. Нижний вел обширную торговлю с Востоком...»² В состав княжения также входил заметный удел с центром в Городце и некоторые другие земли. В 1367 г. местные князья общими силами разгромили орду татарского хана Булат-Темира, вторгшуюся на их земли³. Эта битва — славное предворение общерусской победы на поле Куликовом. Да и разгром Мамаю на Непрядве осуществился с участием суздальской рати. Десятки суздальских бояр сложили головы в Куликовском сражении.

Погубили же сильную державу Суздальско-Нижегородскую нападения татар, да еще распри между Дмитрием Константиновичем и его дерзким, авантюристичным братом Борисом. В этих распрах приняли участие их дети, вооруженная борьба затянулась на многие годы. Результатом стало подчинение княжества Москве, свершившее-

ся в 1390-х гг., при великом князе Василии Дмитриевиче. Полстолетия расцвело это государство, прежде чем стало частью Московской Руси. На протяжении короткого периода, всего несколько лет, у Нижнего Новгорода был реальный шанс оказаться в фокусе политической централизации Руси и... заменить собою Москву как столицу будущей России. Но к рубежу XIV—XV столетий об этом шансе и помина не осталось.

Держава распалась.

Некоторые признаки самостоятельности сохранили Суздаль и Городец. Там по-прежнему сидели князья из того же старинного рода, постепенно уступавшего свои политические права Москве.

Во второй четверти XV столетия разразилась большая внутренняя война между представителями Московского княжеского дома. Воспользовавшись ею, правнуки великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича Василий и Федор на время восстановили особое великое княжество в составе Суздаля, Нижнего, Вятки и Городца на правах полной независимости от Москвы⁴. Они поставили на Дмитрия Шемяку, добившегося великого княжения на Москве. Если бы он победил, то в центре Руси появилось бы новое могучее государство, корнями уходящее в XIV в. Но после того, как Дмитрий Шемяка потерпел поражение и возобладал его неприятель великий князь Василий II, проект суздальско-нижегородских князей рухнул. Всякий их «суверенитет» скоро сошел на нет. С начала 1460-х гг. коренной их вотчиной, Суздалем, безраздельно владеет старший сын и наследник Василия II — Иван III. Город просто переходит от одного московского государя к другому по наследству. Иван III раздает жалованные грамоты на села в Суздальском уезде, нимало не стесняясь прежних прав местных князей владеть этой землей. Его сын и внук подтверждают пожалования⁵.

Таким образом, еще в середине XV в. предки Шуйских сохраняли положение самостоятельных правителей. Затем большинство их попало в полную зависимость от Москвы, став «служилыми князьями», но все еще «ставились» московскими великими князьями на управление старинными родовыми землями — Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом. Там у них сохранились огромные вотчины.

Впрочем, некоторые представители рода сохранили значительную самостоятельность от великих князей московских. В 50-х — 70-х гг. XV столетия князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский помимо воли московских государей и по приглашению вечевых республик княжил во Пскове и Новгороде Великом. Он даже участвовал в войнах новгородцев против Москвы. Но в целом семейство к концу XV в. перешло на службу к московским государям.

Обыкновенно родовое прозвище «Шуйские» историки связывают с городом Шуей, «тянувшей» в старину к Суздалю. Неизвестно, была ли Шуя когда-либо центром, где имелось собственное княжение — удельный «особый стол» в рамках княжения суздальского, но исключать этого нельзя. Не известно, когда за данным населенным пунктом утвердилось название «Шуя»: к настоящему времени самый ранний источник, где оно найдено, относится к рубежу XV—XVI столетий. Но, по всей видимости, оно закрепилось за городом гораздо раньше, и древняя связь князей Шуйских с этими местами не вызывает сомнений. Под Шуей у них были обширные вотчины, а в самом городе до середины XVII в. они владели дворами⁶. В Николо-Шартомской обители (полтора десятка километров от Шуи) существовала родовая усыпальница князей Горбатых-Шуйских. Монастырь этот уже в первой половине XV в. был весьма значительным, настоятель его носил сан архимандрита. В 1553 г. тамошние иноки сооб-

щали в Москву, что владеют деревнями при селе Горицком по завещанию князей Дмитрия и Василия Ивановичей Горбатых-Шуйских, «...да легли... князь Дмитрей и князь Василей у Николы Чудотворца на Шартоме в их монастыре, и из старины... все их прародители у Николы Чудотворца в их монастыре кладутся»⁷. Те же Горбатые-Шуйские еще в 1535 году владели селом Дунилово недалеко от Шуи⁸. А «прародитель» ветви Горбатых в семействе Шуйских, князь Иван Васильевич, еще в 1449 г. получил от Василия II «...в вотчину и в удел» Городец и обширные территории в Суздальской земле, в том числе, видимо, и под Шуйей⁹. Слова «в их монастыре» дают основание предполагать, что Николо-Шартомская обитель была основана кем-то из рода суздальско-нижегородских князей и могла играть для них роль семейного богомоля.

При Иване III Великом и его сыне Василии III из этого рода рекрутировались дипломаты, наместники и воеводы. Со стороны великих князей московских им оказывалось большое доверие. В 1512 г. князь Василий Васильевич Шуйский входит в Боярскую думу с чином боярина. Более того, этот видный политик породнился с правящей династией, женившись на внучке Ивана III. Иными словами, великие амбиции потомков суздальских правителей не мешали им быть прочной опорой Московского государства.

Князья Шуйские при Иване IV имели чрезвычайно высокий статус. Да и позднее сохраняли его — вплоть до восшествия на престол государя Василия Ивановича из их рода, процарствовавшего с 1606 по 1610 г. Они всегда были у кормила важнейших политических дел. Они неизменно присутствовали в Боярской думе.

За Шуйскими в популярной исторической литературе утвердилась недобрая слава дворцовых интриганов, лукавых и себялюбивых вельмож. В них многие видели и до

сих пор видят вечных зачинщиков «боярской фронды». Людей, метавшихся между стремлением ослабить русско-го монарха и самим захватить монарший трон.

Это мнение однобоко. Да, конечно, Шуйские просто по положению своему должны были участвовать в интригах у подножия российского трона. Там, на высоте власти, слабые и бездеятельные личности не задерживались надолго. А многолюдное могучее семейство Шуйских оставалось на высшем этаже отечественной политики в течение века! Однако следовало бы обратить внимание и на другое обстоятельство. Шуйские превосходно проявили себя в служебной деятельности. Из них выходили энергичные администраторы, искусные и отважные воеводы. Во времена Ивана Грозного помимо князя Ивана Петровича Шуйского в армейскую элиту Московского государства входили также князья Иван Андреевич, Иван Михайлович и Петр Иванович Шуйские, а также их ближайший родственники князья Александр Борисович Горбатый-Шуйский, Федор Иванович и его сын Василий Федорович Скопины-Шуйские. *Это была семья «командармов»*. На Шуйских легло тяжкое бремя постоянного участия в военных предприятиях России. Они свое высокое положение «отслужили» полностью. Убери их деятельный клан из командного состава вооруженных сил нашей страны, и сейчас же образуется громадная брешь, которую очень трудно закрыть. А в эпоху русской Смуты начала XVII в. именно из этого семейства вышел знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

В роду Шуйских сохранялись предания о прежних воинских достижениях, о битвах и походах, и хоругвях, победно реявших над шеломами их предков. И еще — об их полной государственной независимости, от которой середину XVI в., когда родился главный герой этой книги, отделяло всего два-три поколения...

Глава 2. БЛИЖАЙШАЯ РОДНЯ

Дед князя И.П. Шуйского, Иван Васильевич, был крупным военачальником. Как полковой воевода он известен с 1502 г., и служит на разнообразных воеводских должностях до 1530-х гг. Иначе говоря, к исходу правления Василия III в руководстве русской армии он должен был считаться настоящим ветераном. В разное время Иван Васильевич наместничал в Рязани, Пскове, Смоленске, на Двине и даже в самой Москве, занимал пост углицкого дворецкого, а также — не позднее 1531 г. — заслужил боярский чин. Скончался князь Иван Васильевич 14 мая 1542 г.¹⁰ Возможно, он успел познакомиться с внуком-младенцем... или же ушел из жизни незадолго до его рождения.

Кем был Иван Васильевич на подмостках той бурной эпохи? Самая правильная оценка — один из вельмож, один из могущественных людей... Главная фигура при дворе в относительно краткий период с конца 1538 г. по середину 1540 г. Именно тогда князь получил пышный, специально для него выдуманный титул «московского наместника». И далеко не первое лицо — в русской армии первой половины XVI столетия. Очень крупный администратор, он получал более значительные должности по управлению городами и областями, нежели полками и армиями.

Краткий портрет деда нашего героя будет неполон, если не упомянуть, что у него был знаменитый брат. Он-то как раз оказался в числе первых лиц того времени. О троне и помышлять не мог, но при дворе и в армии значил весьма много, а потому имел возможность ворочать судьбами страны. Итак, Василий Васильевич Шуйский по прозвищу Немой, старший брат Ивана Васильевича. Много лет он провел в Новгороде Великом как наместник великого князя, вел переговоры с соседями, ходил в

походы полковым воеводой... В 1510-х гг. Василий Васильевич обретает особое доверие своего «тезки», великого князя Василия III. Теперь ему поручают уже не полки, а целые полевые соединения. Несколько раз он водил армии на Литву, и о двух его походах под Полоцк будет рассказано в следующей главе. В 1523-м он же возглавил «судовую рать» в походе к Нижнему Новгороду, а после этого несколько раз становился первым лицом во время оборонительных операций на «татарском фронте». Это, можно сказать, испытанный «командарм» Василия III. На протяжении нескольких лет он фактически является полководцем номер один во всей России. Рисуя положение князя В.В. Шуйского при дворе, историк А.А. Зимин обратил внимание на два показательных факта: «В.В. Шуйский считался наместником Владимира. Это было одно из наиболее значительных придворных званий. В февральском боярском приговоре 1520 г. по делу о краже он назван среди бояр первым»¹¹. Опалы не миновали этого человека, но он быстро оправлялся от государевой немилости и восстанавливал высокое положение. Умер Василий Васильевич осенью 1538 г.

В семье, очевидно, его имя не раз поминали в связи с феноменальным взлетом служилой карьеры князя В.В. Шуйского. Дед героя этой книги ненадолго стал брату ровень. А вот отцу его не суждено было подняться столь же высоко. Ему... чуть-чуть не хватало. Но, надо полагать, мечтания сравняться с Василием Васильевичем посещали младшую его родню. Ивану Петровичу в последние годы жизни удастся приблизиться к уровню великого родича. Но желание управлять державой, как управляли ею недолгое время¹² дед и особенно брат деда, все-таки не осуществится, да еще и приведет к печальным последствиям.

Финал у предков и потомка будет разный: Василий Васильевич скончался в апогее славы и влияния, Иван

Васильевич также сошел в могилу с великой высоты, а Иван Петрович скверно окончил свои дни, как тогда говорили, «нужной», т.е. насильственной, смертью...

Отпрыск Ивана Васильевича, Петр Иванович, родился, предположительно, около 1520 г.¹³ Как военачальник молодой князь появляется в источниках летом 1539 г. — на скромном посту головы в оборонительном походе русской армии под Коломну¹⁴. Он действовал со своим отрядом в районе Зарайска.

В период «боярского царства» при малолетстве великого князя московского Ивана Васильевича он становится серьезной фигурой (хоть и молодой человек!). В 1542 г. его рейд из Владимира в Москву с тремя сотнями служилых людей решил судьбу противоборства между придворными партиями Шуйских и Бельских: последние потерпели поражение. Не зря в 1545 г., когда период господства Шуйских минул, на Петра Ивановича была наложена монаршая опала... Впрочем, из числа опальных он быстро выбыл. Уже в 1547 г. князь получает воеводское назначение, затем становится наместником во Псков, выполняет такие поручения царя, которые говорят об очень высокой степени доверия. Так, именно он доставил в Москву князей Глинских — родичей самого монарха по материнской линии, пытавшихся бежать за Литовский рубеж. Немудрено, что в 1550 г. Петр Иванович становится боярином, добыв, таким образом, высший чин в московской служебной иерархии. В конце 1540-х — 1550-х гг. он сыграл ключевую роль при завоевании Казанской земли и усмирении первых мятежей против русской власти. Зимой 1547/48 г. князь возглавил передовой полк в походе против казанцев, а в 1552-м, при взятии Казани, он отвечал за боевое охранение русских позиций¹⁵. Затем на протяжении нескольких

лет Петр Иванович являлся главным управителем всех казанских и «черемисских» дел.

В первые годы Ливонской войны он получает значение одного из ведущих полководцев на этом театре военных действий. В 1558 г. Петр Иванович командует русской армией в Ливонии, берет города, действует в высшей степени удачно. Именно он взял Юрьев, а подчиненные ему военачальники вступили в Раковор (Везенберг). За это князь и младшие воеводы удостоиваются от Ивана IV «великого жалования». Осенью 1558 г. царь принял их в Троице-Сергиевой обители. Там он «...жаловал их любовными и приветными словесы... их праведную прямую службу похваляя и жалование великое им обещаая, и велел им ехати за собою в село свое в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод пожаловал шубами и кубки и аргмаки и кони и доспехи давал им и землями и кормлением их довольно пожаловал, и во всем им свое великое жалование показал»¹⁶.

Во время большого и весьма успешного похода на ливонские земли (1560) Петр Иванович является ближайшим помощником другого крупного военачальника — князя Ивана Федоровича Мстиславского. Тогда наши полки взяли Феллин (Вилиян, Вильянди) и также несколько меньших крепостей, а также взяли в плен бывшего орденского магистра В. Фюрстенберга.

При «полоцком взятии» 1563 г. Петр Иванович был вторым воеводой большого полка. Следовательно, на правах своей высокой должности он входил в состав высшего руководства победоносной армии. Затем князь был оставлен командовать гарнизоном полоцкой крепости.

К несчастью, блестящая его карьера закончилась трагически. В 1564 г., наступая на Оршу, московские полки подверглись страшному разгрому у селения Чашники. Уставшие после трехдневного марша, не выставившие

дозоров, русские полки получили неожиданный удар от литовцев в лесных теснинах. Передовые силы русских, не успев надеть доспехи и завершить боевое построение, оказались разбиты. Пало порядка 700 наших дворян, князя С.Д. и Ф.Д. Палецкие. Петр Иванович был тогда главнокомандующим. Поражение бросило тень на его имя: князь П.И. Шуйский, сбитый с коня, «...з дела пеш утек и пришел в литовскую деревню; и тут мужики его ограбя и в воду посадили»...¹⁷ Однако это бесчестие никак не лишает князя славы всех предыдущих его побед. Даже торжествующие победители понимали это: убийц Петра Ивановича казнили, а тело его с честью похоронили в Вильно, близ погребения Елены Ивановны, — жены короля Александра Ягеллона и дочери великого князя Ивана III¹⁸. Литва и Ливония помнили его как умелого и энергичного полководца.

Таким образом, будущий защитник Пскова мог получать знания от отца, деда и его брата — крупных военачальников своего времени. Это очень важно для понимания того, как складывалась его личность. Ивану Петровичу было у кого поучиться воинскому искусству: ближайшая родня всю жизнь воевала и управляла людьми. Конечно, роль главного «преподавателя по тактике» сыграл отец князя Ивана. Старшие представители этой ветви Шуйских вряд ли успели вложить сколько-нибудь обширные знания в голову маленького мальчика. Но отца-то его натаскивали в воеводском деле именно они. А от Петра Ивановича к отроку могло перейти много полезного помимо славных преданий о великих предках.

В XVI в. не существовало каких-либо военных училищ. Ни средних, ни высших. Подавно и речи не шло о создании какой-нибудь академии генштаба. Главной школой полководца оказывалась его собственная семья. Чем выше

стояли родственники в военной иерархии, тем больше он мог получить от них тактического и стратегического опыта с верхних эшелонов командования. Они обороняли крепости, значит, и он мог узнать от них, как надо оборонять крепости. Они били врага в чистом поле, так и ему доставались знания о том, как бить врага в чистом поле. Они брали штурмом города — следовательно, и он обретал полезные сведения о том, каково быть «градоемцем». С этой точки зрения род Шуйских представлял собой лучшую «академию Генштаба» из всех возможных в России того времени.

И еще одно: в отношении литовцев у него появился личный счет. В ту пору физическое уничтожение служилого аристократа, тем более «командарма», выходило далеко за пределы нормы в ходе боевых действий. Таких людей отдавали за выкуп, меняли на других знатных пленников, возвращали домой по условиям мирного договора... только не губили. А Петра Ивановича жестоко убили, и это должно было вызвать мысли о мести у его сына. Конечно, почести, оказанные литовцами телу П.И. Шуйского, и казнь его убийц могли бы смягчить сердце Ивана Петровича. Но это благородство победителей было перечеркнуто тем, что Ивану Петровичу и его брату Никите впоследствии не позволили забрать прах родителя на родину¹⁹.

Дата и год рождения самого князя Ивана Петровича Шуйского неизвестны. Их можно приблизительно установить по свидетельствам «Дворовой тетради», «Тысячной книги», а также данных воинского делопроизводства того времени о первых его служебных назначениях.

Осенью 1550 г. вышел указ о пожаловании поместьями под Москвой 1078 служилых людей. Князь должен был по роду и положению своему туда попасть, если бы подходил по возрасту, а служить тогда начинали лет с пятнадцати;

но его имени нет в «Тысячной книге» — списке этих помещиков. Следовательно, он родился не ранее 1536 г. Список людей, имевших служебное отношение к Государеву двору — «Дворовая тетрадь», — составлен был скорее всего в 1551 или 1552 г. и оставался действующим документом, куда заносили новые имена на протяжении 50-х годов. Иван Петрович в нем числится как дворовый сын боярский по Суздалю. Первые его службы известны по 1562 г. Это может свидетельствовать о том, что родился он, скорее всего, где-то между 1536 и 1545 гг. Скорее всего в первой половине 1540-х: на должность, полученную им в 1562-м, ставили, как правило, людей молодых, занять ее в 25 или 26 лет — поздновато. Точнее определить трудно: даже у тех, кто был в XVI столетии крупнейшими фигурами в русской политике или военном деле, даты рождения в большинстве случаев неизвестны.

Из ближайшей родни у князя Ивана был еще младший брат Никита. О нем почти ничего не известно. По всей видимости, он ушел из жизни еще молодым человеком, не совершив заметных деяний и не достигнув высоких чинов. К концу 1560-х он уже достиг совершеннолетия, поскольку мог вместе с братом обратиться к царю с прошением об обмене тела отца, оставшегося на чужбине, на тело жены полоцкого воеводы, плененной в 1563 г. и умершей в России. А в 1571 г. он погиб во время грандиозного пожара Москвы, зажженной крымскими татарами. Предполагают, что среди дыма и пламени с ним свели счеты давние недоброжелатели²⁰. По сообщению Пискаревского летописца, когда князь Н.П. Шуйский въехал в ворота на Живой мост «и стал пробиваться в тесноте вон», его заколол некий человек князя Татеева²¹. Непонятно, участвовал ли Никита Петрович в обороне Москвы: воинский разряд не упоминает его среди воевод оборонительной рати. Но князь мог занимать и более скромный пост, ниже воевод-

ского. Гипотетически можно высчитать дату рождения Никиты Петровича: приблизительно в начале 1550-х, не позднее 1554 г.

О жене князя Ивана не удалось найти никаких известий, помимо того, что звали ее Марьей и умерла она в феврале 1586 г. По душе ее И.П. Шуйский сделал вклад в кремлевский Чудов монастырь — дорогой кубок из серебра с позолотой²². Брак остался, вероятнее всего, бездетным, или отпрыски Ивана Петровича умерли в раннем возрасте: родословия Шуйских на нем завершают эту ветвь семейства.

Между гипотетически вычисленным временем рождения И.П. Шуйского и сведениями о первых его службах не обнаруживается никаких данных по биографии князя. Полный туман.

Как представитель военно-служилого класса, он должен был получить навыки верховой езды и обращения с оружием. Как православный христианин — научиться основам веры: молитвам и «закону Божию». Как человек исключительной знатности, он перенял от родни приемы управления людьми, а также знания, связанные с родословием знатнейших семейств царства и положением дел при дворе. Надо полагать, он знал, кто силен, а кто слаб на Москве, с кем следует ему дружить, кому оказывать почтение, кто является врагом семейства, а кто еще никак не проявил себя в мутных водах придворных интриг. Возможно, достался Ивану Петровичу и золотой сок книжной премудрости: для русской аристократии XVI столетия широкие книжные знания — не диво. Отец его общался с Максимом Греком, великим ученым мужем²³. Так, может быть, и сын оказался не чужд истории, риторики или, скажем, богословия... Вот и всё, что можно сказать о нем более или менее уверенно.

Гораздо больше известно о роде Шуйских. Судьба всей фамилии самым прямым и непосредственным образом должна была сказаться на судьбе молодого человека, будущего полководца.

И как на времени этом, с середины 1530-х по вторую половину 1540-х годов, стоит остановиться подробнее. Историки порой называют его «боярским царством». И внутри эпохи «боярского царства» отмечают несколько периодов, называемых иногда «правлением Шуйских». Это значит, что семейство Шуйских, богатое, влиятельное, разветвленное, окруженное могучей родней и союзниками, фактически руководило государством. Как минимум оказывало мощное воздействие на ход государственных дел.

За эпохой «боярского царства» потянется длинный шлейф последствий, так или иначе затрагивающих жизнь Ивана Петровича.

Глава 3. **«БОЯРСКОЕ ЦАРСТВО»** **И «ПРАВЛЕНИЕ ШУЙСКИХ»**

В конце 1533 г. скончался государь Василий III, и на великом княжении осталась его вдова Елена Глинская — регентша при малолетних детях Иване и Юрии. Трудно сказать, сколь плотно она контролировала правительственную деятельность. Ясно, что роль придворных боярских «партий» возросла.

Великой княгине пришел черед расставаться с жизнью весной 1538 г. Старшему ее сыну Ивану к тому времени еще не исполнилось и восьми лет...

Сразу после этого власть целиком и полностью перешла к аристократическим группировкам. Они безраздельно господствовали у кормила правления до середины 1540-х гг.

Причем время от времени в придворной борьбе одерживала верх партия Шуйских, главенствовавшая над прочей русской знатью. Затем молодой монарх Иван Васильевич принялся постепенно, очень медленно, прибирать власть к рукам. Что-то из «дел правления» перешло к нему уже в 1547-м, когда он венчался на царство. А что-то оставалось прерогативой Боярской думы и служилой аристократии до начала 1560-х.

Процесс перехода полновластия от высокородной знати, от «княжат» к монарху, растянулся надолго и шел весьма болезненно...

Князь Иван Петрович Шуйский провел эру «боярского царства» в младенчестве. Он тогда по возрасту не мог играть никакой роли в политической борьбе. Но позднее, подходя к возрасту зрелости, надо полагать, внимательно слушал рассказы взрослых о недавнем прошлом. В семье должны были вспоминать время «боярского царства» как настоящий золотой век для Шуйских. А возмужание великого князя Ивана с необходимостью привело к столкновению между ним и Шуйскими. И отношение к монаршей особе в этом роду сложилось, надо полагать... далекое от трепетного.

Если ограничить эпоху «боярского правления» годами с 1533-го по 1547-й (в реальности она длилась несколько дольше), то именно в это время на политической арене выступало сразу несколько ярких политических деятелей из рода Шуйских.

Выше уже говорилось о князе Петре Ивановиче, отце героя книги. Он активно участвовал в интригах, но счастливо пережил охлаждение между молодым государем и своим семейством, а потом честно служил державе до седых волос, до страшной своей гибели. Но Петр Иванович оказался в кипящем котле аристократической смуты далеко не главной фигурой. А вот его ближайшие родичи — да,

один за другим примеряли наряд «примы» в перипетиях «боярского царства».

Тот же Василий Васильевич Шуйский оказался единственным из бояр Василия III, кому при Елене Глинской «...удалось не только упрочить свое положение... но и занять одно из первых мест при дворе юного Ивана IV... неоднократно на приемах крымских и литовских посланников в Кремле речь от имени юного государя произносил боярин князь В.В. Шуйский. Князь Василий первенствовал и на ратном поприще...»²⁴ Его брат Иван выполнял ответственные поручения самой регентши Елены Глинской при дворе Старицких удельных князей. Великая княгиня Шуйским доверяла.

По словам советского историка А.А. Зимина, Василий Васильевич Шуйский «...был одним из виднейших деятелей боярского правительства 1538 г. Летом этого года он женится на дочери царевича Петра (внучке Ивана III), закрепляя родственные узы с правящей династией. Его дочь была замужем за кн. И.Д. Бельским»²⁵. Скупые строки, но информация к размышлению огромная! Два этих брака представляют собой два сильнейших хода в большой политической игре.

Итак, первый брак соединил два самых знатных и могущественных семейства Рюриковичей в России: Шуйских, т.е. потомков государя Андрея Ярославича, и московских Калитичей, т.е. потомков Александра Невского. Кроме того, «царевич Петр», давно скончавшийся отец невесты, был знатнейшим чингизидом из рода казанских ханов, до крещения он носил имя Худай-Кул. Таким образом, от этого брака должен был родиться ребенок *очень высокой крови*. И у Шуйских появился бы собственный кандидат на Великое княжение Московское, вполне законный. Он был бы первейшим претендентом на престол... исчезни вдруг малолетние дети, оставшиеся от двух мертвецов — Васи-

лия III и Елены Глинской, а затем и представитель боковой ветви московского княжеского дома — князь Владимир Андреевич Старицкий. Если бы к моменту заключения этого брака Василий III или хотя бы его вдова оставались в живых, то они, разумеется, ни при каких обстоятельствах не допустили бы составления столь опасного альянса! Что же касается Владимира Андреевича, то этот пятилетний мальчик, оставшийся без отца, находился тогда в заключении. Подобную, весьма слабую, фигуру не составляло особого труда быстро «снять» с доски большой политики...

Но родилась девочка, нареченная Марфой. Эта безобидная малышка одним фактом своего существования представляла серьезную угрозу для московского монарха, мальчика-сироты Ивана IV.

Второй брак продолжал большую династическую комбинацию, затеянную Шуйскими: осенью 1554 г. Марфа Васильевна была отдана за князя Ивана Дмитриевича Бельского. В представителях семейства Бельских также текла «царственная кровь» — они были высокородными потомками государя литовского Гедимина. Более того, в 1498 г. Иван III выдал свою племянницу рязанскую княжну Анну Васильевну за князя Фёдора Ивановича Бельского, и жених Марфы Шуйской приходился ему внуком. Выходит... Бельские были и Гедиминовичами, и Рюриковичами, да еще и приходились близкой родней московской монаршей династии. Иначе говоря, достаточно знатными людьми, чтобы в случае династического кризиса претендовать на русский или же литовский престол. Бельские одно время являлись упорными соперниками Шуйских в борьбе за контроль над властью в годы «боярского правления». Этот исключительно богатый и влиятельный род сконцентрировал вокруг себя другую сильную придворную «партию»... К середине 1550-х настало время окончательно примириться и объединить силы двух блистательных

семейств. Иван IV к моменту заключения этого брака уже был взрослым человеком, обзавелся наследником²⁶. Казалось бы, теперь никто не мог легко и просто избавиться от него — как в те годы, когда он, по малолетству, полностью зависел от служилой знати, окружавшей трон. Но за год до свадьбы Ивана Бельского и Марфы Шуйской венценосец серьезно захворал. Разразившийся вследствие его тяжелой болезни кризис показал: судьба династии висит на волоске. Сын царя, сущий младенец, в случае смерти родителя — не претендент... Выходит, сын Ивана Бельского и Марфы Шуйской мог бы оказаться живым поводом для очень серьезного династического проекта. Этого не произошло только по одной причине: в 1571 г. князь Иван Дмитриевич погиб за отечество, защищая Москву от татар, и на нем род Бельских извелся. Желанный — очень желанный! — плод матримониальной комбинации то ли так и не появился на свет, то ли умер в младенчестве.

По уровню продуманности двух этих браков очень хорошо видно: Шуйских, вставших у самого подножия трона, фактически правивших страной, волновало тайное желание преодолеть последний шаг, отделявший их от монаршего венца! Занять престол *кем-то из своих*. Мечтание о монаршей власти, как видно, играло роль бродильного вещества, постоянно возбуждавшего опасные помыслы в их роду...

Еще одну представительницу их семейства попытаются выдать замуж «с дальним прицелом». Однако эта история касается другого времени и самым непосредственным образом скажется на судьбе князя Ивана Петровича Шуйского. Если сравнивать брачный проект с ружьем — пищалью, если угодно, — обретающимся на стене боярского терема, то он должен в конце концов «выстрелить» заранее просчитанными последствиями. Две серьезных попытки Шуйских за счет хитро задуманных браков поднять статус

рода не увенчались успехом. Но... если бы немного удачи... или, точнее, несколько больше расположения Божьего... как знать, не утвердилась бы эта династия на престоле государей российских.

Матримониальное комбинирование на таком уровне — очень опасная игра. Шуйские сделали в ней одну ставку, другую... и в семействе, надо полагать, сильны окажутся сожаления: мол, чуть-чуть не получилось. Взрослея, Иван Петрович будет слышать от отца и его родни туманные намеки в духе: «Могло бы повернуться иначе». Оказавшись во главе фамилии, он, в духе семейной традиции, сочтет возможным присоединиться к самой важной матримониальной комбинации в своей жизни. Иначе говоря, сделает еще одну рискованную ставку. И «пищаль»... выстрелит. Вот только не в ту сторону, куда ее попытаются направить Шуйские. Этот выстрел погубит и самого Ивана Петровича, и других видных фигур в его роду. Почему так получится? Да попросту *в этом семействе считалось, что подобные эксперименты позволительны*. Что они — часть семейной стратегии выживания. И ум Ивана Петровича в решающий час не воздвигнет перед его волей нравственного запрета. «Раз предки мои так поступали, отчего мне так не поступить?»

Темное пламя прошлого, отпылавшее задолго до того, как главный герой этой книги вошел в возраст зрелости, отбрасывает тень на его судьбу.

Князья Шуйские были сильны еще при Елене Глинской, а впоследствии они дважды становилась ведущей политической силой державы: с середины 1538-го до середины 1540 г. (затем их потеснили князья Бельские), а также в 1542—1543 гг.²⁷ (с меньшей степенью преобладания при дворе). Если использовать современную терминологию, то они оказывались в роли «правлящей партии». Их свое-

волие отнюдь не ограничивалось брачными авантюрами. Род изрядно обогатился, обеспечил главным своим представителям высокие чины, нанес тяжелый ущерб своим неприятелям — вплоть до физической расправы. Однако отнюдь не та линия в семействе Шуйских, которой принадлежит Иван Петрович, отец его Петр Иванович, дед Иван Васильевич и брат деда Василий Васильевич, оказалась в наибольшей степени покрыта скверною Смутного времени.

Эта сомнительная «честь» досталась другой линии в роду Шуйских, весьма многолюдном и разветвленном. Разные «ветви» родословного древа Шуйских порой расходились весьма далеко, однако знание и живое чувство общего родства не покидало семейства. Шуйские держались друг за друга, вместе переживали опалу, вместе боролись за возвышение. Подобное поведение являлось общим законом для всей служилой знати Московского государства, и князья Шуйские не составили исключения. Просто к их административным и военным способностям добавлялся родовой дар к придворной интриге. Среди них встречались великие мастера интриги, люди расчетливые, волевые, дерзкие.

Так вот, у героя этой книги был родич, относящийся к этой поросли. Ему не хватало осторожной «стратегической» мудрости князя Василия Васильевича, не отличался он и выдающимися полководческими способностями, но в роли большого интригана нашел и великую славу, и страшную гибель. Мудрено объяснить, сколь сложные родословные «нити» связывали его Иваном Петровичем, агукавшим в пеленках, когда политическая деятельность этого человека вышла в зенит и трагически оборвалась... Скажем так: прапрадед младенца приходился младшим братом деду сего буйного интригана. Звали его князь Андрей Михайлович Шуйский Честокол, и память о нем

осталась в роду очень долгая, вот только не особенно добрая.

В силу принадлежности к «старшей ветви» семейства князь Андрей к началу 1540-х оказался главой рода. Дед и отец героя этой книги уступали ему в родовитости. Но высота положения, как видно, создала у Андрея Михайловича ощущение полной безнаказанности. Как пишет историк Г.В. Абрамович, «...особого внимания заслуживает Андрей Михайлович, политический авантюрист и безудержный стяжатель, деятельность которого легла темным пятном на историю знаменитого княжеского рода»²⁸. После кончины Василия III он ввязался в заговор претендента на трон, удельного князя дмитровского Юрия, и оказался в тюрьме. Несколько лет спустя его вызволила оттуда младшая родня — князь Василий Васильевич. И вот тогда бывший узник «расцвел» по-настоящему. Псковичи, знавшие его как наместника, в летописи своей называли его «злодеем» и охарактеризовали как бешеного мздоимца. Затем он на пару с И.В. Шуйским свел в могилу князя Ивана Бельского, политического противника. А по сообщениям летописи, не дошедшей до наших дней, но известной по пересказу, сделанному М.М. Щербатовым²⁹ в его «Истории Российской», князь А.М. Шуйский своим корыстолюбием поражал современников. Вот характерный отрывок, рассказывающий о правительственной деятельности Андрея Михайловича: «...грабеж и насильное отнятие продажею за малую цену земель у благородных и общее разорение крестьян взятием великого числа подвод из сел и деревень по пути лежащих, когда кто к нему из его деревень ехал или кто от него в деревни отправлялся, так что уповательно и все припасы его, к облегчению его крестьян, ко отягощению же его народному, на таковых взимаемых насильно лошадях наживались». Мало того, митрополит Московский Макарий, глава Русской Церкви,

подвергся унижительным оскорблениям от Андрея Михайловича и его сторонников: на Макарии прилюдно «изодрали» одежды. Впрочем, тут князь Андрей следовал дурной семейной традиции: Шуйские вели себя по отношению к Церкви с крайней бесцеремонностью. Именно они «свели» с престола неугодного им митрополита-книжника, великого ученого мужа Даниила, а потом заставили сойти с кафедры митрополита Иоасафа. Причем главной фигурой в позорных противоцерковных делах являлся князь Иван Васильевич Шуйский. Не столь важны *тактические* причины, по которым это семейство ополчалось то на одного митрополита, то на другого, то на третьего. В сущности, для этого существует одна *стратегическая* причина: в главном архиерее Русской Церкви они видели всего лишь одного из игроков на поле большой политики. И если очередной ход этого игрока чем-то угрожал роду, то Шуйские начинали действовать против него решительно и безжалостно. Священный сан митрополичий нимало их не останавливал и не вызывал почтения.

Впоследствии служилые русские аристократы устами князя-перебежчика Курбского примутся корить Ивана IV, дескать, как мог он с такой жесточью, с таким неуважением относиться к духовенству?! Но ведь научили-то державного мальчика подобному отношению взрослые дяди с княжеским титулом и боярским чином... Именно они унижали главу Церкви на глазах ребенка... И в первую очередь — Шуйские.

Очень хорошо и славно, что действия против законных митрополитов не стали гордостью рода: видимо, Шуйские понимали всю греховность своих поступков. Поэтому жутковатый опыт деда, Ивана Васильевича, и другого старшего родича, Андрея Михайловича, не передался впоследствии Ивану Петровичу. Надо полагать, в семье не любили разговаривать на подобные темы.

За весь род поплатился Андрей Михайлович. Во-первых, из-за того, что был в наибольшей степени дерзок, неукротим и корыстолюбив. Во-вторых, братья Васильевичи — дед центрального персонажа этой книги и брат деда — уже покинули олимп власти для того, чтобы дать отчет Небесному Судии. К 1543 г. Андрей Михайлович выглядел опаснейшим из Шуйских, всё еще принимающих участие в разделе власти. Ему и досталась горькая доля...

Летопись сообщает о его смерти следующее: «Тоя же зимы декаврия 29 [1543] князь велики Иван Васильевич всея Руси не мога терпети, что бояре безсчинье и самовольство чинят без великого князя веления, своим советом единомысленных своих советников многие убийства сотвориша своим хотением, и многие неправды земле учиниша в государеве младости. И велики государь велел поимати первого советника их князя Ондreja Шюиского и велел предати его псарем. И псари взяша и убиша его влекущее к тюрмам против ворот Ризположенских в городе»³⁰. Сторонники и родичи князя Андрея испытали на себе опалу, отправились в ссылки. Летопись добавляет: «И от тех мест начали бояре от государя страх имети»³¹.

Что произошло в реальности? Мнения исследователей разделились.

Некоторые из них уверены в том, что великий князь московский Иван Васильевич, он же тринадцатилетний отрок, сызмальства проявлял крутой нрав, да и развивался весьма быстро. Следовательно, можно принять летописное известие за чистую монету: эмоциональная вспышка государя поставила последнюю точку в биографии А.М. Шуйского.

Другие считают, что Андрея Михайловича, зарвавшегося и потерявшего стыд, а заодно и здравый смысл, остановили другие служилые аристократы, действуя руками отрока-государя.

Наконец, сторонники еще одной позиции, думается, наиболее близкой к истине, трактуют гибель Андрея Михайловича как очередной раунд в борьбе аристократических кланов за власть. Князь А.М. Шуйский был не только человеком сомнительной нравственности, но еще и персоной слишком самоуверенной и слишком недалечно-видной. Плетя интриги, он не учел, что высокое положение Шуйских при дворе изрядно надоело другим «игрокам». И... подставился. А потом уже, через много лет, задним числом, его падение представили как свидетельство возмужания монарха. Между тем Андрей Михайлович и его род вызывали неприязнь или же просто откровенно враждебные чувства и у митрополита, и у могущественных Бельских, и у Старицких (Шуйские присвоили их казну и иное имущество), и у Воронцовых, жестоко оскорбленных Шуйскими, и у иных старомосковских боярских семейств, чьи возможности возвышения сократились. Несколько могущественных фамилий договорились между собой, возможно, даже получили на свои действия формальное разрешение молодого и вспыльчивого монарха, а потом несколькими решительными ударами разгромили «партию Шуйских».

Юный Иван Васильевич, как видно, начал тяготиться навязчивым «опекунством» со стороны Шуйских. И соблазнительное предложение их врагов показалось ему полезным.

Много лет спустя в первом послании Ивана IV беглому князю Андрею Курбскому (1564) фамилия Шуйских получила уничтожающую характеристику: «...князя Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на

дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на Церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим, святопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бессчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и

села и, подвергая жителей различным жестоким мучениям, без жалости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее поступали и говорили... Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Так же вот и князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, вытащили из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому, а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр пихали взашей. Это они-то — доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватали угодных нам бояр и избивали их, мучили и ссылали?.. Что же и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!»³²

Эту огромную цитату пришлось привести здесь по нескольким причинам. Во-первых, она «гуляет» по научной и — еще того больше! — по научно-популярной литературе, редко удастаясь внятного комментария. На ее основе часто делают масштабные и совершенно непропорциональные выводы. Во-вторых, она застилает реальную позитивную роль Шуйских в государственной жизни России того времени.

После ее внимательного прочтения возникает вопрос: если Шуйские оказались такими злодеями, отчего они не утратили доверия монаршего? Отчего им продолжали давать высокие думные, воеводские и административные чины?

Конечно, главные персоны этого рода, вызвавшие раздражение у государя, сошли в могилу до того, как он достиг совершеннолетия. В 1538 г. не стало князя Василия Васильевича Шуйского, в 1542-м — Ивана Васильевича, а в 1543-м — Андрея Михайловича. Как будто и опалиться более не на кого... Но это лишь на первый взгляд. Князь-то Петр Иванович, один из главных организаторов большого дворцового переворота в 1542 г., избежал казни, более того, сделался одним из главнейших полководцев всего грозненского царствования. Да и прочие «крупные» Шуйские уцелели в 1543-м, а потом вновь поднялись высоко. Некоторые из них подверглись кратковременной опале, но она всего лишь замедлила их карьеру, не более того. Шуйские сохранили за собой несколько мест в Боярской думе. Через несколько лет они оказались достаточно сильны, чтобы нанести мощный удар по неприятелям своим — клану князей Глинских. Позднее сын казненного Андрея Шуйского, Иван, сделает фантастическую карьеру. Выходит, не столь уж велика оказалась обида Ивана Васильевича на Шуйских... А казалось бы: под корень род подобных кровопийц! Какая им вера?

Точную характеристику положения Шуйских при повзрослевшем Иване Грозном дал историк Г.В. Абрамович: «В малолетство Ивана IV Шуйские в роли регентов стояли во главе Русского государства. Этот период их деятельности, весьма противоречиво освещенный источниками, требует особенно тщательного исследования. Последующая история рода примечательна тем, что, лишившись задолго до опричнины, в результате припадка ярости тринадцатилетнего Ивана IV, одного из своих представителей — Андрея Михайловича³³, в дальнейшем, на протяжении всего царствования Грозного, род Шуйских, в отличие ото всех других княжеских родов России, даже в разгар опричного террора не потерял ни одного человека. Этот факт находится в полном противоречии с той демонстративной ненавистью, которой пропитаны обвинения Грозного в адрес Шуйских в его послании к князю Андрею Курбскому. А ведь именно им придают такое большое значение историки, исследующие царствование Ивана IV. Напротив, как бы в опровержение этих обвинений, Шуйские на протяжении всего царствования Грозного входили в состав Боярской Думы и занимали самые высокие посты в наместничествах и воеводствах»³⁴.

Стоит напомнить: так горько Иван IV писал о Шуйских в 1564 г. К тому времени он давно миновал порог тридцатилетия, сделался полновластным правителем, научился казнить своих недоброжелателей безо всяких «псарей» и прочей посторонней помощи. В 1540-х, быть может, он не мог расправиться с ненавистным родом, поскольку не обладал еще столь прочной властью. Но к 1560-м он ее обрел в полной мере. Написал страшные слова о Шуйских...

И никого из них пальцем не тронул!

Должно быть, в зрелом возрасте он сформулировал для себя некие очень веские доводы в пользу Шуйских. Полемизируя с Курбским, царь выплеснул на бумагу старинные обиды, но аргументы, заставлявшие его ценить

древнюю княжескую фамилию, излагать не стал. Повода не нашлось...

Какие же заслуги числились за родом князей Шуйских со времен «боярского правления»?

Разумеется, без настоящего государя кланы бояр и княжат могли распоряжаться казной страны, скажем так, с большой вольностью. Тем более с «осиротевшей казной» дядьев мальчика-монарха — мятежных удельных князей. Конечно, они усиленно заботились о родне, добывая для нее высокие посты разного рода. Конечно, участники большой политической игры не стеснялись убивать своих противников. Тем более разорять их, высылать в дальние края, сажать в тюрьмы, лишать должностей и т.п. Но такое можно сказать о многих семействах служилой аристократии. Шуйские оказались разве что несколько решительнее и удачливее своих «оппонентов». Но они не являлись какими-то извергами рода человеческого, их нравственный облик особенно не выделялся на общем фоне социальной среды русской служилой знати. Коря Шуйских, царь мог бы точно также укорять и прочие фамилии «княжат».

Между тем у Ивана IV имелись очень серьезные причины испытывать чувство большой благодарности к их роду.

Прежде всего, опекуны-Шуйские, как ни парадоксально, являлись главными защитниками малолетнего монарха. Может быть, им удобно было администрировать из-за спины малыша и его именем. А может быть, помимо аристократической спеси в их семействе силен оказался христианский долг. Или, что не менее вероятно, Шуйские просто числили себя по старинному обычаю среди истинных «хозяев земли». Издревле Русь считалась вотчиной Рюриковичей. Как московские Калитичи, так и Шуйские относились к древним и сильным ветвям династии. Кровь в их жилах текла одна, бешеная кровь дружинных вожа-

ков, и... нехорошо, подло было убивать единокровного человека, такого же «хозяина земли».

Могли Шуйские, что называется, «скормить» опекаемого мальчика иным крупным «игрокам» смутной поры, добившись для себя изрядной пользы? Да, могли. Отдали бы его, скажем, Старицким и получили бы вечную их благодарность... Или же польско-литовскому монарху, давнему врагу Москвы. Между тем на протяжении нескольких лет тяжелой и кровопролитной «Стародубской» войны с поляками и литовцами, разразившейся при младенчестве Ивана Грозного, князя Шуйские исправно водили в бой полки и армии. Защищали *землю*. А вместе с нею — чужую для московской Руси женщину, Елену Глинскую — *не из Рюриковичей*. Защищали и ее сына, по поводу которого ходили неприятные слухи: законнорожденный ли? Точно ли от отца-старика Василия III? Многие, не стесняясь, называли имя фаворита великой княгини, считая его отцом мальчика. Как знать, что думали на этот счет Шуйские, но в обиду они этого мальчика не дали.

Могли Шуйские, договорившись с прочими кланами служилой знати, расчленив державу, погрузив ее в темные воды политической раздробленности? Иначе говоря, вернуть Московское государство на столетие назад, ко временам междоусобных войн? Поднатужившись, смогли бы. А они сохранили единство державы и проявили дельные качества, участвуя в государственной работе — за исключением, разве что, Андрея Михайловича. Но в семье, как говорится, не без уroda...

С кем Шуйские перемогались в первую очередь, стоя у кормила власти? Главными их врагами оказались князья Бельские — Гедиминовичи, недавние пришельцы, чужаки гораздо большие для Москвы, нежели Елена Глинская. Ее-то хоть связывал с землей брак и рождение наследников. А Бельские — совсем другая история. И стоит всмотреться в нее: многое станет понятным.

В конце XV — начале XVI столетия на службу к великому князю московскому перешло несколько знатнейших родов литовско-русских князей Гедиминовичей. Особенно возвысились в России Бельские и Мстиславские. В обстановке бесконечных войн с Литвой их очень ценили при дворе московского монарха — не только за высокую кровь, но и за многочисленные связи в среде литовско-русской аристократии. Но служили они, скажем так... переменчиво. Да и в московские порядки вращались трудно. По всей видимости, они не торопились ассоциировать интересы рода с интересами страны. Их беспокоил соблазн перейти литовский рубеж и вновь стать подданными прежнего сюзерена. В роду Бельских, оказавшихся на русской службе в 1480-х гг., таким перебежчиком стал князь Семен Федорович. Летом 1534 г. он ушел из Серпухова в Литву. Позднее его племянник, крупнейший московский военачальник князь Иван Дмитриевич Бельский, начнет готовить побег, но зимой 1561/62 г. его остановят. Подозрение не раз падало и на других выходцев из этого рода. К тому же Бельские время от времени терпели крупные поражения на ратном поле. Как видно, неистовая кровь Гедиминовичей не передала им частицы полководческих талантов, коими славились литовские правители... Коренная знать Северо-Восточной Руси, боярство московское и княжата, давно служившие Москве, «своими» для них не являлись. «Хозяева» это чувствовали, да и необходимость потесниться, уступая «пришельцам» пространство у подножия престола, не способствовала доброму взаимопониманию. Царь Иван пенял Шуйским за их самозванное опекунство. А они, во-первых, оказались в опекунах вполне законно, ничуть не руша волю покойного Василия III, у коего были первенствующими вельможами, и, во-вторых, были бы у мальчика иные опекуны, так не произошло бы от того горших бед? В 1540—1542 гг. значительную власть получили

Бельские. И что же? Что доброго они сделали России? Амнистировали своего родича-перебежчика, дали своим сторонникам большие земельные пожалования, выпустили из заточения Старицких, которые вновь обрели значение живой династической угрозы «опекаемому» Ивану Васильевичу³⁵. Раздавая «сферы влияния» ближним людям, Бельские шли тем же путем, что и Шуйские, но в великих делах правления они были менее склонны действовать ко благу Русской державы. Шуйские проявили себя в этой роли как минимум не хуже Бельских, а по ряду важных признаков — лучше.

Позднее женитьба князя Ивана Дмитриевича Бельского на Марфе Васильевне Шуйской погасила долгую вражду двух этих родов.

В конце 1540-х период «боярского правления» подошел к концу. Завершилась отчаянная борьба между придворными «партиями» за первенство у кормила власти.

Сложился баланс возможностей, интересов и сфер влияния, поделенных сильнейшими аристократическими группировками между собою. Длительный политический кризис миновал, наметилась консолидация «сливок аристократии». Можно сравнить положение, к которому пришла политическая элита России, с современной акционерной компанией. Несколько десятков семей получили большее или меньшее количество «акций», позволявших пребывать на высшем этаже властной иерархии, получать разного рода «экономические бонусы» и участвовать в разделе ключевых должностей. После кровавых междоусобий этот мирный способ организации политического поля гарантировал главным «игрокам» стабильность в обмен на их общий отказ от попыток добиться доминирования. Прекратились позорные «сведения» митрополитов с кафедры. Государь московский — впервые в русской

истории — принял царский титул. Высшая власть принадлежала теперь ему... и всё тем же «партиям» знати. Он фактически получил роль крупного акционера, а также «исполнительного директора», весьма зависимого, правда, в своих решениях от воли правления, куда вошли прочие крупные акционеры. Начался долгий, на первых этапах мирный, а затем болезненный и насильственный процесс передачи властных полномочий от служилой аристократии к самодержцу. Он желал получить 100 % акций. Знать не торопилась расставаться со своими активами.

Шуйские, как и прочие знатные рода, понемногу отдавали бразды правления монарху. Для них золотой век закончился. Однако прочное место среди тех, кто входит в боярское правительство, они, без сомнения, сохранили. Фактически Шуйские вышли из бурных волн смуты с солидным пакетом «акций».

Новая полоса «боярского правления» чуть не началась в 1553 г. Как сообщает летопись, весной, вернувшись из поездки в Троице-Сергиеву обитель, «...разболеся царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, и бысть болезнь его тяжка зело, мало и людей знаяше, и тако бяше болезнь, яко многим чаяти, х концу приближися. Царя же и великого князя дьяк Иван Михайлов вспомяну государю о духовной, государь же повеле духовную свершити, всегда бо бяше у государя сие готово. Свершившее же духовную, начаша государю говорити о кресном целовании, чтобы князя Владимера Ондреевича [Старицкого] и бояр привести к целованию на царевичево княже Дмитреево имя. Государь же в вечеру том и приведе к целованию бояр своих...»³⁶ — далее идет список служилых аристократов, целовавших царевичу крест первыми и безо всяких пререканий. Но таковых оказалось совсем немного. Среди прочих поползли опасные разговоры: не лучше ли вме-

сто младенца иметь в государях князя В.А. Старицкого — взрослого человека? Не станут ли во главе царства родичи жены Ивана IV, старинные бояре московские Захарьины-Юрьевы? В 1530-х — 1540-х гг. русская знать в совершенстве научилась искусству править именем ребенка... Да не сами ли Захарьины-Юрьевы затеяли всё это?

Игра между разными претендентами на престол напомнила старые «добрые» времена «боярского правления». Могучим аристократическим кланам открывалась возможность начать новые политические игры, пересмотреть старый раздел «сфер влияния», получить больше власти. Модель «мирного соглашения», консолидировавшего русскую политическую элиту, могла смениться, по современной терминологии, «соревновательной моделью», т.е. очередным междоусобьем. Шуйские не оказали тогда какой-либо поддержки Старицким. Но им явно не нравилась мысль оказаться в подчинении у клана Захарьиных-Юрьевых.

Хворый царь велел приводить князей и бояр к присяге в «Передней избе». Сам выйти к ним не мог, «понеже... изнемогаше велми, и ему при себе их приводити к целованью истомно...». Поэтому государь Иван Васильевич отправил для проведения ритуала «ближних бояр»: князя И.Ф. Мстиславского и князя В.И. Воротынского. Вот тут-то у многих сдали нервы. «Бысть мятеж велик и шум, и речи многие во всех боярех, а не хотят пеленичнику служити». И первым подал голос боярин князь Иван Михайлович Шуйский, брат убитого Андрея Михайловича. Как говорит летопись, он «...учал противу государевых речей говорить, что... не перед государем целовати [крест] не мочно: перед кем... целовати, коли государя тут нет»³⁷. Царь призвал забунтовавшую знать к себе, выбранил, пояснил, что служить по крестному целованию присутствующие будут не Захарьиным, а государю Дмитрию Ивановичу,

призвал верных бояр к твердости. Но трудно сказать, как повернулись бы события, если б он не выздоровел. А с выздоровлением Ивана IV и суть проблемы исчезла. Перед служилой аристократией вновь стоял взрослый монарх, а не «пеленочник».

Князя И.М. Шуйского не казнили. Он даже не растерял своего, весьма значительного, влияния при дворе. Наказали тогда лишь тех, кто откровенно действовал в пользу Старицких. Да и то не сразу, а лишь после того, как группа князей Ростовских попыталась уйти за литовский рубеж, боясь воздаяния. Прочих не тронули: слишком многие достойны были кары, но не чинить же расправу над доброй половиной двора? Какой мятеж бы еще вышел, страшно вообразить...

Люди того времени вели себя совсем не так, как наши современники. Не так думали, не так говорили, иные поступки совершали в сходных ситуациях. На огромных просторах лесистой страны гуляла воля, люди переполнены были витальной энергией, она то и дело перехлестывала через край. На протяжении нескольких веков — XIV, XV и первой половины XVI в. наш народ во всех главных проявлениях своих отмечен благородной избыточностью. Что ни возьми, всё оказывается чересчур, ко всему приложена клокочущая сила. И более всего это витальное неистовство видно в персонах княжеской крови, «сливках» русской знати. Они готовы были без горя и ужаса каждый год выступать в походы и с любым неприятелем «пить смертную чашу». Сила веры порой приводила их в обители, к величайшей святости. А сила корыстных устремлений толкала затевать мятежи, заговоры, грызться за власть в беспощадных междоусобьях.

Промежуток от Сергия Радонежского до митрополита Макария — эпоха, когда Русская земля наполнилась

яркими личностями. Их было столько, сколько пузырей появляется на луже, когда идет ливень. Их было — не перечесть. И всякий — на свой лад, со своей миссией и своими причудами.

Сколь сильно отличается это великое время — может быть, величайшее во всей русской истории! — от серой невнятицы XII столетия, от корыстного копошения первой половины XIII века... Дюжинный кондотьер вроде Юрия Долгорукого на этом фоне выглядел большой политической фигурой. А настоящие крупные личности уровня Владимира Мономаха или Андрея Боголюбского уподоблялись залитым солнцем утесам, стоящим в окружении замшелого кустарника. Идея затеять свару с родней за более выгодное княжение и положить несколько тысяч ратников, сойдясь с единокровными неприятелями в междоусобной сече, была образцом стратегического плана. Вожди дружин того времени, те же самые Рюриковичи, словно не задумывались о будущем дальше, чем на несколько месяцев вперед.

Русские князья той поры напоминали стаю ворон: перелетали с гнезда на гнездо, отыскивая для себя удел побогаче, клевали друг друга, не в силах смириться с богатством соседей, а когда самое уютное гнездо — великокняжеский стол — оказывалось вакантным, вся огромная стая с карканьем поднималась в воздух, устраивала побоище и вновь «переделивала» гнездовье. Ни героизма, ни самопожертвования, ни великих помыслов. В лучшем случае — разбойничья удаль да свирепость в отношении побежденных. Святость поблекла, богословская мысль затихла. За полтора столетия выросло лишь два значительных мыслителя: Климент Смолятич и Кирилл Туровский. Лишь великое каменное строительство еще напоминало о прежней мощи древнерусского общества...

«Дух отлетел», — как говаривал Константин Николаевич Леонтьев...

И вдруг среди духовной пустоши появляются один за другим Александр Невский, Михаил Черниговский, Даниил Московский, Михаил Тверской, преподобный Сергей. Когда надежды отлетели, вера ослабла и любовь притупилась, явлено было ободрение для Руси: держитесь! Грядет другое время! Сосуд пустой наполнится горячим вином!

Вскоре после монгольского нашествия стал совершаться великий поворот от ничтожества к величию.

До середины XIV в. градус внутреннего тепла Руси постепенно повышался. А с этого времени земля, люди, кровь, вера и творчество смешались в один громадный протуберанец кипящей лавы. Страна с великой болью, не считая потерь, теряя очень много крови, поднималась, сбрасывала ордынское иго и повсюду творила новые смыслы, новых людей, новую политику. Даже верить училась по-новому, горячее, истовее. Казалось, само небо спустилось на землю, чтобы застыть играющей лазурью на иконах Андрея Рублева.

К середине XVI в. время творения невиданных смыслов и невиданной доселе государственности начало иссякать. Всё рожденное в великом усилии должно было застыть и получить окончательную, строго определенную форму. Однако носители неистовой крови — аристократия наша — «опаздывали», находясь умом и сердцем в предыдущем веке.

Всё это воинство сильнейших, умнейших, амбициознейших людей не хотело застывать. Оно как будто не желало холода и твердости. Оно как будто стремилось по-прежнему быть лавой, хоть «кипение земли» уже иссякло. Земля искала порядка, упорядочения. А у нашей великородной знати энергия всё еще бурлила, всё еще искала выхода.

Годы «боярского правления», взятие Казани, да еще, может быть, начало Ливонской войны — последние

вспышки прежнего косматого солнца, зажигавшего сердца русских людей. И в них видно уже «падение качества», нарастание мотивов личной корысти. Еще готовы наши книжники извергать великие идеи, но всё больше их умственный и духовный труд затопляется волнами монотонной хозяйственной деятельности. Еще могут наши аристократы жизнь отдать за Отечество, еще чураются они большой смуты, еще живо благородство их помыслов. Но уже высчитывают они шаги до престола и все чаще вспоминают о вольнице предков, нимало не подчинявшихся единодержцу. Все больше научаются они работать не умом, не сердцем и не крепкими, привычными к мечу руками, а... локтями — расталкивая соперников в борьбе за высокие чины и богатые поместья.

Хронологическое пространство от опричнины до петровских реформ трагично. Россия исполнена колоссальной жизненной силы, ей устраивают кровопускания — одно другого ужаснее, она болеет, встает на ноги, получает еще один удар, опять болеет, и все-таки опять встает на ноги... На протяжении нескольких десятилетий старомосковское общество, вздыбленное опричниной, болезненно пережившее конец династии Рюриковичей и годуновское самовластие, находится в состоянии еле сдерживаемого взрыва. Наконец, рванула Смута. В 1611 г. России не существовало. Размеры катастрофы Смутного времени сейчас трудно себе представить. По всей вероятности, потери, понесенные тогда русским народом, сравнимы с последствиями гражданской войны, если только не больше³⁸. Сильная вера, сильная нравственность и огромная жизненная энергия, содержащиеся в людях того времени, дали возможность спасти рушащийся дом. А потом пережить нашествие королевича Владислава, поражение в Смоленской войне, Разинщину, городские бунты всех сортов, тяжкие войны на юге и западе, мятежные выплески стрелецкой стихии. Сохранение того, что родилось в эпоху акмэ, требовало чудовищного

напряжения, огромных жертв — и от простого народа, и от правящего сословия. В XVII столетии Московское государство (и, значит, русский культурно-исторический тип) проявило необыкновенную волю к жизни. И величественное здание Российской империи — наша «золотая осень» — встало на прочный фундамент старомосковских ценностей, старомосковской Традиции.

Но в середине XVI столетия нет еще и предчувствий о подобных кровопусканиях. И трепещет в сильной, умной, отважной... мятежной и своекорыстной знати избыток энергии, бешеная кровь. Когда монарх находит способ потратить это высокое, благородное буйство на дела, необходимые всей державе, случаются великие победы, Русь расширяет границы. Но если подобных «энергоотводных» каналов нет или они слишком узки, то само время замутняется... В такие моменты неизбежно начинается большое междоусобье.

Судьба рода, судьба всей русской аристократии, служившей государям московским, выковала из И.П. Шуйского человека, у которого в груди как будто бились два сердца. Порою ритм их сливался. Тогда жизнь Ивана Петровича шла мощно и ровно. Но иногда биение двух сердец совершалось невпопад, и судьба князя Ивана поворачивала к большому лиху.

Одно сердце говорило ему: «Ты высокородный потомок Рюрика. Отец твой поверг могущественных Бельских. Дед твой правил страной как “московский наместник”, а его страшему брату даже особого звания придумывать не пришлось — он и без такой новины держал государство в кулаке. Прадед был князем-наместником в независимом Пскове. А прапрадед с братом своим держал Суздаль, Нижний Новгород и иные города как независимый удельный государь. А ты? Где ты нынче, кто ты? Быть *рядом* с престолом это ведь... почти *на* престоле? Так долго ли перешагнуть через это “почти”? Разве ты права не имеешь?»

Другое сердце заводило иные речи: «Ты с этой землею связан на веки. Ты один из ее хозяев, но ты же и служебник ее. Твой отец, дед, прадед и прапрадед честно дрались с татарами, литовцами, шведами и ливонскими немцами. Поцеловав крест государю московскому, стой твердо за него и за христианскую веру, служи прямо и верно».

Величие предков влекло потомка к двум разнонаправленным путям. Пойти по первому из них звали воспоминания о самостоятельном княжении, о правлении в городах и областях богатого Суздальско-Нижегородского княжества, о недолгом, но ярком первенстве на Москве. Ко второму подталкивала память о громкой воинской славе рода, о почестях, заработанных на полях сражений и принятых от великого государя.

И кто из русских княжат XVI в. не жил двоемысленно? Разве только самые слабые, самые худородные, да еще... лучшие христиане. А добродетели богатырские, княжеские, можно сказать, «кшатрические» только тогда приносили на Руси добро, когда бывали крепко взнузданы добродетелями христианскими. И только тогда держава наша строилась как общий дом.

Русской знати — не только Шуйским, но и просто большинству служилых аристократов — этой узды не хватало. Энергия распирала их. Отсюда проистекает и всё неистовство их судеб.

* * *

Иван Петрович начинал службу, как и отец, на относительно скромных должностях. Самое раннее упоминание его в воинских разрядах относится к декабрю 1562 г.

В зимнем полоцком походе 1562/63 г. князь Иван — всего-навсего один из знатных людей в свите государя³⁹. Честь без власти. Это должность для молодого человека. Как видно, И.П. Шуйский родился скорее где-то в первой половине 1540-х, чем во второй половине 1530-х.

Должность не требовала от него принятия каких-либо тактических решений. Зато «полоцкое взятие» подарило ему, возрастающему полководцу, ни с чем не сравнимый опыт. В первом же своем боевом походе князь Иван получил представление о масштабной операции по взятию крупного города, для которой московское правительство сконцентрировало колоссальные силы. Вот это школа! Князь еще не раз будет свидетелем и участником осадных операций. Сам испробует нелегкий труд «градоемца», а затем отведает, каково быть на противоположной стороне — в крепости, среди осажденных. Военная карьера его завершится величайшей во всей истории Московского царства защитой города. Когда польский король попытается взять Псков на копье, наступит звездный час в судьбе Ивана Петровича... И он не раз, надо полагать, вспомнит, как дрался двадцать лет назад под стенами Полоцка, чему научила его та давняя военная страда. Вся служивая биография князя — будто струна, туго натянутая между Полоцком и Псковом...

И.П. Шуйскому предстоит сделаться не только крупным военачальником, но и выдающимся политическим деятелем. Ему суждено прожить долгую жизнь, получить боярский титул, при двух государях заседать в Боярской думе, вершить великие дела правления. И здесь, на Западной Двине, он получал еще и политический опыт: на его глазах развязывался узел, приводивший целый регион в страшное напряжение.

Глава 4. «ПОЛОЦКАЯ ПРОБЛЕМА»

Целая глава в этой книге посвящена предыстории «полоцкого взятия». К биографии князя Ивана Петровича Шуйского она не имеет никакого отношения. Читатель,

не склонный отрываться от извивов судьбы этого человека, может пропустить ее и сразу же перейти к событиям 1563 г. — великому сражению за город на Двине. Но для тех, кто хочет понимать, отчего Полоцк был столь важен, почему именно для его взятия была собрана поистине великая армия, по каким причинам потеря его поставила Великое княжество Литовское в трагическое положение, полезным будет одолеть эту главу.

Кроме того, многовековая «полоцкая проблема», не связанная с жизнью и службой самого князя Ивана, имеет самое прямое отношение к делам его предков.

Еще в XIII столетии Полоцк был центром самостоятельного княжества. Полоцкий «стол» считался завидным: местному князю подчинялся богатый торговый центр и обширные земли. Здесь же стояли древние православные святыни: собор Святой Софии и Спасский храм с кельею святой Евфросинии Полоцкой. Княжество успешно противостояло немецкому натиску.

Однако в XIV в. Полоцкая земля постепенно оказалась под властью литовских князей. В итоге она стала частью Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Само ВКЛ долгое время имело рыхлую политическую структуру, являясь в большей степени «семейным владением» князей-Гедиминовичей, нежели государством с единым управлением и единым законом. Поэтому Полоцк очень долго сохранял права и привилегии почти независимой территории. Во второй половине XIV столетия там долгое время правил выдающийся политический деятель того времени князь Андрей Ольгердович, именовавший себя «королем полоцким».

С течением времени великие князья литовские повели наступление на такие вот полунезависимые территории в составе ВКЛ. Их права постепенно урезались. Но

на этом пути литовские монархи встретили справедливое сопротивление своих подданных. Время от времени страна погружалась в пучину внутренних войн и великих смут. В XIV — первой половине XV в. Великое княжество Литовское непрерывно росло, и к середине XV в. его государственная территория достигла колоссальных размеров. На какое-то время оно стало господствующей державой Восточной Европы. Помимо сравнительно небольших собственно литовской и жемойтской областей (на северо-западе огромной державы), в нее входили широкие пространства «Литовской Руси» — древнерусские земли и княжества, многократно превосходившие по размерам самое Литву.

Литовская Русь включала в себя Владимир-Волынский, Киев, Чернигов, Полоцк, Витебск, Смоленск, Вязьму, Дорогобуж, Брянск и множество других крупных городов и богатых областей. Когда-то многие из этих областей обрели политическую выгоду в союзе с литовскими князьями и даже в подчинении им, поскольку это было лучшим исходом по сравнению с ордынским игом. Однако они не искали закабаления со стороны литовского центра. Население Великого княжества Литовского было на две трети восточнославянским. Жители Литовской Руси именовали себя «русскими» (именно такое написание было принято в те времена).

Московско-литовский рубеж во второй половине XV в. проходил недалеко от Тулы, Калуги и Можайска. «Двойными» (т.е. совместными) московско-литовскими владениями считались Ржев, Торопец и Великие Луки. Московское княжество по сравнению с ВКЛ долгое время выглядело просто карликом, намертво сжатым в лесистом междуречье Оки и Волги... В наше время можно за два-три часа добраться из Москвы на электричке до западных рубежей Московской Руси XV в.. Нынешние дачные поселки

на западе дальнего Подмосковья 550 лет назад были бы «ближним зарубежьем»...

На протяжении XV в. мощь Великого княжества Литовского подтачивалась внутренними раздорами: государство отнюдь не было монолитным. На восточных его рубежах целыми областями владели могущественные полунезависимые удельные князья. Группировки магнатов (богачей аристократов), князей и шляхты имели различную политическую ориентацию. Одни стояли за теснейший союз с Польшей. Другие тянули к Москве. Третьих устраивало, чтобы Великое княжество Литовское оставалось таким, каким оно было в те времена. Наконец, четвертые планировали выйти из его состава и жить самостоятельно. Положение осложнялось борьбой католичества и православия на территории страны.

В 1432 г. в Великом княжестве Литовском началась одна из самых продолжительных и кровавых внутренних войн за всю историю этого государства. Масштабы ее были таковы, что все соседи ВКЛ оказались втянутыми в ход боевых действий: немецкие крестоносцы, Силезия, Москва, Тверь, королевство Польское, татары, валахи и т.д. Взаимное ожесточение неприятельских сторон достигало порою невиданных пределов: уничтожение пленников, бойни мирного населения страны, публичные казни знатнейших лиц Великого княжества, заподозренных в измене, стали обычным делом в ходе гражданской войны. Эта война оказала решающее влияние на изменения в политическом устройстве ВКЛ.

Полотчина и Витебщина приняли в ней активнейшее участие, преследуя конкретные политические цели, и время от времени сами превращались в театр боевых действий. Война 1430-х гг. прошла историческим изломом через судьбу этих земель и надолго вперед определила характер их политического бытия. Для того чтобы оценить

ту роль, которую сыграл Полоцк (и Витебск) в гражданской войне, а также результаты участия в ней для самих полочан, прежде необходимо обратиться к причинам широкомасштабного конфликта в Великом княжестве и общей расстановке сил.

В середине XV в. на территории ВКЛ еще не сложилось единого белорусского этноса, но соседствовали литовский и русский народы. Многие историки отзывались о гражданской войне в ВКЛ как о битве двух народов: литвы и руси. Так ли это? Был ли лагерь Свидригайло чисто русским или хотя бы в основном русским в этническом отношении? Источники на первый взгляд подтверждают это: как белорусско-литовские летописи, так и польские и немецкие хроники. Наиболее пространным источником по истории гражданской войны служат хроники Яна Длугоша, Мартина Кромера и Мачея Стрыйковского.

В вопросе о национальной принадлежности сторонников двух неприятельских лагерей Длугош и Стрыйковский как будто едины: и тот, и другой уверяют, что за Сигизмунда Кейстутьевича стояла Литва, а за Свидригайло — Русь, и им вторят белорусско-литовские летописи. В частности, Длугош пишет: после переворота в августе 1432 г. «...князь Сигизмунд получил под свою власть все замки литовские, как-то: Вильно, Троки, Гродно. Земли же русские, Смоленск, Витебск, князю Свидригайло остались верны»⁴⁰. Стрыйковский ему не противоречит. Описывая ситуацию, создавшуюся после поражения Свидригайло при Ошмянах, хронист замечает: Свидригайло бежал на Русь, где был принят русскими, «...а более всего смоленчанами, с которыми он потом воевал в Литве. Поэтому также руссаки полочане и киевляне приняли его князем, а Сигизмунд... во всей Литве, Вильно, Троках и других замках, а также в Жмудской земле легко водворился...»⁴¹. Со времен А. Левицкого⁴² в научное обращение введено

высказывание Краковского епископа Збигнева Олесницкого, противопоставившего «схизматиков-русских» и литовцев.

Но те же хроники и другие источники дают возможность представить круг ближайших к Свидригайло персон после 1432 г. Среди них немало знатных литовцев, и на этот факт исследователи уже неоднократно обращали внимание. А. Коцебу еще полтора века назад также назвал целый ряд случаев, когда среди доверенных людей Свидригайло обнаруживаются знатные литовцы. А к выкладкам Коцебу необходимо отнестись со всем вниманием: они основаны на изучении чрезвычайно богатой источниковой базы: немецких актов XV века, принадлежащих канцелярии ордена и собранных вместе кенигсбергским архивариусом Геннингом⁴³.

Итак, в известиях хроник сразу же бросаются в глаза имена Яна (Ивана) Монивида, спасшего Свидригайло от покушения на его жизнь и впоследствии казненного; воеводы виленского Дедигольда, попавшего в плен к Сигизмунду Кейстутьевичу в битве при Ошмянах вместе с воеводой трокским Монивидом и литовским маршалком Ромбольдом (Румбольдом), — причем последние два были также казнены Сигизмундом⁴⁴. Но и другие активные сторонники Свидригайло, упорно называемые исследователями «русские князья», «русские феодалы», — были ли они на самом деле русскими? Если исключить зарубежных союзников Свидригайло, то, без сомнения, русскими можно назвать лишь пятерых братьев князей Семеновичей Друцких, упоминания которых встречаются в самых разнообразных источниках: Ивана Бабу, Ивана Путятю, Михаила Болобана (Лобана), Василия Красного и Дмитрия Секиру, носившего также, видимо, звание князя Зубревицкого⁴⁵. А вот среди остальных «русских» князей большинство — сыновья или внуки чистейших литовцев.

Они могут быть приняты за русских лишь по православной форме их христианских имен (в первом или втором колене) и по славянизированному варианту княжеского звания (патрониму или топониму). Например, союзники-противники Свидригайло, князья Гольшанские (Михаил и Семен Ивановичи, а также Даниил Семенович, убитый под Ошмянами⁴⁶), о которых речь еще пойдет ниже, — они же Ольгимунтовичи, представители литовского рода, чьи корни уходят во времена подревнее Гедиминовых. Или же князь Юрий (Георгий) Семенович, активнейший соратник Свидригайло, призванный в 30-х гг. XV в. в Великий Новгород на княжение⁴⁷. То же «русский князь», сын Лингвеня Ольгердовича, во крещении Семена. Или, скажем, «русские» князья Федор и Сигизмунд Дмитриевичи Корибутовичи Збаражские, оба сложившие голову в Вилькомирской битве 1435 г. (Федор был взят в плен, а затем утоплен)⁴⁸. Наконец, один из наиболее деятельных воевод Свидригайло, князь Александр Нос — по мнению И. Вольфа, представитель рода князей Пинских — Гедиминовичей⁴⁹. И так далее: князь Юрий Михайлович Заславский — Гедиминович; переменчивый политик кн. Олелько Владимирович — внук Ольгерда; князь Ярослав-Теодор Семенович... он же Лингвеневич. Делает ли православие за одно-два поколения литовца русским? Вряд ли. Чрезвычайно затруднительно было бы определить, на каком языке говорили все перечисленные князья и обычаев какого народа они придерживались. Их нельзя уверенно называть ни литовцами, ни русскими... Наиболее точный термин был введен А. Пресняковым: «литовско-русские князья»⁵⁰. Быть может, именно на уровне высшей, княжеской аристократии принятие православия и матримониальные связи более явно по сравнению с другими социальными группами населения ВКЛ предъявляют начальные этапы формирования белорусского этноса.

Таким образом, с национальной точки зрения лагерь Свидригайло отнюдь не являлся монолитным. И сам Свидригайло, как бы специально в подтверждение этого, писал в одном из своих посланий конца 1432 г., что выступил в поход на Литву «по просьбе русских и литовских бояр и вельмож»⁵¹.

На территории Великого княжества Литовского времен Витовта с 1432 по 1436 г. существовало два великих княжества — Литовское и Русское. По сообщениям белорусско-литовских летописей, Свидригайло был объявлен «князьями русскими и боярами» великим князем русским⁵². Во внешних сношениях он также продолжал носить великокняжеский титул наравне с Сигизмундом.

У начавшейся войны была и чисто политическая почва. В боярско-княжеской среде Великого княжества Литовского могла идти широкомасштабная борьба группировок кланового типа, доросшая в 1432 г. до стадии войны. Во всяком случае бурная политическая биография Свидригайло, более тридцати лет войн и скитаний, установление связей с союзниками самого разного сорта при его широком и щедром характере уже ко времени вокняжения Свидригайло в 1430 г. обеспечили ему мощную плеяду сторонников; те же князья Друцкие, как отмечал А. Дворниченко, связаны были со Свидригайло еще с 90-х гг. XIV в.⁵³ Все эти сторонники ориентировались на личность Свидригайло, и влияние их группировки было столь велико, что при избрании Свидригайло великим князем немецкий современник отмечал полное единодушие литовской и русской знати⁵⁴. В дальнейшем, после переворота 1432 г., одна лишь данная группировка могла, вероятно, выставлять внушительную воинскую силу.

Огромное влияние на ход гражданской войны оказала внешнеполитическая ориентация двух противоборствующих вождей — Свидригайло и Сигизмунда Кейстутевича, — а также действия их зарубежных союзников.

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения то, что Сигизмунд Кейстутевич был «креатурой поляков». Он получал от Польши военную и политическую помощь в обмен на покорность в вопросах, касающихся Подолии (за нее спорили Польша и Литва), и возобновления унии. Польский историк А. Левицкий склонен был гордиться заговором 1432 г. и свержением Свидригайло как «величайшим триумфом польской политики»⁵⁵.

В то же время, согласно утверждениям польских хронистов и выкладкам А. Коцебу, верными союзниками Свидригайло были орденские немцы. Они не только активно влияли на ход дел в Великом княжестве Литовском, но и оказывали Свидригайло непосредственную военную поддержку. В 1435 г. гроссмейстер ордена пал в битве под Вилькомиром, приведя войско на помощь «великому князю русскому»⁵⁶. Большую заинтересованность в делах ВКЛ проявили земли, лежавшие к востоку от рубежей Литовской Руси. Поддержал Свидригайло князь Михаил Львович Вяземский, пришла к нему городецкая рать с князем Ярославом во главе, а также «сила тверская» великого князя Бориса Александровича⁵⁷. Предположительно, Свидригайло мог получать помощь и из Новгорода Великого, где княжил его ближайший союзник — князь Юрий Семенович-Лингвеневиц; во всяком случае, еще в 1431 г. Свидригайло обеспечил себе твердый тыл, заключив с Новгородом мир⁵⁸. По некоторым признакам сочувствовал ему Псков, принявший в 1434 г. из Литвы князя Владимира Данильевича⁵⁹. Вовлеченной в дела Великого княжества Литовского оказалась и Москва. А. Рогов, встретив у Стрыйковского сообщение о том, что под Вилькомиром в распоряжении Свидригайло была «московская сила», усомнился: вряд ли великий князь Василий II мог оторвать часть своих войск от тяжелой борьбы с Василием Косым⁶⁰. Другие исследователи дали этому известию больше

веры. А. Хорошкевич, в частности, высказывала догадку об ориентации Свидригайло на сторонников великого князя Юрия Дмитриевича (а не Василия II). Она предположила, что борьба между «дядей и племянником»⁶¹ препятствовала «более существенной поддержке жителями Северо-Восточной Руси попытки украинских, белорусских и некоторых русских земель ВКЛ отделиться от него и Польской Короны...»⁶². В действительности же Свидригайло получил самую существенную помощь, на которую он только мог рассчитывать. 20 марта 1434 г. Юрий Дмитриевич Звенигородский разбил в очередной раз Василия II⁶³. Именно на содействие этого деятельного князя и талантливого полководца рассчитывал Свидригайло, от него ожидал помощи еще в 1433 г. и его победе теперь мог радоваться. Не позднее конца апреля 1434 г. один из сыновей Юрия Дмитриевича был отправлен к Свидригайло с ратью, и этот отряд пробыл в Великом княжестве Литовском, видимо, до самой Вилькомирской бойни⁶⁴. По всей вероятности, новый союзник в лице Юрия Дмитриевича Звенигородского и его сыновей был приобретен великим князем русским по «родственному принципу». От Сигизмунда Кейстутевича мог ожидать поддержки Василий II: мать Василия Васильевича, Софья Витовтовна, приходилась главному противнику Свидригайло племянницей. Сам Василий II был дружен с домом Витовта и побывал в 1430 г. на торжествах, которые должны были предшествовать так и не состоявшейся коронации Витовта. Надо полагать, сработал великий принцип дипломатии: враг моего врага — мой друг.

Таким образом, Великое княжество Литовское в середине 1430-х гг. испытывало вмешательство в свои внутренние дела сразу нескольких сильных соседей, и воздействие политической воли ордена, Твери, Москвы, а особенно Короны Польской сыграло в истории гражданской войны одну из первых ролей.

Но хотелось бы и среди внутренних факторов, в той или иной мере способствовавших началу войны, выделить один в качестве главного. Имеется в виду конфессиональный фактор, на котором настаивал польский историк А. Левицкий. Конфликт, вызвавший гражданскую войну, окрашивается в религиозные цвета.

В 1413 г. Ягайло и Витовтом была заключена так называемая Городельская уния между Короной Польской и ВКЛ. Свидригайло — противник этой унии и нарушитель основных ее пунктов. Уже само избрание его великим князем литовским как будто нарушение, поскольку в привилее Городельского сейма указано, что выбор нового государя для Великого княжества Литовского должен производиться с согласия короля польского и его преемников, а также «по совету с прелатами и панами Польши»⁶⁵. В свою очередь и литовцы должны были участвовать в утверждении нового короля польского. Но привилей отмечает это право литовских вельмож в такой форме, что оно оказывается ограниченным жизнью великого князя Витовта. После его смерти Свидригайло был избран в Литве и утвержден Ягайло без «совета» с польской шляхтой, что вызвало у поляков недовольство. Однако в правовой практике Великого княжества Литовского встречается норма, согласно которой каждое новое лицо, носящее титул великого князя, подтверждает привилей, выданные своими предшественниками. Так, например, привилей на Магдебургское право, выданный Ягайло городу Бресту в 1390 г., впоследствии был подтвержден Витовтом, Казимиром и Александром Ягеллончиком в 1408, 1440 и 1505 гг.⁶⁶ Предполагалось, очевидно, что сам акт унии также должен был быть одобрен каждым очередным великим князем литовским. Легитимно или нелегитимно избран был Свидригайло, поляки начали борьбу не из-за правовых вопросов, а по причине территориального конфликта в Подолии. Но после

избрания именно от Свидригайло зависело утверждение нового акта унии. А он этого не собирался делать. Весь дух Городельской унии — антиправославный и, хотелось бы добавить, антиязыческий. Но отнюдь не антирусский. Шляхте «земель литовских» даруется ряд привилегий, которыми, как это не раз подчеркнуто в привилее, могут пользоваться только «...почитатели христианской религии, Римской церкви подвластные, не схизматики или другие неверующие»⁶⁷. В частности, православным вельможам отказано в праве занимать государственные должности и заседать в великокняжеском совете при обсуждении дел, касающихся «блага государства»⁶⁸. Достойной специального исследования была бы тема, касающаяся реального, практического выполнения этих пунктов Городельской унии при Витовте. Но даже если они выполнялись не вполне четко, то само существование подобных правовых норм должно было быть ненавистно православной знати Великого княжества Литовского. При Свидригайло появилась возможность ревизовать их. Новый литовский государь приблизил к себе «схизматиков» и раздавал им высокие должности. Я. Длугош и М. Стрыйковский связывают привязанность русских к Свидригайло с покровительством его православной Церкви⁶⁹.

Но правомерно ли отождествлять православных, или, как писали польские хронисты, «схизматиков», с русскими? Ни в коем случае. Даже польский хронист Стрыйковский, нередко смешивавший эти два понятия, как бы «проговаривается» в отношении одного из событий Луцкой войны (1431)⁷⁰: в Луцком замке «...русаки и литва, которые были с ними греческого вероисповедания», перебили всех поляков и католиков⁷¹. Приведенные выше имена литовско-русских князей, воспроизведенные источниками в православной форме, свидетельствуют о принадлежности значительной части литовской знати к

восточной Церкви. Было бы даже не столь удивительным, если бы в рядах сторонников Свидригайло обнаружили и язычники, причем язычники знатные. Христианство пустило крепкие корни в литовской среде лишь при Ягайло, в последней четверти XIV в. Еще после смерти Ольгерда (1377) литовцы справляли языческую тризну⁷². Городельский привилей разделил знатных людей Великого княжества Литовского не по национальному признаку, а по конфессиональному, четко противопоставив католиков всем остальным конфессиям.

Склонность польских и немецких хронистов, а также западнорусских летописцев подчеркивать поддержку, оказанную Свидригайло именно русскими, может быть объяснена следующим образом: во-первых, православие в первой половине XV в. для русских было религией исконной, традиционной и всеобщей. Среди литовцев греко-православный обряд принят был, надо полагать, меньшинством (по сравнению с обрядом римско-католическим) и не опирался на многовековую традицию. Постепенная поляризация областей Великого княжества Литовского на католическую Литву и православные русские земли, ускорилась в период московско-литовских войн конца XV — XVI вв. Она-то и могла заставить составителей поздних источников [польских хронистов от Длугоша (вторая половина XV в.) до Стрыйковского (конец XVI в.), немецких хронистов, западнорусских летописцев] перенести принадлежность к православию как атрибут «русскости» из своего времени в прошлое. Ведь для их времен это соответствие было гораздо более очевидным, нежели в первой половине XV в.

Наконец, прямые свидетельства источников говорят о страшном накале религиозных страстей в Великом княжестве Литовском времен Свидригайловых войн. Еще в период борьбы за Подолию православное население «об-

ращало в пепел» католические костелы и уничтожало самих католиков⁷³. В свою очередь при одном появлении польского католического войска «русины» (т.е. те же православные) разбежались и прятались в лесах со всеми своими семьями и имуществом⁷⁴. Длугош отмечал, что во время осады Луцка обе стороны исполнились кровавой жестокости в отношении пленников⁷⁵.

В 1435 г. по приказу Свидригайло в Витебске был заживо сожжен православный митрополит Герасим⁷⁶. Ранее Герасим затевал распространение унии с папским престолом на Великое княжество. Отношение Свидригайло к этим планам не вполне ясно. Но во всяком случае князь знал о них, и еще в 1434 г. папой римским в качестве противника не рассматривался⁷⁷.

Псковские летописи указывают на причину казни: были перехвачены некие «переветные грамоты» от Герасима к Сигизмунду Кейстутевичу, иными словами, Герасимом готовился заговор против Свидригайло⁷⁸. Можно предполагать, что трения между главой православной коалиции и митрополитом Герасимом могли возникнуть на основе непопулярности дела последнего в среде сторонников Свидригайло.

Полоцк сыграл первостепенную роль в гражданской войне. Белорусский историк П. Лойко в качестве предположения писал о Полоцке как о столице Свидригайло, «столице Великого княжества Русского»⁷⁹. Это абсолютно справедливо. После счастливого спасения от рук заговорщиков, возглавленных Сигизмундом Кейстутевичем, Свидригайло бежит именно в Полоцк. Некоторые западно-русские летописи сообщают о его бегстве «ко Полоцку и к Смоленску». Но в ряде случаев имеется более точное летописное указание: «пошел на Русь... на Полтеск», «пошел к Полоцку княжити»⁸⁰. Не позднее 3 сентября 1432 г. беглец именно из Полоцка отправлял письма магистру Ливонского ордена⁸¹. После всякого очередного пора-

жения (под Ошмянами, под Вилькомиром) Свидригайло неизменно направляется в Полоцк, собирать оттуда новые силы. В его войсках было немало полочан, и множество их сложило головы в несчастном для их государя сражении под Ошмянами. В Полоцке Свидригайло распускал свою армию по окончании походов на Литву, в Полоцке же назначал встречу отрядам орденских немцев⁸². Этот город упорно защищал дело великого князя русского, разбитого под Вилькомиром. Он не сдался войскам князя Михаила Сигизмундовича (осаждавшего Полоцк и Витебск по приказу своего отца Сигизмунда Кейстутьевича), хотя под стенами города стояла в течение недели «вся сила литовская». М. Любавский писал об особой верности по отношению к Свидригайло, проявленной тогда некими полоцким и витебским князьями Михаилом и Василием⁸³.

Свидригайло не имел достаточно сил, чтобы оказать поддержку своим полоцким сторонникам. В конце концов решимость к сопротивлению Сигизмунду Кейстутьевичу все-таки иссякла: «...полочане и витебляне, не слышавши соби помощи ни от кого, и далися великому князю Жыгимонту Кестутевичу»⁸⁴. Фактически после падения Полоцка и Витебска в 1436 г. шансы великого князя русского на победу свелись к нулю. Эти города были его главным оплотом, причем в большей степени — именно Полоцк. Витебск Свидригайло пришлось еще в 1433 г. брать, и там у него были, следовательно, не одни лишь сторонники⁸⁵.

Что дал Полоцку Свидригайло, и почему город оказывал ему столь деятельную поддержку? Полоцк являлся центром православной епископии, средоточием многочисленных православных церквей и монастырей. Следовательно, у проправославной политики великого князя русского в Полоцке должна была быть прочная поддержка со стороны многочисленного православного духовенства.

Что касается князей и бояр (а судя по материалам так называемой Полоцкой ревизии 1552 г.⁸⁶, Полотчина традиционно являлась центром боярского землевладения), то и первые (в т.ч. упомянутые уже князья Друцкие, располагавшие крупными земельными владениями на Полотчине и Витебщине), и вторые должны были поддерживать Свидригайло, добиваясь отмены невыгодных для них условий Горodelьской унии.

В 1432 и 1434 г. Ягайло и Сигизмундом Кейстутевичем были даны привилеи, расширившие круг лиц, которые могли пользоваться важными политическими правами по условиям Горodelьской унии. Некоторые исследователи полагают, что эти привилеи удовлетворили многих сторонников Свидригайло и отбили у них охоту к дальнейшему продолжению борьбы, поскольку «...русская знать добилась сословного равенства с литовской аристократией»⁸⁷. Но М. Любавский считал, что привилей 1432 г. не оказал должного эффекта. Б. Пичета отмечал «половинчатость» этого законодательного акта, А. Пресняков подчеркивал, что условия привилея 1434 г. не привели к уравниванию православной и католической шляхты по важнейшему принципу — принципу занятия государственных должностей⁸⁸. Наконец, В. Каменецкий вообще выразил сомнение по поводу освоения привилея 1434 г. в реальной правовой практике. Действительно, привилей 1434 г. если и был компромиссом, то довольно невыгодным для православной знати — права занятия государственных должностей она не получила. Помимо этого обращает на себя внимание и чисто географическая ограниченность привилея: он относился к территории «...наших (Сигизмунда Кейстутевича. — Д.В.) земель литовских и русских»⁸⁹. М. Любавский толковал эту странную географию как Литву и «соединенную с ней Русь в тесном смысле». Но, видимо, более корректным было бы считать,

что законодательная сила привилея по данному определению распространялась на те территории, которые к 6 мая 1434 г. (дата утверждения привилея) контролировались Сигизмундом Кейстутевичем. В отношении Литовской Руси это совсем немного — сюда не вошли Полоцк, Витебск, Орша, Борисов и Смоленск, находившиеся тогда под контролем Свидригайло. Но даже если принять трактовку Любавского, то и в этом случае полоцкая знать ничего по привилеям 1432—1434 гг. не получала, так как Полоцк не входил в Русь, связанную с Литвой «в тесном смысле». Поэтому Палотчина и оставалась верна Свидригайло до последней возможности.

По всей вероятности, Свидригайло находил поддержку и у полоцких мещан, поскольку сам оказывал «местичам» города благоволение. А. Хорошкевич обнаружила среди актов Литовской Метрики, в списке XVI в., изложение привилея Свидригайло полочанам. Этим актом князь предоставил полоцким мещанам право владения землей на двух условиях: участие в земском конном ополчении наравне с боярством и содержание в порядке укреплений городского замка⁹⁰. Впоследствии Свидригайлов привилей был подтвержден другими великими князьями литовскими. Надо полагать, литовско-русский государь не стал бы даровать мещанам Полоцка подобные права, не ожидая от них вступления в свое войско. А. Хорошкевич не без основания отмечает: «...грамота Свидригайлы закрепила существовавшее и до того равенство мещан с боярами, создала предпосылки для роста экономического и политического влияния мещанства... они (мещане. — Д.В.) получили доступ к управлению городом и участию в его внешнеполитических отношениях»⁹¹.

Наконец, и вся полоцкая городская община в целом получила от Свидригайло некоторые политические уступки по сравнению с временами правления Витовта. Великий

князь Витовт последовательно ликвидировал остатки независимости отдельных земель и городов в составе Великого княжества. До Витовтовых времен Полотчина имела статус самостоятельного княжения. Еще в последней четверти XIV в. этот статус имел реальный политический смысл: он поддерживался авторитетом князя Андрея Ольгердовича Полоцкого. После него титул полоцкого князя носили фактически наместники княжеского происхождения. Некоторое исключение в этом отношении можно сделать для князя Скиргайло Ольгердовича, какое-то время пользовавшегося влиянием в делах большой политики, но он в Полоцке пробыл совсем недолго. Князя Лингвень Ольгердович и Иван Семенович Друцкий, пользуясь словами М. Любавского, «имели значение скорее великокняжеских наместников с княжеской властью, чем полноправных князей...»⁹². Лингвения-Семена сменил наместник Монтигирд, поставленный Витовтом. Монтигирд княжеского титула уже не носил, и с этих пор (90-е гг. XIV в.) традиционным становится назначение полоцких наместников (а затем и воевод) — не князей⁹³. От князей полоцких к великому князю литовскому перешло право утверждать внешнеполитические соглашения Полотчины. В 1392 и 1396 гг. князь Лингвень Ольгердович и Монтигирд, ссылаясь на «повеление Витовта», могли еще самостоятельно, от собственного имени заключать договоры с Ригой. А уже в 1397—1398 гг. Витовт дважды обращается в своих грамотах к рижскому городскому совету, разъясняя, что полоцкие наместники, и в частности Монтигирд, не правомочны заключать какой-либо договор от имени Литвы⁹⁴. Впоследствии Витовт никому не передоверял внешних сношений Полоцка. Он позволял полочанам вести переговоры с Ригой, во всяком случае участвовать в них, но договорные грамоты впредь утверждал только сам.

Жесткая объединительная политика Витовта вряд ли встречала сочувствие в русских областях, понемногу терявших свои права фактически независимых государств и превращавшихся в обыкновенные провинции Великого княжества Литовского. По образному выражению А. Дворниченко, русские земли ВКЛ в конце XIV — начале XV в. проявляют «страстное желание» иметь собственного князя и быть самостоятельными. «Это страстное желание русских волостей проходит через все события первой половины XV в.»⁹⁵.

Свидригайло дал князей Полоцку и Витебску. Личности этих князей устанавливаются без труда. Западнорусские летописи, повествуя об аресте и казни князя Михаила Ивановича Гольшанского (1433), удачливого воеводы Свидригайло, затем, видимо, изменившего делу великого князя русского, именуют его в некоторых списках князем «полоцким», «полочанским». Именно чести Михаила Гольшанского-Полоцкого принадлежит единственная крупная победа сторонников Свидригайло в открытом полевом сражении. Он разгромил войска литовского воеводы Петряша Монтигирдовича. Его последующий арест и казнь, быть может, связаны с активной деятельностью его родного брата, князя Семена Гольшанского, противника Свидригайло. Полоцкое княжение было получено князем Михаилом Ивановичем не ранее осени 1430 г., когда в Полоцке, по словам самого Свидригайло, то ли княжил, то ли наместничал некий «пан Василий»⁹⁶.

«Великий князь русский» Свидригайло возвратил Полоцку право самостоятельно заключать договоры (по крайней мере с Ригой), утраченное три десятилетия назад, и полочане им воспользовались (не позднее падения Полоцка в 1436 г.). Впоследствии Сигизмунд Кейстутьевич вновь это право отобрал.

Таким образом, стремление найти поддержку в городских общинах и завязать с помощью пожалований добрые

отношения с ними можно считать одной из характерных черт политики Свидригайло. В отношении Полоцка усилия великого князя литовского увенчались успехом.

Но бурное правление Свидригайло было кратковременным. Столицей Великого княжества Русского Полоцку пришлось быть всего четыре года (1432—1436). Падение Полотчины и Витебщины под напором войск Сигизмунда Кейстутевича и его сына, умелого полководца князя Михаила Сигизмундовича, обессилило лагерь Свидригайло и лишило его надежды на победу. Настало время расставаться с пожалованиями великого князя русского.

Однако положение Полоцка отнюдь не было безнадежным.

Соглашение Сигизмунда Кейстутевича с поляками было, по сути, союзом двух волков против третьего. После поражения сторонников Свидригайло этот союз становится весьма шатким, а положение самого победителя — крайне непрочным. Едва замиренные земли Литовской Руси представляли собой плохой тыл в случае противоборства с Коронай Польской, Свидригайло уступил поле боя, но не погиб и сохранил власть над колоссальными владениями, оставаясь их повелителем до самой своей смерти в 1452 г. Он навсегда остался смертельным врагом Сигизмунда Кейстутевича. Находясь в подобной ситуации, последний вынужден был проявить милосердие к недавним своим неприятелям. Но на политические права и привилегии северо-восточных земель Литовской Руси это милостивое отношение не распространялось: Полотчина и Витебщина теряли какую бы то ни было автономию. Они превращались в провинцию Великого княжества Литовского, мало отличавшуюся своим политическим статусом от остальных русских земель в составе Великого княжества Литовского. Полоцк никогда более не имел ни собственного князя, ни наместника княжеского происхожде-

ния. Свобода полочан во внешних сношениях навсегда ограничивалась рамками, поставленными Витовтом, и впоследствии все более сокращалась.

Вместе с тем права полоцких мещан, впервые полученные от Свидригайло, были законодательно закреплены⁹⁷. Кроме того, Свидригайло заключал с Полоцком «ряд», договор, и выдал полочанам уставную грамоту, которая была подтверждена, а возможно, и дополнена Сигизмундом. Традиция выдачи уставных грамот восходит ко временам Витовта и в окончательном виде утверждается в уставной грамоте 1511 г.⁹⁸ Но в данном случае важно другое: после поражения в гражданской войне полочане официально сохраняли древние свои права и законы, изложенные в уставной грамоте.

Современный белорусский исследователь И. Юхо считает возможным говорить об установлении режима «Полоцкого права», при котором сохранялись городское «стародавнее право» и «некоторая обособленность», «определенная автономия». Правильнее, наверное, было бы говорить о другом: подобный политический статус распространялся не только на Полоцк и Полотчину, но также на многие другие города и земли Литовской Руси. Стародавнее русское право постепенно адаптировалось к немецкому городскому праву и власти великих князей литовских⁹⁹. Былое полунезависимое положение Полотчины XIV в. навсегда ушло в прошлое. Однако произошла стабилизация правового положения Полоцкой земли в Великом княжестве Литовском. На долгий период было определено отношение Полоцка к великокняжеской власти, местное традиционное право получило прочное законодательное закрепление.

Можно было бы долго рассуждать, насколько более высокое положение заняла бы Полотчина в составе ВКЛ в случае победы Свидригайло. Или насколько более вы-

годный правовой режим могли бы сохранить полочане при отделении Великого княжества Русского от ВКЛ. Но ни того, ни другого не случилось. Зато поражение в гражданской войне не стало политической катастрофой. Полоччина сохранила вполне достойное положение в Великом княжестве и имела неплохие условия для дальнейшего существования в его государственном организме.

Со второй четверти XV в. до самого конца столетия Полоцк и Полоцкая земля пребывали в мире. В середине XV в. Великое княжество достигло пика своего военно-политического могущества и было одним из сильнейших в военном смысле, а также наиболее крупной по территории державой Европы.

Полоцк к тому времени уже перестал быть центром отдельного княжения, и лицом номер один в нем считался наместник, назначавшийся великим князем. Но статус Полоцка был весьма высоким сравнительно с прочими городами «Литовской Руси». Полоцк долгое время сохранял право иметь самостоятельные дипломатические сношения с Ригой¹⁰⁰. Когда государи-Ягеллоны объезжали восточные пределы своей державы, то по обыкновению они посещали три города: Смоленск, Витебск и Полоцк. В 1411 г. король Владислав Ягайло проездом из Вильно в Киев провел по нескольку дней в Полоцке, Витебске и Смоленске. В 1451 г. король Казимир IV провел большую часть зимы, объезжая эти же три города¹⁰¹. Зимой 1470 г., после сейма в Петркове, окончившегося в декабре 1469 г., он вновь отправился из Вильно в Полоцкую, Витебскую и Смоленскую земли. Монарха сопровождали королева Эльжбета, а также почти все литовские сенаторы и магнаты. Там он «надлежащим образом приводил в порядок литовские дела». В Полоцке король провел неделю, прежде пообещав уладить споры о «порубежных местех» со Псковом, но «управы не учинил никакове» и в нача-

ле весны отъехал к Люблину¹⁰². Зимой 1495 г. в Полоцке, Витебске, Смоленске и Орше побывал великий князь литовский Александр со своей женой Еленой Ивановной и «панами рады»¹⁰³.

Звание полоцкого наместника считалось почетным: например, Оленько Судимонтович был поставлен в Полоцк наместником «за большие заслуги в Хойницкой битве». В 1542 г. в числе людей, «...хорошо послуживших Речи Посполитой», получил как награду полоцкое воеводство Станислав Довойна¹⁰⁴.

Неоднократно полоцким наместникам и воеводам приходилось отправлять функции официальных представителей Великого княжества Литовского в переговорах с Московским государством или же просто исполнять роль послов в Москве.

В середине 1490-х гг. полоцкий наместник Ян Юрьевич Заберезынский вел через воеводу новгородского Якова Захарьича переговоры о перемирии между Литвой и Москвой, а затем и о сватовстве великого князя Александра к дочери Ивана III Елене. В 1495 г. он был в числе «старших» в сопровождении Елены Ивановны из Москвы в Литву. Он же в 1501 г. пытался договориться о перемирии в очередной войне, но безуспешно. Осенью 1508 г. посольство Великого княжества в Москву возглавил полоцкий наместник Станислав Глебович. В октябре им был заключен «вечный мир». Мир продлился четыре года, и еще десять лет шла война. Новое перемирие в 1522 г. в Москву поехали заключать опять-таки полоцкий воевода Петр Станиславович Кишка и Богуш Боговитинович. Тот же П.С. Кишка возглавил литовское посольство в Москве в 1526 г., когда заключенное перемирие было продлено. Полоцкий воевода Станислав Довойна «поехав в посольстве от короля в Москву, взял перемирие...» в 1553 г.¹⁰⁵ Таким образом, исполнение полоцкими наместниками и воеводами одного

из столь важных государственных поручений было скорее правилом, нежели исключением.

Немалым авторитетом обладала и Полоцкая епископия (позднее архиепископия). От 1488—1489 гг. сохранилась челобитная от русских князей Великого княжества Литовского к Цареградскому патриарху о благословении на Киевскую митрополию избранного ими Полоцкого архиепископа Ионы. В 1500 г. Полоцкий архиепископ Лука участвовал в соборе, поставившем митрополитом Киевским Иосифа. Именно из Полоцка ставились православные попы в Ригу, в церковь Св. Николая¹⁰⁶.

Наконец, Полоцк получил Магдебургское право в 1498 г., раньше большинства белорусских городов. В городах Московского государства «...не сложилось ни специфическое “городское” право, ни собственные городские вольности»¹⁰⁷, а там, где они все же имелись (Новгород, Псков), в течение XVI в. пришли в ничтожество. По сравнению с их правами и обязанностями Магдебургия давала на порядок более благоприятный правовой режим. В сравнении же со всей Европой Магдебургское право было неким «средним вариантом». Оно имело чрезвычайное распространение в Германии и Польше (в т.ч. его варианты — Хелмское и Шродское право), и с этой точки зрения присвоение его стало актом унификации белорусских и польских городов. Но существовали также версии городского права, исключавшие какое бы то ни было вмешательство внешней власти в городскую жизнь. Например, право, по которому жили города Ганзы, или полная независимость и самостоятельность итальянских городов-государств. Вечевое право Полоцка именовалось в летописях «полоцкая Венеция, або свобода». Однако со времен включения Полоцка в состав Литовско-Русского государства его самостоятельность понемногу приходила в умаление, в особенности с внешнеполитической точки зрения.

Во времена наместников, в середине XV в. «...к суду наместников перешла часть компетенций веча...»¹⁰⁸. И Магдебургия была способом точного разграничения полномочий наместника, т.е. представителя великокняжеской власти, и институтов городского самоуправления, оставшихся со времен господства вечевого права. Это был некий правовой компромисс между крупнейшим белорусским городом и великим князем литовским. В определенном смысле Магдебургия утвердила власть великого князя над Полотчиной, поскольку, приняв ее из рук сюзерена, полочане с этого момента могли ожидать изменений, уточнений, подтверждений, приказов о неукоснительном соблюдении или же, напротив, отмены оной — только от сюзерена же.

К концу XV в. Великое княжество Литовское уже не располагало военно-политическим потенциалом, необходимым для удержания всей своей громадной государственной территории. М. Тишкевич (Михаил Литвин) следующим образом охарактеризовал литовское рыцарство конца XV — начала XVI в.: «Силы москвитян и татар значительно менее литовских, но они превосходят литовцев деятельностью, умеренностью, воздержанием, храбростью и другими добродетелями, составляющими основу государственной силы»¹⁰⁹. По мнению польских историков, походы Витовта последних лет его правления составили апогей успехов Литвы в подчинении русских земель. При Казимире Ягеллончике происходит вынужденный отказ от дальнейшей экспансии на Руси, и основной внешнеполитической целью становится удержание уже подвластных территорий. Договор 1449 г. с Василием II оказался переломным моментом между эпохой литовского доминирования и эпохой быстро растущей московской мощи. Литовское рыцарство от долгого пребывания в мире обленилось и утратило воинственность, шляхетское

войско Великого княжества мало соответствовало требованиям современного военного искусства, казна «никогда не бывала полной»¹¹⁰.

Военно-политическая инициатива во второй половине XV в. перешла от Литвы к Московскому государству и татарским ханствам — осколкам Золотой Орды. В Полоцке между тем внешнее давление почувствовали в последнюю очередь: город был «прикрыт» от набегов татар южно-русскими и белорусскими землями, а от походов московских армий — Витебском, Смоленском, Дорогобужем, Торопцом, входившими тогда в состав Великого княжества Литовского. Более того, до 1480-х гг. дополнительным «щитом» были не покоренные еще Москвою Тверь и Новгород, а до 1510 г. — отчасти еще и Псков. Полоцк в последней четверти XV в. оставался «глубинным» городом Великого княжества, первые столкновения Московского государства и Литвы не задели Полотчину.

Иван III, присоединив Тверь и Новгород, принял в 1485 г. во внешних сношениях титул «государь всея Руси» (т.е. и «Руси литовской») и позднее, в 1499 или 1500 г., потребовал «возвращения» своей «вотчины» — всех русских земель до Березины¹¹¹, в том числе Киева, Полоцка и Смоленска. Это требование настойчиво повторялось во всех московско-польско-литовских переговорах XVI в., вплоть до поражения Ивана IV в Ливонской войне.

Тогда же усиливается натиск татар, от которого страдали прежде всего Подолия, Волынь, Киевская земля, реже — белорусские земли. Но в начале XVI в. набеги крымцев в ряде случаев достигали и белорусских городов. В 1506 г. царевич Махмет-Гирей с Бати-Гиреем и Бурносом (Бурнашем?) спалил минский посад и отправил «загоны» по всей Северной Белоруссии. Осаждены были Новогрудок, Слуцк; Полоцкая, Витебская и Друцкая земли преданы были огню и мечу. Разорив громадную территорию,

Махмет-Гирей безнаказанно вернулся восвояси¹¹². За один только поход в мае 1506 г. перекопские татары, согласно Хронике Кромера, увели 100 тыс. пленников. В 1509 г. огромное войско вновь вторглось в глубь территории Великого княжества, и отдельные отряды доходили даже до Вильно.

По замечанию А.А. Зимина, «...в декабре 1489 г. начался массовый переход верховских князей на русскую сторону». Неспособность Великого княжества противостоять набегам крымцев и опасность потерять свои владения в разгорающемся конфликте с Москвой заставили многочисленных полунезависимых владык мелких княжеств на Смоленщине, Верховской и Северной землях по одному переходить на сторону более сильного государя — великого князя Московского¹¹³.

Поход московских войск на Любутск в августе 1492 г. открыл период непрекращающихся войн между Московским государством и Великим княжеством Литовским. В первой московско-литовской войне 1492—1494 гг. Литва потерпела поражение. Но Полоцк ни в малой степени не был задет в ходе развернувшихся боевых действий — его «прикрытие» еще не было сорвано.

Великий князь литовский Александр предпринял действия, приведшие в итоге к самым плачевным для него последствиям. До конца XV в. нерушимость православия на русских землях Великого княжества Литовского была чем-то само собой разумеющимся. М. Меховский в своем трактате «О двух Сарматиях» писал, что «...в Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев все... держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому»¹¹⁴. Великий князь Александр сделал попытку принудительного введения унии среди всего православного населения, а также оказал давление на свою жену Елену Ивановну, дабы она оставила право-

славие¹¹⁵. В частности, в Полоцке между 1497 и 1500 гг. был основан бернардинский костел, и ему передана была земля, которой до этого владела православная церковь Святого Петра¹¹⁶. По причине «нужи о греческом законе» в 1500 г. на сторону Ивана III перешло сразу несколько сильнейших князей, ранее служивших Александру. Среди них — князья С.И. Бельский, С.И. Можайский и М.В. Шемячич. В 1499 г. на сейме была подтверждена Городельская уния с католической Польшей, но об этом даже опасались распространяться, не желая вызвать лавину княжеских переходов¹¹⁷.

Религиозно-политический конфликт был серьезнейшей причиной очередной московско-литовской войны, поскольку православие являлось мощным козырем великих князей московских в борьбе за влияние на территории «Литовской Руси». Авторитет московского государя был бы подорван, не прими он энергичных мер к защите православия...

Последовавшая война 1500—1503 гг. была, по сути, растянувшейся на несколько лет военной катастрофой Великого княжества Литовского.

Со времен этой войны начинается период непосредственного вовлечения Полотчины в орбиту нескончаемых московско-литовских столкновений. Летом 1500 г. войска Великого княжества Литовского потерпели ряд поражений, армия гетмана К. Острожского в июле была разгромлена на Ведроше. В августе московские воеводы А.Ф. Челяднин, наместник новгородский, и кн. А.В. Ростовский, наместник псковский, с князьями Волоцкими Федором Борисовичем и Иваном Борисовичем овладели Торопцом. Двигаясь дальше, они «...многие волости и села около Полоцка и Витебска поплениша и огнем пожгоша...»¹¹⁸. Для организации обороны в сентябре 1500 г. великий князь Александр прибыл в Полоцк, укрепил город, а также управлял оттуда укреплением Смоленска, Витебска и

Орши. Не имея достаточно собственных сил, он набрал наемное конное и пешее войско из поляков, силезцев, чехов и моравов во главе с Яном Черным, чехом или поляком. Но в 1501 г. Александру вновь не удалось помешать наступлению армий Ивана III. 4 ноября под стенами Мстиславля кн. А.В. Ростовский нанес литовским войскам страшное поражение. Корпус Яна Черного был переброшен на защиту Полоцка. Но московские воеводы не предпринимали попыток овладеть городом. Поэтому, очевидно, литовское командование сочло возможным превратить Полоцк в операционную базу для нанесения контрудара. Осенью 1501 г. Ян Черный ходил на помощь ливонскому магистру Плеттенбергу к Острову, но, дойдя до Опочки, он узнал, что тот уже взял Остров и сжег его. Попытка Яна Черного взять Опочку не увенчалась успехом, и он отошел назад. В апреле 1502 г. королевский дворянин и боярин полоцкий Петряш Епихамович «приходил... с желныри ис Полоцка на Пуповичи (волость Великих Лук. — Д.В.)... и дети боярские от князя великого многих жолнырь избиша, а иных поимаша»¹¹⁹. Контрудара, таким образом, не получилось.

В августе — октябре 1502 г. князь Дмитрий Иванович Жилка ходил с ратью под Смоленск, но не смог его взять. Из-под Смоленска он посылал отряды «за Мстиславль по Березыню, и по Витебск, по Полтеск и по Двину». Дело ограничилось взятием Орши, разорением волостей и сожжением посада у Витебска¹²⁰.

Перемирие, заключенное в августе 1503 г., по мнению К. Базилевича и польского историка Я. Натансона-Лески, определив новую границу, дало Московскому государству «благоприятные условия... для наступления на Смоленск, Витебск и Полоцк»¹²¹. Во всяком случае, после 1503 г. Полоцк становится пограничьем. И в еще большей степени он примет роль порубежного пункта после взятия в 1514 г. Смоленска армией Василия III.

В ходе войны 1512—1522 гг. Полоцк лишился последнего своего «щита» — Смоленска. Первые годы войны ознаменованы были упорным стремлением великого князя московского Василия III овладеть этим городом. В период борьбы за Смоленск 1512—1514 гг. Полотчина становится отдельным, самостоятельным направлением для походов московских воевод.

К декабрю 1512 г. — марту 1513 г. относится первый неудачный поход Василия III под Смоленск, и одновременно от великих Лук на Полоцк двинулась большая армия во главе с кн. М.В. Горбатым-Шуйским по прозвищу Кислый. М.В. Горбатый вел «новгородскую силу» и «псковских детей боярских». Но Полоцка ему взять не удалось, и войска повернули к Смоленску, на соединение с Василием III¹²². Летом 1513 г. великий князь вновь пошел на Смоленск, затем остановился в Боровске, а с полками отправились кн. Репня-Оболенский и А. Сабуров. В сентябре к Смоленску двинулся и сам Василий III.

В этот момент — когда шла ожесточенная борьба за Смоленск — «полоцкая проблема» стала «родной» для семейства Шуйских. Славный город Полоцк оставил в истории княжеского рода длинную огненную борозду...

11 августа из Великих Лук вышли к Полоцку войска под командой князя В.В. Шуйского. В его распоряжении имелось 5 полков. Эта огромная сила предназначена была не для разорительных экспедиций, не для демонстрации московской мощи, а для взятия города... но с решением этой своей задачи не преуспела. Общее командование московскими армиями в районе Полоцка и Витебска осуществлял князь М. Глинский, располагавший, по преувеличенным, как полагал А.А. Зимин, данным, 32 тыс. чел., в том числе 24 тыс. чел. — под Полоцком. На сей раз Полоцк упорно штурмовали. Однако город был деблокирован извне действиями многочисленной литовской армии. Под стенами

города полки В.В. Шуйского понесли тяжелые потери и были отозваны «из литовския земли и из-под Полотцка... по своим домом...». Полк же М.В. Горбатого отошел к Смоленску. Впрочем, под Смоленском московских воевод опять ожидала неудача¹²³.

Летом 1514 г. Василий III в третий раз приступил к Смоленску и взял его 30 июля. Но в сентябре под Оршей была разбита армия воеводы А. Челяднина, что привело к потере ряда небольших городов: Дубровны, Мстиславля, Кричева, сдавшихся польскому королю Сигизмунду. В отместку весной 1515 г. в восточно- и северобелорусские земли отправлены были две рати: одна из них пошла под Мстиславль (с «загонами» на Оршу и Кричев), вторая же, возглавленная кн. А.Д. Ростовским и Г.Ф. Ивановым, традиционно ударила от Великих Лук на Полоцк. Но результаты этого похода были невелики: «полону имали безчисленно, а городу не взяли ни одного»¹²⁴.

В 1517 г. король Сигизмунд, стремясь перехватить инициативу, набрал мощную наемную армию из немцев, венгров, чехов и пр. и пришел с нею в Полоцк. Оттуда он отправил войска К. Острожского, усиленные корпусом наемников, на «псковский пригород» Опочку. Сам Сигизмунд оставался «с малыми людьми» еще некоторое время в Полоцке, а затем отбыл в Вильно. К. Острожский и посланные ему на помощь отряды потерпели в октябре под Опочкой серьезное поражение¹²⁵.

Летом 1518 года Московское государство нанесло ответный удар. Рать, состоявшую из пяти полков, посохи и наряда (псковских и новгородских пушек), вел новгородский наместник кн. В.В. Шуйский. Войско Шуйского насчитывало, по сведениям Хроники Бельских, 7000 чел.¹²⁶ К нему впоследствии прислан был на подмогу кн. М.В. Горбатый Кислый с московскими полками. Другой отряд был разбит по дороге к Полоцку Ежи Радзивиллом. И все же

под стенами города собрались значительные силы, располагавшие мощной артиллерией: «наряд» вначале переправляли на судах по реке Великой, а потом везли на телегах и лошадях. Под Полоцком поставлены были туры, и осажденные несли большой урон от артиллерийского обстрела. Но гарнизон, возглавленный видным литовским магнатом А. Гаштольд, оказывал упорное сопротивление. Московские войска голодали под Полоцком: дорог был фураж, а «колпак сухарей» стоил алтын и более. В одну из ночей Гаштольд сделал вылазку в Задвинье и перебил там фуражиров, отправившихся «на добыток». Затем к городу подошел «воевода Вольнец» — очевидно, Ян Боратынский. Он переправился вброд через Двину, в то время как Гаштольд ударил в тыл московским войскам. Полки Шуйского не выдержали и отступили. 11 сентября московские воеводы пришли к Вязьме, едва ли сохранив бывший с ними под Полоцком наряд¹²⁷.

Итак, предкам князя И.П. Шуйского с Полоцком не везло: они никак не могли разгрызть этот орех. Можно предположить, что успех под Полоцком становился для них в какой-то степени «делом чести».

Война уже, по сути дела, догорала, оба противника были измотаны до крайности. «На излете» военных действий в Полоцкие места пришла еще одна легкая московская рать: этот поход А. Сапунов относил к 1519 г., а А.А. Зимин — к началу 1520 г. Воеводы Д.В. Годунов, кн. П.И. Елецкий и кн. И.М. Засекин с отрядом татар «ходили... к Витебску и Полотцку, да пришед, у Витебска посад пожгли и острог взяли и людей много побили, а иных поймали...»¹²⁸.

С начала XVI в. (и совершенно ясно это стало в 1510-е гг.) белорусские города стали сдаваться воеводам Ивана III, а затем и Василия III, с большой неохотой. Пример Полоцка, кстати говоря, подтверждает подобное утверждение. Именно в эти годы происходит массовая раздача великими

князьями литовскими привилеев на Магдебургское право белорусским городам. В 1496 г. Магдебургию получил Гродно, в 1499 г. — Минск, в 1501 г. — Бельск-Подляский и т.д., в том числе ряд небольших городов и местечек, для которых, очевидно, получение Магдебургского права было однозначным благом. Нежелание терять Магдебургию, войдя в состав Московского государства, надо полагать, подпитывало стойкость их сопротивления.

В 1522 г. было заключено долгожданное перемирие.

Впрочем, мир на московско-литовском рубеже не был настоящим, его постоянно нарушали мелкие стычки, набеги, локальные приграничные усобицы. К полоцкой истории это имеет прямое отношение, поскольку полоцко-витебское порубежье было одним из самых «горячих» районов.

В 1522—1532 гг. литовские послы неоднократно жаловались Василию III на то, что некие его «казаки... воюют города королевы...» — в том числе и Полоцк. На что они неизменно получали от имени великого князя ответ: мы указали «не вступаться», «мы... велели управу учинити»¹²⁹.

В 1528 г. русско-литовские отношения резко обострились, в Полоцке и Витебске с тревогой готовились к новому вторжению наших войск, но тогда до новой войны не дошло¹³⁰.

В 1534 г. в Полоцке происходило судебное разбирательство, поводом к которому послужили разбои слуг боярина Охромея Орефьича в конце 1533 — начале 1534 гг. в порубежных псковских землях. Недовольство полочан было вызвано тем, что «...а ними (т.е. за разбойниками) погони приходят»¹³¹.

На протяжении первой трети XVI в. весь северобелорусский регион был лишен какой бы то ни было политической стабильности и жил на положении военного

времени. В ожидании очередной войны по приказу московского командования составлен был чертеж «Лукам Великим и псковским пригородком с литовским городом Полотцком»¹³².

Отнюдь не всегда инициатором нового конфликта выступало Московское государство. После смерти в 1533 г. Василия III король Сигизмунд, не без основания рассчитывая на замешательство в московских верхах, на борьбу за власть при малолетнем наследнике Иване Васильевиче, будущем грозном царе Иване IV, решил силою «вернуть потерянное».

Война 1534—1537 гг. в польской исторической литературе оценивается как акция, результаты которой оказались ничтожны, несоизмеримы огромным приложенным усилиям. Московское государство понесло незначительный территориальный урон, но приобрело на литовской границе мощный форпост — Себеж¹³³. За последнюю попытку Ягеллонов восстановить положение времен Казимира IV расплатились прежде всего белорусские земли. В 1534—1535 гг. московские воеводы несколько раз проходили их во всех направлениях фактически безнаказанно.

В ноябре 1534 г. начался первый поход: из Можайска с полками пошли князя М.В. Горбатый Кислый и Ив.Ф. Овчина, а из Новгорода выступил князь Б.Ив. Горбатый. Однако осенью 1534 г. литовский рубеж переступили лишь небольшие силы наместников Пскова и Великих Лук — Дм. Воронцова и князя Ив. Палецкого. Они воевали под Полоцком и Витебском, «... плениша землю литовскую на 300 верст, приидоша вси Богом сохранены».

Основные русские армии вышли из Опочки и Смоленска в начале февраля 1535 г. и двинулись друг к другу навстречу. Армия М.В. Горбатого шла по маршруту Дубровна — Орша — Бобыничи — Боровичи, т.е. в том числе и по

южным волостям Полотчины. В Мстиславле московским воеводам удалось взять «острог». Рать Б.И. Горбатого, вероятно, разделившись, воевала на огромной территории от Бряслава до Витебска и от Полоцка до Сенно. Оба войска соединились либо в Молодечно, либо где-то под Молодечно, в «королевском селе Голубичах». Московские отряды грозили Вильно с расстояния всего в 15 верст, король же Сигизмунд «бе тогда в Вильне и не успе ничтоже». На обратном пути воеводы шли через Бряслав и Друю, в общем направлении на Себеж и Опочку, т.е. задевая северные волости Полотчины. Окрестности города подверглись пожарам и разорению. Отряд князя Ивана Шуйского¹³⁴ напал на Витебск, отделившись от основных сил. Все московские рати беспрепятственно вышли в пределы Московского государства в конце февраля — начале марта 1535 г. Причем разорение, которое творили воеводы, было выборочным, «политичным»: «многих поимали в плен, а иных многих по своей вере православной милость оказали и отпускали; а церкви Божия велели честно держати всему своему воинству, а не вредити ничем, не вынести чего из церкви».

В начале 1535 г. на линии Витебск—Полоцк поставлен был небольшой корпус для наблюдения за московскими войсками и защиты этого рубежа. В него вошли силы полоцкого и витебского воеводств, князя Ю.С. Слуцкого и жемойтские хоругви. Корпус возглавил князь Ю.С. Слуцкий, при нем же были воеводы Полоцка и Витебска Ян Глебович и Матвей Янович. Но в июне 1535 г. В.В. Шуйский ударил из Можайска на Могилев и произвел большие разорения. В феврале 1536 г. киевский воевода А. Немирович и полоцкий воевода Ян Глебович ходили под Себеж, однако оборонявший Себеж Иван Засекин сумел отбиться¹³⁵.

Не требуется богатого воображения, чтобы представить себе, в каком состоянии находились к концу войны

северобелорусские земли. Особенно если учесть наличие в московских войсках приданных отрядов служилых татар и наряда... Территории Московского государства в районах боевых действий подверглись не меньшим разорениям. 1537 год на четверть века закрыл эпоху непрерывных войн Москвы и Литвы.

За три с половиной десятилетия с начала века Полоцк превратился из мирного города-торговца в опорный пункт номер один северо-восточных рубежей Великого княжества Литовского и одну из главных мишеней походов московских войск. Полотчине был нанесен страшный ущерб. И передышка, которая выпала на долю этой многострадальной земли в конце 1530-х — начале 1560-х гг., дала возможность восстановить силы перед новыми, еще более жестокими потрясениями Ливонской войны.

Глава 5. ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА

С середины 1530-х гг. более четверти века мир царил на Полоцкой земле. Московское государство и Великое княжество Литовское, в достаточной мере испытав силы друг друга в предшествующие пятьдесят лет, долгое время избегали серьезных конфликтов. Внешнеполитические приоритеты Москвы переместились на восток: основные силы брошены были на борьбу с Казанью, Астраханью и Крымом. С 1558 г. московский государь был занят войной в Ливонии.

Но так не могло продолжаться бесконечно. Две огромных державы должны были вновь схлестнуться — рано или поздно. Московские государи считали «Литовскую Русь» своим владением, вотчиной Рюрикова рода, временно утраченной предками. Они желали ее вернуть — всю, со всеми городами и областями, расположенными на тер-

ритории прежней Киевской Руси. Общее вероисповедание связывало Россию и «литовскую Русь». Давно знакомое давление католицизма и новая угроза протестантского наступления заставляли подданных великого князя литовского обращать взоры к Москве. В то же время Вильно и Варшава всё больше и больше сближались. Интересы русского православного населения все больше и больше оказывались чужими, ненужными, да и просто опасными для монархов Польско-Литовского государства. Земли, отвоеванные Россией на западе, представлялись виленским политикам такой же «временно потерянной территорией», какую в Москве видели в русских областях, еще оставшихся под властью Вильно. Проще говоря, Москва считала, что давно пора забрать у Литвы Полоцк — как плод, созревший и перезревший, а потому просящийся в руки; в Вильно же недоумевали: почему это московский государь до сих пор удерживает Смоленск, Вязьму, Новгород Северский — какая несправедливость!

И вот в начале 1560-х на Полоцке как будто свет клином сошелся. Ожесточенная борьба двух великих держав подходила к его стенам все ближе и ближе, покуда город не захлестнуло море огня...

Столкновение интересов Московского и Польско-Литовского государств было неизбежным. Оно произошло в рамках большого вооруженного противоборства за Ливонию и создало почву для новой кровопролитной войны между ними.

1560 годом завершился первый период Ливонской войны, период блистательных успехов московских войск. С этого времени начала осложняться международная обстановка на Балтике. Острова в Рижском заливе были куплены у епископа Эзельского датчанами. В 1561 г. Ревель присягнул на верность шведскому королю Эрику XIV. В том же году ливонские земли, еще не занятые войсками

Ивана IV, окончательно отложились в пользу Польско-Литовского государства. Таким образом, Ливония была буквально разорвана четырьмя враждующими державами.

Военные кампании 1561 и 1562 гг. не принесли решающего успеха ни Польше, ни Московскому государству. Победы русских войск под Перновом и Тарвастом сменились поражением у Невеля.

Попытка сватовства Ивана IV к Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда Августа, окончилась неудачей, и это лишь подлило масла в огонь войны. Польский историк К. Пиварский справедливо отмечал, что переговоры о браке русского царя и Екатерины Ягеллонки «углубили взаимные противоречия»¹³⁶. Известный историк-писатель К. Валишевский называл Екатерину «новой Еленой, из-за которой собирались воевать народы»¹³⁷. В 1562 г. она вышла замуж за Иоанна (Юхана), герцога Финляндского, будущего короля Швеции. Эта неудача должна была быть вдвойне досадной для Ивана IV, поскольку «невесту» перехватил отпрыск «мужичьего», по его мнению, рода шведских королей. Он сам был в то время женат на Марии Темрюковне, и сватовство к Екатерине Ягеллонке выглядело с точки зрения христианских идеалов чудовищно. Но в глазах Ивана IV подобные вещи не были позорными и недопустимыми: он ставил себя выше любых обычаев, законов, канонов христианства.

С военной и дипломатической точек зрения претензии Московского государства на Ливонию были поставлены под сомнение. И разрубить узел противоречий можно было только решающим военным успехом. Русско-польские переговоры в начале 1562 г. к заключению перемирия не привели. Более того, Сигизмунд Август искал союзника в крымском хане Девлет-Гирее, ожидая, что осенью—зимой 1562 г. тот либо сам вторгнется в московские земли, либо

отправит «царевича с войском» и тем самым оттянет русские силы на себя¹³⁸ (чего не произошло).

Остаться один на один с Москвой Польшо-Литовское государство еще не было готово. Король Сигизмунд Август ввязался в рискованную войну, имея достаточно внутренних проблем.

Пожалуй, серьезнейшую из них составляли конфессиональные распри. Н. Малиновский следующим образом охарактеризовал религиозную атмосферу тех лет в Польшо-Литовском государстве: «Никогда ни до того, ни после того не было столь сильной розни по вопросам веры в Польше, чем в правление короля Августа...»¹³⁹ В то время в Короне соседствовало множество вероисповеданий: римско-католическое, православное, протестантское, григорианское, иудаизм, ислам и даже язычество — причем каждое из них разделялось на несколько течений, ересей, сект. Ненадолго духовенству удалось выпросить у короля привилей, разрешавший казнить еретиков смертью. На сеймах шла жестокая распря о предметах церковной юрисдикции. Шляхта не желала говорить ни о каком отпоре неприятелю, прежде чем у духовенства не будет отобрано право суда над нею по делам об *odszczepienstw'e* (расколе веры). Папы Пий IV и Григорий XIII активно вмешивались в польский религиозно-политический конфликт, отправив к королевскому двору опытнейшего дипломата Коммендони. Тем не менее в середине XVI в. реформационные движения получили в Польше широкое распространение¹⁴⁰ и оттуда стремительно шагнули на литовские и белорусские земли. Протестантизм разного толка имел тогда в Великом княжестве Литовском сильного покровителя в особе королевича Сигизмунда Августа¹⁴¹, ставшего впоследствии королем. В самом Полоцке в конце 1550-х — начале 1560-х гг. возник кальвинистский сбор, разогнанный после прихода московских войск¹⁴².

Дополнительные сложности представляло дело окончательного объединения Польши и Литвы — политическая уния на новых условиях. Белорусско-литовская шляхта рассчитывала при помощи унии сравняться с польской. Напротив, магнаты Литвы сопротивлялись унии, не желая терять своего доминирующего положения в стране. Польская шляхта стремилась приобрести новые поместья в литовско-белорусских землях и получить прочный буфер для отражения московской опасности. Вопрос об объединении еще более усложнялся узаконенным неравноправием православной и католической шляхты. Напротив, дополнительным стимулом вступить в унию с Польшей была военная опасность со стороны Московского государства и татар. Польские историки стоят на той точке зрения, что в середине XVI столетия Литве грозила политическая катастрофа, и «...спасти ее могла только быстрая помощь Польши»¹⁴³. М.К. Любавский убедительно доказал, что именно Ливонская война повлияла на настроение умов в Великом княжестве Литовском в пользу унии¹⁴⁴. В 1562 г. литовско-белорусская шляхта организовала «конфедерацию», добивавшуюся унии с Польшей.

В такой ситуации Великое княжество Литовское было совершенно не в состоянии вести серьезные боевые действия. «Никто не поспешил» на сбор войск у гетмана Николая Радзивилла «ко дню св. Николая» в 1562 г. Сами польские историки признают тот факт, что приготовления к обороне шли в Литве очень медленно, и поход Ивана IV зимой 1562/63 г. был, как ни странно, неожиданным¹⁴⁵.

Таким образом, время для великого полоцкого похода было избрано весьма удачно.

В XV—XVII вв. московско-литовский рубеж находился в состоянии непрекращающейся полувойны. Удивительным было скорее не начало настоящей войны, а затянувшееся мирное время. Два чрезвычайно мощных

государства в бесконечном территориальном споре руководствовались не столько абстрактными интересами, сколько конкретными возможностями нанести эффективный удар по противнику. Вопросы религии, национальности, исторической справедливости учитывались... наряду с вопросом принципиально иного свойства. С одной стороны литовско-московского рубежа была многочисленная, небогатая и потому алчная шляхта, а с другой — такой же небогатый и алчный и не менее воинственный «средний служилый класс», по терминологии Хелли¹⁴⁶. Именно они составляли боевое ядро литовской и русской армий. Их требовалось «кормить», а лучше всего «кормила» большая удачная война. С этой точки зрения понятен выбор Полоцка в качестве объекта для нанесения удара: Полоцк был богат, многолюден, имел большой торгово-ремесленный посад. В XVI в. это был крупнейший город на территории современной Белоруссии¹⁴⁷, т.е. Иван IV и его армия могли рассчитывать на огромную добычу, как, в сущности, и произошло.

Взятие Полоцка давало целый ряд дополнительных выгод, прекрасно охарактеризованных Одерборном: «[Иван] Васильевич в высшей степени жаждал захватить этот город по причине важного его положения, славы и величия, богатств, возможности безо всяких затрат содержать в нем войско, и, наконец, благоприятного случая совершать нападения глубже в литовские земли и осуществлять из Полоцка управление на большой территории...»¹⁴⁸ Действительно, вся Ливонская война велась «под лозунгом овладения наследием, якобы оставленным Августом-кесарем своему далекому потомку Рюриковичу»¹⁴⁹. Иван IV считал Ливонию и тем более западнорусские земли своим владением по праву. И слава Полоцка, центра древнего княжения, как нельзя более привлекала царя. С другой стороны, Полоцк нависал над южным флангом русской

группировки в Ливонии, оттуда московские корпуса, осаждающие ливонские крепости, всегда могли получить страшный удар во фланг и тыл. Потеря же Полоцка Великим княжеством Литовским создавала непосредственную опасность для Вильно: в руках Ивана IV оказывался ключ от литовской столицы.

Впоследствии Стефан Баторий в первом своем походе против Московского государства опять-таки направил усилия на отвоевание Полоцка. Этот город позволял польско-литовскому монарху создать угрозу отсечения Ливонии от внутренних районов России и предоставлял отличный плацдарм для наступления на псковско-новгородские земли¹⁵⁰...

Иными словами, Полоцк оказался ключевой позицией на доске великой войны.

Кроме всего изложенного выше, царь и митрополит не без основания тревожились за судьбу православия в западнорусских землях и были недовольны приближением протестантского влияния к самым границам страны. В середине XVI в. на территории Великого княжества Литовского распространяются среди прочих и радикальные версии протестантизма: кальвинистская и антитринитарная. В 1560-х гг. на восточнославянских землях реформационное движение достигает значительного размаха, причем одно из ведущих мест в нем заняли антифеодальные идеи. Очевидную связь между еретическими движениями в Московском государстве и реформационными течениями в Великом княжестве Литовском можно усматривать в феодосианстве¹⁵¹. По мнению Г.Я. Голенченко, феодосианство сыграло немаловажную роль в развитии реформационных идей в Литве, и как раз в Полоцке подвизался один из главнейших феодосиан, покинувших московские пределы, монах Фома. Он женился на еврейке и

стал проповедником кальвинистского сбора¹⁵². Полоцкий поход был официально мотивирован желанием Ивана IV наказать Сигизмунда Августа «за многие неправды и неисправления», но «наипаче же горя сердцем о святых иконах и о святых храмах священных, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергше, святые иконы пощепали и многая ругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставльше и поправше, и Люторство восприаша»¹⁵³.

Георгий Федотов замечательно точно подметил: «Царь любил облекать свои политические акты — например, взятие Полоцка, — в форму священной войны против врагов веры и церкви, во имя торжества православия»¹⁵⁴. В преддверии похода народу и армии было объявлено о чудесном видении брату царя, князю Юрию Васильевичу, и митрополиту Макарию о неизбежном падении Полоцка¹⁵⁵. 30 ноября, в день выхода войск из Москвы, Иван IV совершил торжественный молебен; по его просьбе митрополит Макарий и архиепископ Ростовский Никандр повели крестный ход с чудотворной иконой Донской Богородицы, в котором приняли участие сам царь, его брат кн. Юрий Васильевич «и все воинство». В поход Иван IV взял чудотворные образы Донской Богородицы и Крылатской Богородицы, а также святыню номер один всей Западной Руси — драгоценный крест, вклад святой Евфросинии Полоцкой в Спасский монастырь (в настоящее время известен как «крест Лазаря Богши»), оказавшийся в казне великих князей московских. Уже по прибытии под стены города войско было ознакомлено с ободряющим и призывающим крепко стоять против «безбожных Литвы и прескверных Лютор» посланием архиепископа Новгородского Пимена¹⁵⁶.

Князь Петр Иванович Шуйский, несомненно, имел представление о политических и конфессиональных слож-

ностях в лагере неприятеля. И он знал, до какой степени Полоцк важен для всей войны из-за своего расположения. Как отец, он разъяснял всю эту непростую ситуацию сыну, и тот жадно внимал, научаясь быть «мужем брани и совета».

Судя по тому, что первый разряд для похода был составлен в сентябре 1562 г., подготовка войск началась именно тогда. По своему масштабу это военное мероприятие было грандиозным, едва ли уступавшим походу на Казань 1552 г., и требовало тщательной организации сбора сил.

13 сентября 1562 г. Иван IV вернулся в Москву из Можайска, и уже до 22 сентября был составлен 1-й разряд планируемого похода. В этот день были разосланы приказы по городам и московским воинским людям «чтоб... запас пасли на всю зиму и до весны и лошадей кормили, а были б по тем местом, где которым велено быти, на Николин день осенней». 23 сентября на Вятку, Балахну, Кострому, Чухлому, а также в Галич, Унжу, Парфеньев, Каликино, Шишкилево, Жехово, «в Судаи», в «Верх Костроми» и к Соли Галицкой были посланы дети боярские «сбирати пеших людей». В ближайшие дни воеводам по городам на «годовой службе», назначенным для похода на Полоцк, было указано быть готовыми к «зимней службе», а духовенство получило повеление «нарядить» 230 «своих людей»¹⁵⁷.

Рать собиралась по полкам в 17 городах, не считая сил, которые вышли с самим царем из Москвы. Общая численность всех сил составляла как минимум порядка 150 000 человек. Эти данные складываются из нескольких источников. Подробный разряд Полоцкого похода указывает, что дворян набрано было чуть менее 20 000, казаков, служилых черкасов, мордвы, татар — около 12 000. Трудно сказать, указаны ли в этом разряде вооруженные дворовые

люди дворян, или (что вернее) нет, поэтому число бойцов дворянского ополчения может быть и значительно выше. Летопись, а также в сочинение Файта Зенга дают численность стрельцов (не вошедших в разряд) — 12—20 тыс.¹⁵⁸ Псковский летописный свод 1567 г. говорит о 81 000 человек, составивших «посоху» — толпы людей, предназначенных для транспортных, погрузочно-разгрузочных и инженерных работ. Отсутствуют данные о посохе по другим городам, кроме Пскова. Следует поставить данную цифру под сомнение: демографический потенциал Псковской земли XVI столетия довольно скромнен, вряд ли она могла дать 80 с лишним тысяч посошан. Явно, речь идет о посошанах, вызванных из разных городов России¹⁵⁹.

Стоит разобраться в этих цифрах. Иностранцы, посещавшие Московское государство в XVI столетии, нередко писали о колоссальных армиях, собиравшихся по воле наших государей: 200 тысяч бойцов, 300 тысяч бойцов... Но до какой степени это можно считать правдой? Страна ни в экономическом, ни в демографическом смысле не могла обеспечить боевой выход такого количества полноценно вооруженных, обученных, обеспеченных конями и всем необходимым снаряжением ратников. Впечатление многолюдства создавала как раз посоха — многочисленная, плохо вооруженная или же вообще безоружная: обозники-«кошечные», обслуга артиллерийских орудий... Это, конечно, второстепенные по своей боевой значимости силы, они в принципе не способны сыграть в бою сколько-нибудь значительную роль. Посохи под Полоцком могло быть тридцать тысяч человек, как полагает современный историк А.Н. Лобин, поскольку этого количества хватило бы для обслуживания артиллерийского парка нашей армии. Ее могло быть в несколько раз больше (и это более вероятно): Псковская летопись четко говорит 81 000 посошан, причем у псковичей была возможность подсчитать

численность посошной рати, поскольку они занимались ее материальным обеспечением; да и рабочие руки посошан требовались не только при обслуживании пушек, но и для многообразных инженерных работ. Однако все эти десятки тысяч нельзя было поставить в строй при вооруженном столкновении с неприятелем. Поэтому надо признать: численность посошной рати слабо влияла на реальную боеспособность армии.

Боевое ядро составляли четыре силы: во-первых, дворянское ополчение, во-вторых, служилые иноземцы (европейские наемники, татары, мордва, черкасы, ногайцы и т.д.), в-третьих, казаки и, наконец, в-четвертых, стрельцы. Если высчитать силу этого боевого ядра в полоцком походе, то она минимально составит порядка 44 000 воинов. По современным представлениям, в начале Ливонской войны количество «боевых холопов» или, иначе, «боевых слуг», приведенных с собою помещиками, составляло в среднем несколько менее одного дополнительного полноценного бойца на одного дворянина¹⁶⁰. Таким образом, по чисто умозрительным соображениям, численность дворянской конницы следует увеличить на 18—19 тыс. бойцов (итого ее будет примерно 35—40 тыс). Тогда численность всего боевого ядра русского войска составит 62—65 тыс. ратников, без учета иностранных специалистов.

Для того времени это весьма значительная сила. Молодому Шуйскому повезло видеть перед собою армию, которая сосредотачивалась для великого дела раз в несколько лет, а при более спокойной обстановке — в несколько десятилетий. Последний раз сравнимое по силе воинство Москва собирала в 1552 г. — для взятия Казани.

Известно, что «наряд» (артиллерийский парк) грозненской армии был огромен. По современной реконструкции, в него входило 4 гигантских осадных пушки (ядра весом от 160 до 320 кг), 36 «верховых» и «огненных» орудий,

3 крупнокалиберных пищали, а также 100—110 орудий меньшего калибра. При «наряде» находилось около 1500 дворян и 1000 казаков, возможно, к его обслуживанию были привлечены английские, немецкие, итальянские инженеры и артиллеристы¹⁶¹. В распоряжении историков нет сведений о более масштабной артподдержке какой-либо наступательной операции вооруженных сил России в XVI столетии.

Не позднее 20-х чисел ноября был составлен уточненный разряд похода, так как именно в эти дни (до 27 ноября) в Москве находился литовский «гончик (посланец. — Д.В.) Сенка Олексеев», тщетно пытавшийся добиться перемирия. Для будущих литовских послов царь велел выдать «опасную грамоту», но сами переговоры с С. Олексеевым велись, очевидно, лишь для отвода глаз, и отпущен он был с Лобаном Львовым по дороге через Тверь — Псков — Юрьев Ливонский, т.е. значительно севернее маршрута движения московских войск. Литовского посланника велено было придержать во Пскове до того момента, «когда государь с Лук пойдет, чтобы на государеву рать вести не дал»¹⁶². Этот фокус с задержкой послов, кстати говоря, Иван IV применял неоднократно, например в 1564 г.: Коммендони 7 января 1564 г. сообщал кардиналу Борромео из Варшавы: «Я только что узнал, что вельможа Его Величества (короля Сигизмунда Августа. — Д.В.), посланный в Москву с целью выхлопотать свободный проезд для послов, спешно возвратился и прибыл вчера вечером (6 янв.). Он принес весть, что великий князь принял и выслушал королевских послов; однако тогда же отправил свое войско в Литву, не считаясь с договорами о мире. Поэтому послы сколь можно спешно возвращаются. Но говорят, что и войско поспешает за ними. Это известие — сверх всяких ожиданий, и видимо, можно встревожиться не на шутку»¹⁶³.

Иными словами, маршрут был к 27 ноября окончательно определен.

Трое Шуйских получили посты в армии вторжения.

Во-первых, отец князя Ивана, боярин князь П.И. Шуйский. Он получил высокую должность второго воеводы в Большом полку. Непосредственно ему подчинялось 950 вооруженных дворян¹⁶⁴. Кроме того, сама должность выдвигала его на роль одного из главных руководителей всего воинства. Можно сказать, он оказался в составе штаба полевого соединения. Выше него стоял князь Владимир Андреевич Старицкий, но старшинство удельного князя — чисто номинальное. Всем распоряжались царские воеводы. Первым воеводой в Большой полк поставили князя Ивана Дмитриевича Бельского. Он по праву считался одним из знатнейших людей царства, обладал большим тактическим опытом и не был обделен отвагой. Но совсем недавно ему пришлось испытать тяжелую опалу. Царь имел основания сомневаться в его верности. 116 знатных людей в 1562 г. подписали «поручную грамоту», где обязались выплатить колоссальную сумму в 10 000 рублей, если И.Д. Бельский «отъедет» к другому государю. Опасались, конечно, не побега к крымцам или шведам, а перехода через литовский рубеж. С русско-литовской знатью он, как родовитый Гедиминович, был связан кровно... И вот его ставят... во главе армии, идущей под Полоцк, во владения великого князя литовского! Очевидно, второй воевода, то есть как раз И.П. Шуйский, получил вместе с высокой должностью своей дополнительную заботу: «приглядывать» за Бельским. Ведь неровен час...

Его сына, князя Ивана, определили в группу из 11 знатных молодых людей, коим вменялось в обязанность «за государем ездити». Они представляли собой не столько охрану Ивана IV, сколько команду его «порученцев», а также пышный аристократический эскорт. Для Ивана Пе-

тровича это назначение являлось не только почестью. Оно открывало возможности следить за всем ходом боевых действий из центра, где принимались важнейшие тактические решения. Молодой князь, будущий полководец, мог набираться опыта, наблюдая работу опытных военачальников. А то, чего он не знал или не понимал, мог рассказать и объяснить ему отец, находившийся неподалеку.

Князя Ивана Андреевича Шуйского назначили есаулом в полку самого государя. Его особой обязанностью было «спати в стану» Ивана IV, т.е. охранять сон монарха. Это был довольно отдаленный родич князя Ивана, представитель старшей ветви в семействе Шуйских, сын видного политического деятеля князя А.М. Шуйского по прозвищу Честокол, казненного в малолетство государя (1543). Как уже говорилось, летопись приписывает инициативу казни самому Ивану Васильевичу, тогда — тринадцатилетнему отроку. Но сыну казненного царь странным образом доверял, держал его «в приближении». Вот еще один аргумент в пользу того, что казнь отца могла совершиться именем юного монарха, но по замыслу и волей служилых аристократов, противостоявших «партии» Шуйских.

30 ноября царь Иван IV выступил с войском из Москвы. 4 декабря он был уже в Можайске. Здесь московские ратники остановились на две недели. Из Можайска к отрядам, собиравшимся по городам, были разосланы списки. Общий сбор назначили на 5 января — в Великих Луках. Там же, вероятно, должен был состояться и первый смотр собравшейся армии¹⁶⁵.

К назначенному сроку к Великим Лукам успели подойти все отряды. В один день! Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже и для последующих столетий.

Из истории западноевропейского военного искусства в один ряд с подготовкой и сбором войск Ивана IV в

зимнюю кампанию 1562/63 г. можно поставить, пожалуй, один лишь знаменитый марш армии Оливера Кромвеля к Вустеру. Итальянец Алессандро Гваньини, долгое время служивший в Польше, хвалил тогда русское дворянство, собиравшееся в походы с удивительной быстротой, по первому приказу царя. Он был свидетелем работы русской военной машины грозненских времен и знал, о чем пишет, не понаслышке... К подобным спешным, но четко организованным действиям русские воинские люди были приучены многовековым противостоянием молниеносным набегам ордынцев. Гибкость военного управления в период Московского государства справедливо отмечал Дж. Кип, противопоставляя ее регулярному, но всебюрократизированному и громоздкому военно-административному аппарату Российской империи¹⁶⁶.

В Великих Луках войска стояли до 9 января. Здесь был составлен разряд «путного шествия», согласно которому, дабы не было «воинским людям истомы и затору», полки выходили из города с интервалом в один день. Именно в Великих Луках был определен состав полков; до этой пятидневной стоянки армии как таковой еще не существовало. Дело сбора столь крупных воинских сил не являлось для московского командования чем-то совершенно новым: позади было взятие Казани. Однако единственный случай на историю целого поколения — еще не практика (походы в Ливонию не в счет — они не отличались таким размахом).

Отсутствие подобного опыта составляло существенное отличие московской военной системы от привычных к стратегическим операциям вооруженных сил восточных монархий. С этой точки зрения московская армия сближалась с армиями европейских государств XVI в. Четкое управление 60 с лишним тысяч боевых сил и целым морем посохи требовало тонкой, сложной организации. Тактика

действий московских войск в небольших кампаниях была элементарно проста: армия делилась на три неравновеликих полка плюс «наряд», если он был. Вся карельская война с Густавом Вазой, например, велась силами не более трех полков... Кампания покрупнее требовала пяти полков: с пятью полками Юрий Захарыч встретил литовцев на Ведроше в 1500 г. Шестью полками брали Смоленск в 1514 г. Семь полков (Государев, Большой, Правой илевой руки, Передовой, Сторожевой и Ертоул) бились за Казань в 1552 г. Наличие семи полков и присутствие самого царя в армии говорят о неординарности похода. Так вот, в Великих Луках московская армия была разделена на семь полков, выходявших из города в следующем порядке: Ертоул — Передовой полк — Полк правой руки — Большой полк — Государев полк — полк левой руки — Сторожевой полк¹⁶⁷. Организационная простота впоследствии породит большие сложности в управлении армией на марше.

Воинский смотр был назначен на момент прибытия к Невелю, но есть все основания предполагать, что уже в Великих Луках состоялся предварительный смотр: так как едва ли составление полков можно было произвести по спискам, без смотра. Лебедевская летопись сообщает, что в Великих Луках Иван IV «...рописал... бояр и воевод и детей боярских по полком. И головы с людьми, и сторожи, и дозорщики, и все чины полковые служебные устроил...»¹⁶⁸. Это свидетельствует в пользу того, что первый смотр произошел все же в месте сбора войск.

Артиллерия была поделена на три отряда: «средний» и «лехкой» «наряды» шли на Полоцк за государевым полком и с первого же дня осады вступили в дело, а «большой наряд» был отправлен позади всех полков и прибыл к Полоцку по прошествии недели боев¹⁶⁹.

Наибольшую сложность представляла организация движения пососан. И московским воеводам не удалось

найти для этой задачи приемлемого решения. В походе посошанам предназначалась роль вспомогательного войска: на их долю выпало заниматься инженерными работами, таскать на себе пушки, порох и прочие припасы, выполнять обязанности по лагерю и по обозу. Они же должны были принести к месту осады несколько тысяч мешков с землей и песком для заполнения туров. (Очевидно, эта мера была предпринята с тем, чтобы не возиться с мерзлой землей.) Иван IV берег лошадей и не велел использовать их на этих работах. Помимо всего этого на пути от Великих Лук к Полоцку необходимо было приготовить «мосты дубовые... с которыми мосты итти... к приступу» и щиты, «с которыми итти перед туры». Без сомнения, рабочая сила, нужная для этих работ, доставлялась посохой. И посошная же рать «чистила дорогу», так как участок похода от Невеля до Полоцка считался местами «пустыми, тесными и непроходимыми», а также строила мосты для пушек по царскому наказу¹⁷⁰.

В такой ситуации хоть сколько-нибудь организовать громадное, слабоуправляемое и тяжело нагруженное скопище посошан было чрезвычайно трудно. Если не вся посоха, то существенная ее часть объединена была в полковые коши — отряды, переносившие лагерные и прочие принадлежности и припасы, которые числились за отдельными полками. Царь «приговорил» каждому кошу следовать за своим полком¹⁷¹. Но отнюдь не все громоздкое кошевое хозяйство поспевало за воинскими людьми.

14 января 1563 г. царь со своим полком и кошем выступил из Великих Лук. В этот день и начались «накладки»: многие посошане-кошевики трех шедших впереди полков не успели выйти раньше и образовали «в острожных воротах затор велик». Далее вся эта орда так и шествовала между большим и государевым полками, а также вместе с государевым полком, страшно затрудняя движение. Мо-

сковское командование каждый день высылало «голов для заторов». Дело было осложнено царской «заповедью»: в целях сохранения внезапности за литовским рубежом никого не отпускать «ни на какую добычу», ни на фуражировку, и запасы везти с собой. Таким образом, отряды фуражиров нисколько не разряжали мощного потока воинских людей и кошевщиков. Царь метался, пытаясь навести порядок, но тщетно. В результате «путное... шествие [было] нужно и тихо...». Не было никакой возможности провести смотр у Невеля, и 19 января он был перенесен на время прибытия под Полоцк¹⁷².

Заторы на пути к Полоцку — результат неопытности московского командования, неготовности его к подобного рода боевой работе. Просто по старинному обычаю разделив армию на полки и «наряды», а затем разбив «посоху» и обозы по полкам, наши воеводы нашли способ решения тактической задачи, пригодный для войска вдвое-втрое меньшей численности. А такая громада людей, пушек, обозных телег, которая двигалась от Великих Лук через Невель к Полоцку, нуждалась в более серьезной организационной схеме.

Молодой князь Иван скакал по заснеженным путям вместе с государем. Он собственными глазами видел, сколь сложные проблемы рождает обеспечение крупной полевой армии. Он везде был рядом с монархом, видел и слышал, какие принимаются решения, какие отдаются приказы...

Он учился.

В том числе и на ошибках других воевод.

Будущее предоставит ему возможность применить полученный опыт на практике...

Поход Ивана IV где-то на участке Великие Луки — Полоцк перестал быть секретом для полочан. Вести о нем принесли жители местности, по которой двигались царские

полки. Либо, что более вероятно, с некоторого момента за армией велось наблюдение лазутчиками и дозорщиками. По дороге к Полоцку из русского войска бежал и перекинулся на сторону неприятеля окольный Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, сообщивший о движении московской силы. Этот человек ненадолго предвосхитил измену князя Андрея Курбского. (Сам А. Курбский писал позднее о том, что во время полоцкого похода в Невеле царем был собственноручно убит князь Иван Шаховский¹⁷³. Возможно, оба инцидента взаимосвязаны: то ли первый бежал, устрешенный казнью второго, то ли второй был убит по подозрению в связи с «изменным делом» первого.)

Несмотря на осведомленность полочан о движении русской армии, до короля польского вести об угрозе из-за восточного рубежа дошли слишком поздно. Его тогда не было в Литве, он присутствовал на сейме в Петркове и узнал о полоцких событиях уже после падения города.

Литовский гетман Николай Радзивилл не успел собрать достаточного войска для контрудара¹⁷⁴.

А что мог сделать один городской воевода Станислав Довойна? У него был небогатый выбор: или сдаться на милость Ивана IV, весьма, надо сказать, изменчивую в отношении завоеванных городов (Юрьева, например), — или драться, ожидая подхода Радзивилла. Довойна избрал второй вариант, успев лишь «затвориться... со всеми людьми всего Полотцкого повета».

Иными словами, в конце января в Полоцке скопилась громадная масса людей разного звания и достатка. И тогда Иван IV делает неожиданный ход: он посылает к Довойне с грамотами, где обращается с предложением сдаться не к одному только воеводе, который, собственно, лишь и мог это сделать, а еще и к православному епископу Арсению Шишке, и к местной шляхте, и к полякам, обещая их «...пожаловать на всей воле их, какова жалованья

похотят»¹⁷⁵. По всей видимости, царь рассчитывал посеять сомнения среди защитников города. Предполагалось, вероятно, что в городе имеются его доброжелатели. Это событие стоит запомнить и в свой срок к нему вернуться. Первоначальный результат, во всяком случае, был лишь тот, что «язык», отважившийся отвезти послания царя к своим, был казнен.

30 января с последнего стана в пяти верстах от Полоцка «царь ездил смотреть города...»¹⁷⁶. Время тактических маневров закончилось. Литовская сторона не успела воспользоваться тем преимуществом, которое дало ей промедление русских войск на марше. Далее исход дела могло решить лишь прямое вооруженное столкновение.

Ultimo ratio regis...

Итак, несмотря на трудности в организации «путного шествия», заторы и «мотчание», огромная армия была в краткий срок собрана и быстро переброшена под самые городские стены Полоцка. Нет шахматной партии без ошибок или сомнительных ходов, но в итоге побеждает тот, кто делает меньшее их количество. На 30 января 1563 г. можно было констатировать: Иван IV и московские воеводы в дебюте сделали меньше оплошностей, нежели их противник, и добились существенно предпочтительной позиции.

* * *

Миттельшпиль полоцкой партии начался с расстановки полков вокруг города. Она заняла весь день 31 января. Перемещения полков выдают колебания русского командования, выбиравшего направление главного удара.

Первоначально, видимо, предполагалось нанести его из Задвинья, штурмуя город с юга, по льду Двины. За реку была послана большая часть сил: передовой полк отправили

стоять на виленской дороге «против Якиманские слободы» (т.е. в районе нынешнего парка 50-летия Советской власти и несколько западнее); полк правой руки — «на Черсвятцкой дороге... против острова и Кривцовские слободы» (т.е. от нынешнего парка 50-летия Советской власти примерно до реки Бельчицы). Государев полк поначалу также был отправлен в Задвинье. Весь день он стоял «у Егорья Стратотерпца на поле», но к вечеру переправился через Двину и встал у Борисоглебского монастыря (восточнее полка правой руки). Таким образом, к вечеру 31 января на южном берегу Двины стояло 50 % всех войск. Ертоул встал в Заполотье, близ устья Полоты и, значит, против западной стены замка. Полк левой руки расположился на Себежской дороге (т.е. северо-восточнее ертоула, пересекая современную Октябрьскую улицу). Большой полк был поставлен «у Спаса на Шорошкове» — при Спасо-Евфросиньевом монастыре, очевидно, на правом берегу Полоты.

3 февраля в расположении войск была сделана важная перемена: «учалася река портитися», и поэтому сильнейший государев полк перешел за реку и встал «у Егорья Великого». На место государева полка был отправлен более слабый полк левой руки. Сторожевой полк, примерно такой же численности, встал между большим полком и ертоулом — следовательно, сменил на этом месте ушедший в Задвинье полк левой руки. Мотивировка всех этих передвижений очевидна: атаковать Полоцк из Задвинья по хрупкому льду или тем более во время ледохода — полное безумие. В результате перегруппировки сил основная часть русских войск была сконцентрирована против городских стен Великого посада (большой полк с севера и государев полк с востока).

Таким образом, направление основного удара переместилось.

Наряд с 31 января стоял «меж Георгия Святого и Волва озера»¹⁷⁷.

Но где этот храм «Егорья Стратотерпца», или «Георгия Святого»? Лебедевская летопись и разряд Сапунова однозначно говорят о сосредоточении государева полка и наряда около этой церкви, но точное местонахождение ее неизвестно.

Л.В. Алексеев в своей работе «Полоцкая земля IX—XIII вв.» высказывал предположение, что это был храм, посвященный отцу святой Евфросинии князю Георгию (т.е. был построен в XII в.), стоял он «вблизи ограды монастыря, ближе к городу», вероятно, у костела святого Ксаверия, где в середине XIX в. виднелись кладки, сложенные из домонгольских плинф. Дополнительным доказательством своего утверждения Л.В. Алексеев считал путаницу в известии Стрыйковского, утверждавшего, что ставка Ивана IV в 1563 г. была у Святого Спаса (Спасо-Евфросиньев монастырь), — отсюда Алексеевым делается вывод о близком расположении двух построек, которое якобы и ввело хрониста в заблуждение.

На 2-й конференции по истории и археологии Полоцкой земли в 1992 г. исследователь высказал уже несколько иное соображение: Егорий Стратотерпец — церковь, построенная Георгием в 1120—1150-х гг. и обнаруженная в ходе раскопок М.К. Каргером к востоку от церкви Святого Спаса. В этом же храме была и полулегендарная гробница полоцких епископов. Подобное суждение уже высказывалось ранее и было определено П.А. Раппопортом как маловероятное¹⁷⁸.

И в том, и в другом случае неясно, почему надобно искать Георгиевскую церковь в XII в., если о ней прямо свидетельствуют документы XVI в. Полоцкая ревизия 1552 г. охватила, в частности, земельные владения церквей и монастырей города и его окрестностей. В документах ревизии указаны две церкви святого «Юрия», или, точнее, церковь и монастырь. Церковь Святого Юрия «в Голубичах» не подходит по своему расположению. Зато

отлично подходит «монастырь Светого Юрья в поли за местом», продолжавший существовать и в 1580-х гг., о чем свидетельствует известная опись полоцких церквей, составленная при Стефане Батории в 1580 г.¹⁷⁹ Ни о древности, ни о каком-либо выдающемся значении монастыря данные земельных описаний не говорят. Отнюдь! Согласно документам ревизии 1552 г., за монастырем числилось 8 человек, живших на монастырской земле и плативших подати в монастырскую казну. Кроме того, в Великом посаде на земле монастыря жил 1 мещанин. Монастырю также принадлежали «борти церковные». Все это было пожаловано панами Зиновьевичами Корсаками. Это крупнейшие светские землевладельцы Полоцка и его округи, представители младшей ветви рода Корсаков, выделившейся в конце XV в.¹⁸⁰ Для сравнения: крупнейшие полоцкие монастыри и церкви — святая София, Борисоглебский монастырь, Спасо-Евфросиньев монастырь, Островский монастырь Святого Иоанна Предтечи — располагали землями с десятками и сотнями плательщиков. В числе земель, составлявших их владения, имелись пожалования святой Евфросинии (княгини «Агрефины»), великих князей полоцких Михаила, Семена, Андрея Ольгердовича. У Борисоглебского монастыря пожалования тех же Корсаков перемежаются с землями, приобретенными на собственные, монастырские средства. Таким образом, Юрьевский (Георгиевский) монастырь едва ли мог похвастаться хотя бы вековой историей, скорее всего был невелик по размеру и не имел ни малейшего отношения к величественным постройкам домонгольского времени. Не мог он находиться и на правом берегу Полоты, поскольку о выходе московских войск, шествовавших с северо-востока по Невельской дороге, «к Егорью Стратотерпцу, Христову мученику» в Лебедевской летописи и воинских разрядах четко сказано до описания переправы части армии на правый берег Полоты. Материалы ревизии 1552 г. указывают на то, что

монастырь находился «в поли за местом», а не за рекой, т.е. к востоку-северо-востоку от стен Великого посада, построенных почти перпендикулярно Двине¹⁸¹. Наконец, ответ подсказывает сама логика расположения русских полков, осадивших Полоцк: против восточной стены Великого посада был поставлен сторожевой полк, и если, как утверждает А.В. Алексеев, Георгиевская церковь стояла недалеко от Святого Спаса, то при перегруппировке сил 3 февраля его место остается незанятым. Таким образом, на самом ответственном участке в русских порядках образовалась бы громадная брешь, совершенно свободное пространство. Едва ли это было возможно, и остается предположить, что монастырь Святого Юрия, или Георгиевский, располагался на левом берегу Полоты, южнее Спасо-Евфросиньева монастыря и, возможно, южнее Волва озера.

Что же касается путаницы со ставкой Ивана Грозного, то на самом деле показания Лебедевской летописи и Хроники Стрыйковского¹⁸² вполне могут быть согласованы друг с другом. В летописи действительно сказано: «...царь и великий князь пошел за Двину реку и стал у Георгия Великого», но это может указывать не только и не столько даже на перемещения Ивана IV лично, а скорее на движение государева полка. Царская ставка, таким образом, вполне могла быть и в Спасо-Евфросиньева монастыре.

Еще 31 января стрельцам с нарядом из состава государева полка велено было «закопаться у Двины реки в березех и на острове». Ныне этого острова уже не существует. Но на картах конца XVI столетия¹⁸³ остров показан как раз напротив замка, ближе к южному берегу Двины. В наше время на месте Ивановского острова — лишь выступ берега с небольшой канавой и болотцем у основания. Березы, кстати говоря, растут там и до сих пор, но насколько они являются потомками деревьев времен Ивана Грозного, сказать трудно. С острова легко можно было осыпать

замок ядрами и пищальными зарядами — расстояние до противоположного берега вполне это позволяло...

2 февраля в войсках был проведен смотр и приказано было «делать туры». Под термином «туры» могут скрываться укрепления самых разных типов: просто насыпные, из плетеных корзин, передвижные деревянные башни, наконец, в данном случае, — ни то, ни другое, ни третье. Виленский «летучий листок» дает сведения, по которым можно хотя бы примерно представить себе вид грозненских «туров» — это были деревянные каркасы, очевидно, передвижные или на катках, заполненные мешками с землей. Строили их в лесу, «в двух милях от города», и каждые десять человек должны были сделать одну «туру» — вероятно, некое звено общей цепи возводимых укреплений. Кроме того, еще во время похода «розмысл и фрязи» (наемный военный инженер и иные военные специалисты-итальянцы) приготовили щиты, «с которыми итти перед туры, и туры за ними ставить»¹⁸⁴. 4 февраля туры начали ставить вокруг стен и придвинули к городским укреплениям наряд.

На протяжении всего времени полоцкой осады от 30 января вплоть до падения города русским командованием были четко организованы разведка и охранение. 30 января застава была выслана за Двину, к Бельчицкому монастырю. Несколько дней, до полного смыкания кольца осады, застава в Задвинье оставалась, ежедневно сменяясь. Затем заставы начали отправлять дальше, по Виленской дороге до «Глубоцкой волости», не доходя до Глубокого 10—15 верст (около 60—65 км от Полоцка), а также по Луцкой дороге (5 верст от Полоцка). Известие в Хронике Стрыйковского подтверждает наличие московских застав в районе Глубокого. Помимо передовых застав, 4 февраля высланы были отряды для охраны кошей и осадного «наряда»¹⁸⁵, подтягивавшихся еще целую неделю по великолуцкой дороге.

Виленский воевода и великий гетман литовский Н. Радзивилл мало что мог противопоставить московской армии. Переписка между ним и королем Сигизмундом Августом свидетельствует о полном бессилии последнего помочь чем-либо Литве. В письмах последней декады января (т.е. отправленных в тот момент, когда московская армия была уже на марше от Великих Лук) король сообщает Радзивиллу о «немалых силах неприятельских и большой опасности», далее о тщетных попытках хотя бы собрать деньги для найма солдат. В свой срок, получая эти письма, Радзивилл вполне мог воспринять их как изощренное издевательство. 31 января, в день начала осады Полоцка, Сигизмунд Август пишет великому гетману литовскому, что отправил на подмогу воеводичей Русского и Поморского и пана Ляского, но лишь первый двинулся с сотней конных (!), а два последних остались на месте. Польский хронист Лукаш Гурницкий сообщает о пребывании в Вильно немногочисленного королевского двора, который мог скорее утратить московского государя именами старших воевод, чем действительно обеспечить защиту литовской столицы. Стрыйковский прямо назвал численность корпуса, с которым Н. Радзивилл и польный гетман Г. Ходкевич выступили против московских войск из Минска: 2000 литовских солдат и 400 поляков. Более этого Радзивилл собрать не мог из-за поспешности и отсутствия времени для ожидания отрядов из отдаленных поветов. Учитывая сложную социально-политическую обстановку в Великом княжестве Литовском (конфедерация 1562 г. за унию с Польшей) и неожиданность русского наступления, указанную цифру можно принять как вполне вероятную. Русские разряды и один из «летучих листков» (виленский, марта 1563 г.) сообщают о сорокатысячном литовском войске при 20—26 орудиях¹⁸⁶. Скорее всего эти сведения — результат слухов, распущенных Радзивиллом, с целью вызвать панику в московском стане и оттянуть часть сил

осаждающих на себя. На большее гетман не решался. Его корпус переправился через Березину и Черницу и оперировал на расстоянии 8 миль от Полоцка, не ближе.

Замысел Радзивилла удался, но лишь отчасти.

13 февраля казанские татары «привели из загонов дву литвинов: Марка Иванова, да Федка Сафонова»¹⁸⁷, кои и явились дезинформаторами. По их словам, ертоул вместе с «Варколапом» (Баркулабом. — Д.В.) был уже в трех милях от Бобыничей. Встревожившись, московское командование послало крупный отряд во главе с царевичем Ибаком, воеводами кн. Ю.П. Репниным и кн. А.И. Ярославовым. Отряд двигался по маршруту Полоцк — Бобыничичи и вернулся назад, узнав от языков, что Радзивилл, стоявший «в Глубокой», передвинулся «...к бору у Черной речки». (Глубокое — около 80 км от Полоцка, Бобыничичи — около 30 км, северный изгиб Черницы — около 45 км.) Причиной отхода русского отряда послужила болезнь и смерть кн. Ю.П. Репнина. 16 февраля, уже после сдачи Полоцка, против Радзивилла был послан князь А.И. Вяземский-Глухой с войском. Вяземский опять шел через Бобыничичи до мест, «где были литовские люди», и вызнал, что Радзивилл и Ходкевич бежали к Березине и «рухледи метали много» — после того как они получили известие о падении города и движении на них московских отрядов.

Стрыйковский сообщает, что литовцам удалось разгромить несколько московских разъездов, о чем разряды умалчивают¹⁸⁸. Вероятно, разъезды были разбиты Радзивиллом и Ходкевичем на подходе к Полоцку, а появление крупных сил русских заставило их отступить: дальнейшее продвижение воевод Ивана IV в этом направлении грозило отрезать небольшой литовский корпус от Вильно и оставить тем самым столицу Великого княжества без прикрытия. Но и князь Вяземский отличился, взяв под Бобыничичами литовских «языков»¹⁸⁹.

В целом же, действия литовских военачальников, направленные на деблокаду Полоцка извне, не увенчались успехом. Городской гарнизон в течение всей осады был предоставлен самому себе.

Осадные орудия подошли к Полоцку лишь 7 февраля. Но артиллерийская перестрелка началась уже в первый день осады. Иван IV, переправлявшийся с государевым полком в Задвинье, был обстрелян с крепостной стены. В ответ заговорили русские пушки с Ивановского острова. Лебедевская летопись сообщает, что со стороны осаждающих был убит лишь один человек, а «... стрелцы из наряда с острогу пушкарей збили и литовских людей многих побили в остроге»¹⁹⁰. Эта стычка имела частный характер и не сыграла особой роли. Вся артиллерия, пришедшая вместе с московскими полками, кроме наряда на Ивановском острове, молчала до 5 февраля. 4—5 февраля под городскими стенами ставились укрепления и устанавливались пушки.

Первое серьезное столкновение произошло лишь 5 февраля. Не были поставлены еще все укрепления, но стрельцы под командой головы Ивана Голохвастова подошли «башню над Двиною» и кинулись на приступ. Им удалось занять башню и войти «в острог». Но их отозвали назад, так как «туры еще во многих местех не поставлены около города...»¹⁹¹. Это место в русской летописи вызывает сомнение: очевидно, все-таки стрельцы не столько отошли, подчиняясь приказу, сколько были выбиты из занятой ими башни. Во всяком случае иностранные источники говорят о целом ряде неудачных штурмов, предшествовавших падению города. Того же мнения придерживался и Г.В. Форстен. В этот день московские войска потеряли при постановке укреплений и в бою за «башню над Двиной» более 30 человек, в том числе и казачьего атамана К. Подчеркова¹⁹². Так что, по всей видимости, 5 февраля гарнизон города отбил попытку

частного штурма, направленного на южный, приречный угол укреплений Великого посада.

Полоцк, по отзывам иностранных источников, в то время славился своими укреплениями и представлял собою крепкий орешек для осаждающих. В городе было около 6000 бойцов гарнизона и местных служилых людей (в том числе порядка 1,5 тыс. поляков, настроенных драться до последней крайности), а также мощный артиллерийский арсенал. Московское командование признавало мощь городских стен, не говоря уже о замковых: «Острог крепок... ров вокруг острога от Полоты и до Двины реки делан крепок и глубок...»¹⁹³ Поэтому первая неудача вполне объяснима.

Московский наряд обстреливал защитников Полоцка до вечера 5 февраля. Вечером же орудия замолчали и канонада прервалась почти на трое суток, вплоть до 8 февраля. Под Полоцком еще не слышали залпов «артиллерии главного удара» («большой» наряд), но поединок с «средним и легким» нарядом в первый же день вызвал предложение начать переговоры. Полоцк был богатым и хорошо укрепленным городом — да, но отнюдь не военной твердыней, стенам которой изначально предначертана судьба быть растерзанными ядрами неприятельских пушек. Долгий период мира не способствовал поддержанию боевого духа в его жителях.

К тому же у русского царя в самом городе была партия доброжелателей — Иван IV с самого начала не напрасно и не в пустоту обращался с предложениями мирной сдачи.

Косвенно это подтверждается аналогией, проведенной М. Стрыйковским между падением Полоцка и присоединением Пскова к Москве: в обоих случаях горожане поддались на ласку и уговоры. Общий тон известий Штадена, Одерборна и Пискаревского летописца указывают на недостаточность сопротивления, оказанного городом. Одерборн прямо говорит, что одной из существенных

причин сдачи Полоцка была боязнь, «как бы не возникло внутренних смут»¹⁹⁴. Ход переговоров 5—8 февраля дает этому дополнительное подтверждение. Переговоры велись со стороны осажденных Лукой Халабурдой и Василием Грибуном, московского же царя представляли Иван Черемисинов и Василий Розладин (затем один Черемисинов).

Отношение русской стороны к переговорам понятно: они были на руку Ивану IV. Глава гарнизона Станислав Довойна сделал серьезную ошибку, не выговорив с первого же дня условия, чтобы московские войска не двигали к городским стенам своих укреплений, пока переговоры продолжаются. На это указал в своей хронике-мемуарах Л. Гурницкий. В результате промаха полоцкого воеводы в ночь с 5 на 6 февраля «туры» были поставлены у самых стен¹⁹⁵. Но московское командование надеялось, очевидно, все-таки договориться о мирной сдаче города: 6 февраля по-прежнему идут переговоры, хотя русские воеводы уже получили возможность нанести решающий удар.

Одерборн сообщает о содержании переговоров в эти дни следующее: царь «...посылал парламентаров к воротам, и они угрожали... враждебными действиями... в случае же сдачи он обещал, что все останется нетронутым...»¹⁹⁶. 7 февраля, устав ждать, царь меняет более стоворчивого Черемисинова на Михаила Безнина, потребовавшего от полоцких переговорщиков скорого принятия решения в ультимативной форме¹⁹⁷. Вечером 7 февраля под город прибыл «большой» наряд, и медлить далее не было никакого смысла. Срыв переговоров 8 февраля окончательно убеждает командование московской армии в необходимости вновь прибегнуть к силе оружия¹⁹⁸.

А вот позиция защитников города неясна и кажется непоследовательной. Конечно, Довойна пытался, ведя переговоры, потянуть время и дожидаться помощи от Н. Радзивилла, избавив город от приступов и артиллерий-

ского обстрела. Но представляется крайне странным один факт: 8 февраля в Безнина во время переговоров стреляли, это и стало причиной срыва переговоров. В самом деле, если необходимо было тянуть время сколько возможно, то стрельба по царскому переговорщику, напротив, — не что иное, как наилучший способ уничтожить саму возможность продолжения диалога. Снять это противоречие можно, кажется, лишь одним путем: предположить борьбу группировок в самом городе — за и против продолжения противоборства с Иваном IV. Сами полоцкие переговорщики открыто говорят об этом: «...люди многие, а мыслями своими шатаются; иные люди бити челом хотят, а иные не хотят...»¹⁹⁹ Конечно, можно расценивать эти слова как очередную уловку послов, стремившихся продлить перемирие, но равно веским будет и другое предположение — в Полоцке, с его древней традицией вечевой свободы и участия посада в делах управления городом²⁰⁰, подобная критическая ситуация вполне могла породить разногласия. И тогда партия противников мирной сдачи попыталась наперекор партии ее сторонников сорвать переговоры самым радикальным методом.

«Вычислить» две эти группировки точно не представляется возможным, но гипотетически расстановку сил восстановить нетрудно.

Ни за что мириться с Иваном IV не стало бы католическое духовенство, едва ли — кальвинистское (впрочем, и то, и другое было немногочисленным, из всех храмов города католикам принадлежал лишь один бернардинский костел), никогда — польский гарнизон и вряд ли — полоцкая шляхта, а также верхушка посада. О полоцкой шляхте Стрыйковский писал однозначно как о людях, вместе с поляками оборонявших город до последней крайности. Посадские же богачи рисковали в случае падения Полоцка потерять все свое состояние. Так, всерьез опасаясь наступления Ивана IV, жители ливонских городов

просто-напросто отправляли свое имущество в Пруссию. Московский государь мог рассчитывать на союзников в среде солидного по численности православного духовенства (более двух десятков церквей и монастырей, епископия) — особенно если учесть торжественную встречу, устроенную им Ивану IV «в полотцких воротех» после сдачи города. Очевидно, менее состоятельные посадские люди, рискуя, как им казалось, немногим и не стремясь подставлять головы под русские ядра, поддерживали переговоры. Впоследствии то ли С. Довойной из Полоцка были высланы «чернь и простой люд», то ли, согласно Лебедевской летописи, они и сами не пожелали уйти в замок, а ушли в расположение русских войск²⁰¹, но так или иначе посадские низы и «сельские люди», в том числе несколько тысяч взрослых мужчин, не стали надежной боевой силой для полоцкого воеводы.

Еще один урок для будущего полководца. Через много лет, защищая Псков, князь Иван Шуйский будет знать наверняка: пока население города твердо в своем желании отстоять его, можно выдержать самую суровую осаду. Если же подобной твердости нет, если грозит «внутренняя смута», дело плохо. Очень важной с этой точки зрения будет позиция городского духовенства. Оно может и поддержать, и погубить воеводу...

Новые ценные сведения.

В дальнейших событиях решающую роль сыграли русские осадные пушки «большого» наряда. Один немец из Полоцка, очевидец осады, через 12 лет рассказывал императорскому послу в Москве Х. Кобенцелю, что город был взят в три дня «...при таком пушечном громе, что, казалось, небо и вся земля обрушились на него». Пушки сокрушили городские, а затем и замковые стены, конечно, не в три дня: с перерывами артиллерия делала свое дело почти неделю: 8—14 февраля. Согласно упоминавшемуся уже виленскому «летучему листку», «открыл он (т.е.

Иван IV. — Д.В.)... такую сильную пальбу, что граждане оставили город (т.е. посад. — Д.В.)». Мощь огневого удара поразила и самих осаждающих: «Якоже от многого пушечного и пищального стреляния земле дрогати и в царевых и великого князя полкех, бе бо ядра у болших пушек по двадцети пуд, а у иных пушек немногим того легче...» Сила огня была умножена близостью расстояния от туров до стен. Давала себя знать ошибка Довойны, подпустившего московские войска к самым стенам Великого посада, — орудия с короткой дистанции буквально взламывали их. Стрыйковский считал, что в эти дни (поставлена ошибочная дата 1 февраля, но по ходу событий — верно) был убит ротмистр Голубицкий²⁰².

Еще два отличных урока для человека, который способен учиться на чужих ошибках. Во-первых, врага нельзя безнаказанно подпускать на близкое расстояние к стенам и башням. Обязательно следует вести жестокую контрбатарейную борьбу. Во-вторых, даже самые мощные укрепления могут не выдержать массивного удара осадной артиллерии. Это значит, что за каменными крепостными стенами следует сооружать временные оборонительные сооружения — когда от первой линии обороны не останется камня на камне, вторую еще можно будет удержать. Довойна не позаботился об этом...

Минет почти два десятилетия, и князь Шуйский покажет, чему научил его неудачливый полоцкий воевода.

Между другими ротмистрами — Хелмским, Верхлинским, Варшевским — и Довойной начался разлад. Ротмистры, а также участвовавший в обороне Полоцка виленский воеводич Ян Глебович настаивали на обороне посадских стен, но Довойна велел оставить стены и сжечь посад²⁰³. В результате начался страшный пожар, погубивший 3000 дворов.

Прямо посреди пламени начался жестокий бой между русскими стрельцами и детьми боярскими с одной сто-

роны и поляками — с другой. Эту схватку можно расценивать как вторую попытку частного штурма. Князя Д.Ф. Овчинин и знаменитый впоследствии Дм. Ив. Хворостинин, придя на помощь бившимся за посад отрядам, отогнали поляков, «потоптали и в город вбили». На пожарище московские воинские люди завладели брошенным имуществом. Поляки полностью очистили посад, но отстояли замок. Тогда же к русским полкам вышло, по разным источникам, от 11 до 24 тыс. посадских людей и крестьян полоцкого повета. Они показали осаждающим большие запасы продовольствия, спрятанного в «лесных ямах»²⁰⁴.

Так закончился 9 февраля миттельшпиль полоцкой партии — вновь с ощутимым перевесом на стороне московских войск. Осажденные укрылись в замке и могли уповать теперь лишь на крепость его стен и на возможную помощь извне.

* * *

Решающие события эндшпиля заняли всего неделю. 9—10 февраля «большой» наряд был поставлен «на пожженном месте», а также в Заполотье и Задвинье против замковых стен. 11 февраля туры и пушки были придвинуты ближе к укреплениям замка. На протяжении нескольких дней орудия сутками били без перерыва. Ядра разбивали одну замковую стену, а потом еще и били в противоположную. Защитники терпели от них жестокий урон. Полочане «...токмо крыяшеса в домох своих, в погребах и в ямах от пушечного и пищального стреляния».

Русской артиллерией использовались огненные ядра и, возможно, зажигательные смеси. В результате на территории замка вспыхнул пожар, запылало несколько десятков домов. Гарнизон вынужден был одновременно оборонять стены и тушить огонь. В ночь с 14 на 15 февраля усилиями

московских пушкарей и стрельцов, посланных к стенам, укрепления были также подожжены. К тому времени ядрами было выбито 40 городень из 204, составлявших периметр полоцкого замка²⁰⁵.

Таким образом, в этой кампании артиллеристы Ивана IV показали немалое искусство. Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Московском государстве в 1516—1517 гг. и в 1526 г., отмечал совершенное неумение русских использовать артиллерию. А уже Манштейн в широко известных своих «Исторических, политических и культурных записках о России с 1727 по 1744 гг.» напишет, что артиллерия очень немногих европейских стран могла бы сравниться с русской и еще менее того — превзойти ее; это была, по его мнению, единственная отрасль военного искусства, в которой Россия могла обеспечить себя отлично подготовленными командирами²⁰⁶. Так вот, опыт применения полевых и осадных орудий московские пушкари всерьез начали набирать именно в середине XVI в. Залпы русских пушек в ту пору весьма часто решали участь городов. Первостепенную роль артиллерия сыграла при осаде Казани, под Нарвой, Дерптом, Феллином. У стен Полоцка наряд Ивана IV уже располагал кадрами, отлично знавшими свое дело.

Защитникам Полоцка нельзя отказать в мужестве: Стрыйковский писал, что они тревожили осаждавших частыми вылазками. Русскими источниками действительно зафиксирована вылазка, имевшая место то ли в ночь с 9 на 10 февраля, то ли с 10 на 11²⁰⁷. В ней приняли участие «Довойнов двор весь» (800 чел. конницы) «да пешие люди многие». Но в бою за контрвзвальные укрепления с отрядом боярина И.В. Шереметева они потерпели поражение и с потерями отошли в замок. Сам Шереметев получил контузию пушечным ядром. За дерзость вылазки осажденным пришлось расплатиться пленниками — «языками».

Таким образом, к утру 15 февраля положение защитников замка стало катастрофическим. Радзивилл оказать помощи им не мог, укрепления были разбиты, силы таяли изо дня в день, в то время как настоящего урона московским войскам нанести не удавалось. За всю осаду армия Ивана IV потеряла, по русским данным, всего 86 человек²⁰⁸. Да и в самом городе, как видно, было достаточно сторонников сдачи. За несколько часов до рассвета московские полки начали подготовку к штурму, который должен был стать для Полоцка последним.

И тогда из города вышел епископ Арсений Шишка «со кресты и с собором», было сдано городское знамя, а воевода полоцкий запросил начать переговоры о сдаче. Иван IV потребовал прибытия в свой стан самого Довойны, и тому пришлось согласиться. Далее сведения источников противоречат друг другу: согласно официальной московской Лебедевской летописи, переговоры шли до вечера и закончились сдачей города на том условии, что царь обещает «показать милость» и «казней не учинить». Далее летопись в самом деле не отмечает никаких казней. Гарнизон и горожане были выведены из города, а затем разведены по двум станам. Виленский «летучий листок» дополняет летописное известие: солдатам оставили их оружие, а горожанам — нет; те и другие находились «под сильной стражей» и 5 дней не получали никакой провизии; все они были переписаны, и желающим, в особенности из числа наемных немецких артиллеристов, было предложено поступить на московскую службу — некоторые изъявили согласие²⁰⁹.

Хроника Стрыйковского дает совершенно иное описание происходивших событий. Уже после сдачи замка Довойной поляки и полоцкая шляхта во главе с ротмистром Верхлинским обороняли брешь в замковой стене. В результате переговоров между последними защитниками Полоцка и московским командованием было достигнуто

соглашение: поляки и шляхтичи беспрепятственно выходят из замка с имуществом, им предоставляется возможность уйти «целыми и невредимыми» (что и было впоследствии исполнено). Но затем город был ограблен, монахов-бернардинов порубили татары, а евреев утопили в Двине. Официальная московская Лебедевская летопись ничего не говорит ни об обороне пролома, ни о дополнительных переговорах, ни о казнях евреев и бернардинов. Впрочем, о бое за брешь нет упоминаний более ни в одном другом источнике. Поэтому невозможно с точностью определить, имел ли он место в действительности, или это лишь публицистическое преувеличение Стрыйковского. О «массовых казнях», о гибели евреев и бернардинов стоит поговорить особо. Поляки, еще несколько дней остававшиеся в городе, должны были знать про эти казни, если они происходили на самом деле. Вопрос состоит в том, верить ли Стрыйковскому, располагавшему в качестве источников рассказами очевидцев, или не верить, ссылаясь на его тенденциозность.

Известие (о казнях) повторено в Хронике Бельских, следовавшей в описании полоцких событий 1563 г. за Стрыйковским. То же можно сказать и о соответствующих известиях «Кройники литовской и жемойтской» и отчасти — Мазуринского летописца²¹⁰. Алессандро Гваньини по этому поводу писал: «...всех жидов, которые не захотели принять св. крещение, [Иван IV] велел утопить в славянской реке Двине»²¹¹. О бернардинах — ничего. Сообщение Гваньини повторено Одерборном, который мог быть знаком с латиноязычным изданием его сочинения 1578 г. В Псковском летописном своде 1567 г. также упомянуто только о казни евреев²¹². Эту же версию, только в облегченном виде, поддерживает и крайне интересное известие Джованни Тедальди, 78-летнего флорентийского торговца. Его рассказ передан папским посланником Антонио Поссевино, общавшимся с Тедальди в 1581 г. Те-

дальди неоднократно бывал в Московском государстве, жил там целыми годами, беседовал лично с Иваном IV, что заставляет высоко оценить достоверность его сообщения: «[Тедальди] решительно отвергает, что этот государь (Иван IV. — Д.В.) по взятии Полоцка утопил, как говорят, монахов ордена св. Франциска, так называемых бернардинов. Одинаково и против евреев, о которых говорят, что их тогда утопили, Тедальди замечает, что всего только двух или трех насильственно крестил великий князь и потом велел утопить, объясняя свое приказание нежеланием, чтобы умирали христиане; другие же были изгнаны из Полоцка»²¹³. Таким образом, если объединить сообщения Гваньини и Тедальди, оказывается, что утоплены были лишь некоторые из числа тех, кто воспротивился крещению и был крещен насильно. Неизвестный автор «летучего листка» о взятии Полоцка, опубликованного А. Сапуновым (виленский листок), располагал показаниями очевидцев трехнедельной давности (!), т.е. источником, заслуживающим всяческого внимания. Он осторожно привел слух о казни некоторых пленников и утоплении всех евреев, но затем высказал свое сомнение в его правдивости²¹⁴. На переговорах в июне 1563 г. послы Сигизмунда Августа сетовали на пленение С. Довойны, Я. Глебовича и «люду христианского много», ни словом не обмолвись о каких-либо казнях. Р.Г. Скрынников считает, что «в Литве первоначально отказывались верить сообщениям о... невероятном варварстве», — имеются в виду «массовые казни». Но за три-то года уже могли бы «поверить», а на переговорах летом 1566 г. грамоты прибывших в московские пределы послов повторяют точь-в-точь те же укоризны, что и в 1563 г., вновь не помяная никаких жертв казней в Полоцке²¹⁵.

Сведения из других источников противоречит этой версии. Это, во-первых, сообщение Румянцевской летописи, составленной ненамного позднее полоцких событий, о

том, что Иван IV «простой народ побил»²¹⁶. Во-вторых, известие Левенклавия, настаивавшего на зверской жестокости царя: «...пленников...связав железными цепями (!) и угнав в Московию, других же до 40 тысяч убив, сам город сжег». Трактат Левенклавия (Levenclavius, Löwenklau, 1533—1593) «De moscovitarum bellis cornmentarius» был издан в 1571 г. в качестве приложения к известному труду С. Герберштейна о Московском государстве. Самое беглое знакомство с трактатом убеждает в ярко выраженной тенденциозности автора: Левенклавий крайне враждебен по отношению к Ивану IV. Левенклавий считал, что московский государь распространял за рубежом «семена раздора», делая все, чтобы захватить большую часть польской Ливонии, «...но не мог договориться ни с народом, ни со знатными людьми земель, на которые он претендовал». В трактате личность Ивана IV нередко выставляется в самом мрачном свете, куда чернее и кровавее, чем у самых суровых его судей. Едва ли есть основания полностью доверять сведениям трактата. К тому же из летописных известий, из «Записок о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна и других польских источников неоспоримо следует, что Иван IV города не сжигал, а напротив, занимался в нем строительством. По приказу русского монарха были возведены новые укрепления. Пожар являлся результатом действий самого полоцкого воеводы и артобстрела перед предполагавшимся штурмом замка. Это свидетельствует либо о неточности, либо о плохой осведомленности Левенклавия²¹⁷.

«Жестокая версия» с «массовыми казнями» присутствует в многочисленных летучих листках, распространявшихся противниками русского влияния в Ливонии. Их сильной стороной была образность, их слабой стороной была точность. Текст одного из подобных изданий приведен Г.В. Форстеном в его работе «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях» («Правдивое и ужасающее изве-

стие...» — 1563 г., отпечатано в Аугсбурге М. Франком), по поводу казней там говорится: «[Иван IV] город целиком и полностью сжег до основания и двадцать тысяч человек предал мучительной смерти на крючьях и виселицах»²¹⁸. Стиль и тон, в котором выдержан летучий листок, призывы обратиться к Господу Богу перед лицом «бича Божьего», «язычников», указывают на очевидный пропагандистский характер издания. По поводу пожара в Полоцке обнаруживается та же неточность, что и у Левенклавия. И, наконец, наиболее неправдоподобно изложен этот вариант у Г. Штадена: «Великий князь вызвал из города все рыцарство и воинских людей. Их таким образом разъединили, а потом убили и бросили в Двину. С евреями, которые там были, случилось то же самое, хотя они и предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа». Это известие опровергается и польскими, и русскими источниками, едиными в том, что польский гарнизон отпущен был на свободу²¹⁹.

Итак, большинство сообщений последней версии о «массовых казнях» представляются сомнительными. Но они наталкивают на соображение о многочисленных жертвах, не связанных с казнями. Вернемся к сообщению Хроники Стрыйковского. В ней сказано, что монахов-бернардинов порубили татары, хотя такого скорее можно было ожидать от озлобленных православных. Что за дело татарам до католических монахов? Видимо, никаких массовых, организованных самим царем преследований бернардинов не было, но после занятия города войска совсем не обязательно должны были сохранять порядок. Обстановка неправославных храмов могла оказаться предметом грабежа, в первую очередь производившегося татарами, для которых христианский храм не был святыней даже в самой малой степени, и, следовательно, не возникало мысли о последующем небесном воздаянии за его разгром. Тогда могли зарезать и кого-нибудь из католиче-

ского духовенства. Во взятом городе отряды победителей не церемонятся с местным населением, особенно с рядовыми людьми, которые не представляют ценности для выкупных операций. Так, в 1535 г. литовские войска, взяв русскую крепость Стародуб, устроили там страшную резню. В конце 1570-х — начале 1580-х победоносная армия Стефана Батория, захватывавшая одну русскую крепость за другой, творила такие свирепства, что Варфоломеевская ночь бледнеет перед ними. По сравнению со всем этим поведение русских войск в Полоцке можно назвать весьма милосердным...

На этом следует остановиться подробнее. Очень уж важна тема, очень уж много вокруг нее кривотолков на уровне исторической публицистики. Конечно, любые жестокости, производимые победителями над мирным населением во взятом городе, у человека, имеющего понятие о нравственности, ничего не могут вызывать, помимо отвращения. Нельзя оправдывать их. Они всегда и неизменно свидетельствуют либо о неумении, либо — еще того горше! — о нежелании командования останавливать подчиненных на пороге грабежа и убийств. Но надо понимать меру этих жестокостей. Иногда падение города сопровождается уму непостижимым кровопролитием. В подобном случае XX век говорит о «военном преступлении». Стародубская резня, например, — военное преступление польско-литовского командования в чистом виде. И даже можно назвать главного виновника — гетмана Яна Тарновского, бессовестного злодея. Случалось ли русской армии творить подобные бесчинства в XVI столетии? Да, к сожалению, такое происходило. И на страницах этой книги еще пойдет разговор о подобных мрачных страницах нашей военной истории. Но уровень насилия и жесткостей в завоеванном Полоцке 1563 г. не позволяет говорить о каком-то из ряда вон выходящем душегубстве. Не случилось ничего, превосходящего обычный уровень насилия во

взятом населенном пункте в длинной череде московско-литовских войн. И потери мирного населения от оружия победителей были, по всей видимости, невелики.

В связи с этим возникает одна неприятная коллизия. В 2004 г. вышла книга А.Л. Хорошкевич «Россия в системе международных отношений середины XVI века». Анна Леонидовна — весьма известный и опытный исследователь, однако ярко выраженная либеральная общественная позиция в данном случае сослужила ей дурную службу. В ряде случаев эта позиция заметно снижала научный уровень монографии. Так, на странице 327 А.Л. Хорошкевич сообщает, что по подсчетам современных ученых население Полоцка составляло около 10 000 человек. А на странице 329 (!) безо всякого комментария некритически приводит в пересказе белорусского историка Г. Сагановича данные одного из пропагандистских «летучих листков» о «резне горожан», особенно «женщин, девушек и детей», жертвами которой стали 20 000 человек. Далее А.Л. Хорошкевич так же некритично приводит данные итальянских и немецких источников об уничтожении 50 и даже 60 тысяч полочан русскими ратниками. Уважаемая исследовательница не обращает внимание на чудовищное несоответствие цифровых данных, пусть они и приводятся на соседних страницах. Она даже не задумывается об уровне достоверности источников, с которыми работает. Это оставляет тяжелое впечатление.

Возвращаясь от жестокостей в завоеванном городе к казням, произведенным по приказу Ивана IV, следует подчеркнуть: *казни имели место, но не были массовыми. Не в них и даже не в разнузданном поведении служилых татар, губивших католическое духовенство, заключалась главная трагедия полочан.*

Гораздо печальнее на судьбах горожан сказалось другое: многих из них подвергли ограблению и депортации из родных мест в центральные районы Московского государства.

Московские войска захватили в Полоцке богатую добычу. В этом сходятся все источники. Виленский «летучий листок», в частности, сообщает: «Взят был... большой город Полоцк с большими сокровищами в деньгах, серебре, золоте и товарах». Приписка к Псковскому летописному своду 1567 г. не менее красноречива: «А имения их (т.е. С. Довойны и А. Шишки. — Д.В.) и казны королевския и паньския, и гостины злата и серебра много на великого князя взяли». Часть захваченных богатств Иван IV отдал «бояром и воеводам», велел оставить для себя «наряд (20 пушек)... и казну королевскую»²²⁰. У горожан ценное имущество отобрали и оставили его лишь полякам. К ротмистрам и солдатам польского гарнизона, а также немецким наемникам царь отнесся милостиво. Ротмистры получили в дар собольи шубы, покрытые парчой. Старший из них, А. Верхлинский, был впоследствии обвинен воеводой Стажеховским в получении подарков от неприятеля, но сумел оправдаться. 500 солдат были с имуществом и оружием отпущены восвояси в начале 20-х чисел февраля. Более того, им выдали охранную грамоту, где, кстати говоря, Иван IV именуется, кроме всего прочего, «великим князем полоцким». На 20 верст от Полоцка их провожали трое «голов»: П. Щепин, В. Бутурлин и Ф. Салтыков²²¹.

Виленский воеводич Ян Глебович, Арсений Шишка, Станислав Довойна и его жена, а также полоцкая шляхта отправились днем ранее в Москву под охраной²²².

А вот судьба всего остального населения Полоцка не совсем ясна: согласно Александро-Невской летописи, «... мещан и з женами их, и з детми послал царь и великий князь в свою отчину к Москве и повеле же их дорогою беречи, а корм им давати доволен». Румянцевская летопись также свидетельствует о том, что в полон были уведены «простые люди с женами и детьми»; приписка к списку Оболенского Никоновской летописи сообщает только о пленении «воевод литовских». Стрыйковский

подтверждает версию Лебедевской летописи: по его мнению, в московские земли были уведены как шляхта, так и «простые мещане». То же сообщает и А. Гурницкий²²³. Но Одерборн и виленский «летучий листок» дают несколько иную версию. Автор «летучего листка» сообщает, что литовцы были отогнаны в Москву, а русские остались «на месте под стражею». Одерборн же считает, что увели и литовцев, и русских²²⁴. Откуда это странное национальное деление, что оно означает? Автор виленского «летучего листка» писал, пользуясь рассказами немецких наемников из состава гарнизона Полоцка, вернувшихся вместе с поляками. Поляки ушли на день раньше, чем полочан отправили в московские пределы²²⁵, и для них «русские», т.е. горожане нешляхетского происхождения, до самого конца были под стражей. А вот «литовцы», т.е. шляхта, убыли как раз перед отходом гарнизона. Иными словами: в данном случае «национальное» деление попросту равняется делению социальному, на шляхту и простолюдинов. Количество депортированных точно неизвестно. Немецкие «летучие листки» свидетельствуют, что из Полоцка было выслано до 60 тыс. человек. Но, по оценкам современных исследователей, все население Полоцка в XV—XVI вв. колебалось в пределах 11,5—50 тыс. человек, притом, по мнению большинства исследователей, нижний предел более правдоподобен, так что названная цифра выглядит фантастической²²⁶.

Дальнейшая история депортированных печальна: им пришлось зимой, в феврале, идти пешком до Великих Лук, откуда их, очевидно, распределили по городам²²⁷. Жертвы при этом, как видно, были немалыми. Немец-опричник Г. Штаден сообщает о последующем истреблении всех пленных полочан в связи с неудачами в войне, но это неверно: сам же Штаден затем сообщает об обмене С. Довойны на князя В. Темкина, который действительно имел место в 1567 г. Возвратился на родину и Ян Глебович, паче

чаяния ставший помощником Ивана IV в его попытках склонить на свою сторону литовских магнатов²²⁸. После переговоров 1566 г. полоцкая шляхта была частично обменена на русских пленников, а частично отдана за выкуп. Арсений Шишка также сохранил жизнь — он был отправлен вместе с видным полоцким шляхтичем Лукой Корсаком в Спасо-Каменный монастырь на Кубенское озеро²²⁹. Бесспорно, часть полочан была возвращена царем на родные земли, хотя едва ли они испытывали по отношению к государю московскому теплые чувства. Кое-кто записался в московскую службу и вошел в состав городских гарнизонов на восточных рубежах Московского государства²³⁰. Вообще говоря, депортация населения с целью закрепить и обезопасить от смут только что завоеванную территорию была излюбленным приемом московских государей²³¹. Но тысячам полочан эта мера сломала жизни, лишила собственного жилища, отдала от родных мест... Вот в чем заключалась большая трагедия древнего русского города.

В Полоцке был оставлен русский гарнизон во главе с князьями П.И. Шуйским, П.С. Серебряным и В.С. Серебряным с наказом отстроить старые укрепления и возвести новые. 27 февраля царь с основными силами армий «из Полотцка пошел к Москве»²³². Очевидно, отбыл в столицу вместе с монархом и князь Иван Шуйский, разлучившись с отцом. Петру Ивановичу оставалось жить меньше года...

Напоследок сын мог наблюдать за отцом, уверенно игравшим роль опытного военного руководителя при осаде города и участвовавшим в организации переговоров с полочанами²³³. Государь оказал ему почести: первым в сдавшийся Полоцк въехал именно Петр Иванович «с товарищи». «Дело чести» семейства Шуйских разрешилось наилучшим образом: город, который не поддавался полководцам из более ранних поколений, открыл ворота

перед князем Петром... Для людей Московского царства это была важная и многозначительная тонкость: отряд, вступающий во вражескую твердыню, возглавлял второй воевода Большого полка, а не первый (И.Д. Бельский). А потом Иван IV поставил его во главе русского гарнизона захваченной крепости и назначил полоцким наместником. Очевидно, царь высоко оценил тактическую работу П.И. Шуйского во время осады Полоцка. Сын не только мог учиться военному искусству отца. Он еще и получил основание гордиться родителем. Петр Иванович был вождем полков и по крови, и по воинскому умению. Сила древних воителей-Рюриковичей сохранялась в нем и перешла к сыну.

Завершился очередной акт жестокой военной борьбы за Полоцкую землю между двумя могущественнейшими державами Восточной Европы. Главной проигравшей стороной в этой схватке был город и его жители. Защитники Полоцка спалили посад, победители ограбили и угнали население. Так богатая, цветущая область со славной и древней столицей попала как бы между молотом и наковальней и начала принимать на себя многочисленные удары обеих сторон. Полоцкая земля была тем полем на доске многовековой партии борьбы Москвы и Литвы, которое неоднократно переходило из рук в руки и являлось желанной целью обоих противников. В результате Ливонская война стала началом заката древнего богатого Полоцка. Под гром московских, польских и литовских пушек город шел к упадку.

Взятие Полоцка стало крупнейшим событием Ливонской войны и вызвало столь сильный международный резонанс, как никакое иное столкновение в тяжком четвертьвековом противоборстве. В Вильно, Праге, Нюрнберге, Любеке, Аугсбурге и других городах Германии вышло не менее десятка информационных и пропагандистских летучих листов, посвященных полоцкой эпопее. В Импе-

рии с вниманием и тревогой следили за успехами Ивана IV на западных рубежах Московского государства. Противники влияния Москвы в этом регионе сравнивали в своих изданиях царя с «бичом Божьим» и пугали читателей легендой о серебряном гробе, якобы заранее заготовленном Иваном IV для польского короля. Напротив, сторонники добрых отношений с Москвой убеждали войти в союз с могучим государем, который сумел привести под Полоцк огромное войско. Датский король Фредерик II официально поздравил Ивана IV со взятием Полоцка²³⁴.

Польша и Литва были до крайности обеспокоены военной катастрофой под Полоцком. Сейм в Петровке был прекращен известиями о грозе на восточной границе. Сигизмунд Август немедленно сообщил Н. Радзивиллу о своем намерении со всей возможной поспешностью прибыть в Великое княжество Литовское для организации обороны. Король запретил гетману искать боя с московскими отрядами, повелев оттянуть силы для защиты Вильно. Одерборн писал, что в то время «...польский король был сражен страшной скорбью...»²³⁵.

Падение Полоцка можно оценивать и как фактор, немало приблизивший Люблинскую унию 1569 г. Из-под Полоцка несколько тысяч татар было отправлено царем для операций на Виленской дороге. В «летучих листках» их численность страшно преувеличена — по Литве бродило татарское полчище, численность которого в несколько раз превосходила все татарские отряды грозненской армии вместе взятые...²³⁶

Не имея сил противостоять натиску русской армии, литовцы послали своего представителя Павла Бережковского в московский лагерь под Полоцком для переговоров. Он явился уже к 21 февраля. И царь согласился заключить перемирие, «...войну уняти велел и от Полотцка в дальние места поход отложил»²³⁷. Но — до поры до времени.

Середина — конец 1560-х гг. были временем ожесточенного противоборства на Белорусском театре военных действий, чрезвычайно тяжелого и для Московского государства, и для Литвы. Сознавая непрочность перемирия, Сигизмунд Август вынужден был пойти на уступки литовско-белорусской православной шляхте, уравнив ее жалованной грамотой от 7 июня 1563 г. в правах со шляхтой католической. Это произошло непосредственно под впечатлением от падения Полоцка... И этого никогда бы не случилось, если бы польский монарх не понимал, что у него нет иного средства сплотить все наличные силы для «предстоящей войны» против Ивана IV²³⁸. Объединение военных сил подталкивало к политическому объединению.

Известный российский историк Р.Г. Скрынников отмечает: «Овладение Полоцком было моментом высшего успеха России в Ливонской войне, а затем начался спад, ознаменовавшийся военными неудачами и бесплодными переговорами»²³⁹. В середине 1570-х гг. московским войскам вновь удастся одержать в Ливонии ряд внушительных побед — они напрямую связаны с именем князя И.П. Шуйского. Но достигнуть столь же блестящего успеха, как под Полоцком, тогда не получилось. Без малого столетию суждено было пройти после «полоцкого взятия», прежде чем русскому оружию дались столь же значительные достижения в наступательных операциях. Полоцк стал предельным рубежом для расширения русских границ, — почти непрерывного со времен Ивана III.

Не менее важным оказалось овладение Полоцком и с точки зрения официальной идеологии: возвращение «вотчины», права на которую были заявлены еще при деде Ивана IV²⁴⁰, акт восстановления православия и укрепление международного авторитета России. Весть о полоцком взятии облетела всё Московское государство: князь М.Т. Черкасский и Ф.А. Басманов были отправлены из-под

Полоцка гонцами к митрополиту Макарию, царице Марии, царевичам Ивану и Федору, брату Ивана IV Юрию Васильевичу и жене Андрея Старицкого Евфросинии. К Новгородскому архиепископу Пимену, наместнику князю Ф. Куракину, дьякам и купцам, а также в Юрьев и Псков поехал М.А. Безнин. Князю П.И. Шуйскому велено было отправить гонцов с известием о «полоцком взятии» в Феллин, Раковор, Ругодив и «во все немецкие города». Царь указал «пети молебны з звоном, и по монастырем и по церквей звонити»²⁴¹. Сообщения о взятии Полоцка вошли во множество летописей, в том числе и краткие летописцы²⁴².

Казалось бы, остановись государь Московский на этом, закрепи он полученное за собою, не предаваясь мечтам о большем, и не случилось бы в будущем позора последних лет Ливонской войны — Вендена, Торопца и Великих Лук... Но его манила мысль овладеть всей Ливонией, а заодно и «литовской Русью». В отдаленной перспективе это могло бы сбыться. Однако в 1560-х — 1570-х гг. достаточно скромный экономический и демографический потенциал России делал эти масштабные задачи невыполнимыми. И упрямое стремление во что бы то ни стало наступать в Ливонии привело к печальным результатам. Огромные силы оказались брошены в этот гигантский костер и сгорели в нем безвозвратно, не принеся стране никаких приобретений.

Впрочем, быть может, в продолжении бесконечной войны на литовско-ливонском фронте виноват не столько неуместный гигантизм» планов Ивана IV, сколько социальная структура старомосковского общества. Основную боевую силу московской армии составляли мелкие и средние служилые землевладельцы. Их земельный «оклад», как правило, отнюдь не реализовывался в действительных «дачах»²⁴³, а постоянная военная служба оставляла очень немного времени для занятий хозяйством. В результате

война становилась если не основным, то очень серьезным источником дохода. Источником, хотелось бы подчеркнуть, насущно необходимым. Звучит парадоксально, однако средний служилый класс Московского государства был заинтересован в ведении постоянных войн, что совпадало с устремлениями центральной власти. Громадная полuirрегулярная военная машина кормила себя войной и постоянно усиливалась, дабы побеждать в войнах. Постоянное усиление требовало потока средств, добываемых... опять-таки в войнах. И лишь крайнее разорение помещичьих хозяйств к концу 1570-х — началу 1580-х гг. привело главную силу русского войска, дворянское ополчение, в упадок. Помещики уже не стремились на войну, скрывались от воинских смотров «в нетях».

До 1563 г., до взятия Полоцка, эскалация военных усилий была возможна при напряжении всех сил страны, так как компенсировалась военными успехами. Признаки серьезного неблагополучия на театре военных действий в Ливонии и Белоруссии — Невель (1562), Ула (1564) — мощно повлияли на решение царя ввести чрезвычайную организацию военного времени — опричнину (1565). Одной из главных задач опричнины стало превращение страны в единый военный лагерь, переход от «напряжения всех сил» к временному сверхнапряжению²⁴⁴. И автор этих строк склонен считать, что внешнеполитический, военный фактор сыграл не менее, а возможно и более серьезную роль в переходе к тому причудливому эксперименту, каким являлась опричнина, нежели вся совокупность внутренних факторов... Но в результате «сверхнапряжение» обернулось перенапряжением материальных и человеческих ресурсов России, вызвало острый социальный и экономический кризис, а поставленных задач не решило. Итог: страшные поражения 1571 и 1579—1580 гг. Русские военные гении — князя М.И. Воротынский, Д.И. Хворостинин и И.П. Шуйский — невероятными усилиями спасли тогда Россию от военной

катастрофы. Милостив к нам Бог: в ту пору страна могла потерять намного больше. Для русской истории период, последовавший как раз после взятия Полоцка, — переломный, и полоцкие события можно безоговорочно признать его нижним временным пределом.

Глава 6. ЮЖНЫЙ ФРОНТ

В середине 1560-х князя Ивана, уже понюхавшего пороха, начинают «разряжать» на второстепенные воеводские службы.

Так, осенью на юге появилась большая рать крымцев. Под Болховом против них проводилась оборонительная операция, вооруженные силы России крупными массами стягивались к степным рубежам. И князя И.П. Шуйского вместе с Ф. Карповым отправили во главе небольшого отряда к Серпухову, на поддержку тамошним воеводам — его родичу князю И.А. Шуйскому и князю А.И. Прозоровскому²⁴⁵. Не очень понятна роль Ивана Петровича в боевых действиях под Болховом: то ли он сменил серпуховских воевод, которые отправились полковыми воеводами отражать татар, то ли влился в их отряд и под их началом отправился к Болхову.

Весной 1566 г. И.П. Шуйский оказывается среди знатных людей, давших перед царем поручительство за боярина И.П. Федорова-Челяднина, что он не уйдет на службу к удельному князю или иностранному государю²⁴⁶. Летом того же года молодой князь Иван участвует в Земском соборе как государев дворянин «первой статьи»²⁴⁷. Он выходит из юного возраста и начинает принимать участие в жизни Государева двора наравне с выходцами из иных аристократических родов. Но это еще не служба — это действие в составе больших групп, где Иван Петрович не имеет сколько-нибудь заметного веса.

А в конце 1568 или начале 1569 года он уже назначается на воеводство в Донков, одну из небольших крепостей на юге России. Первым воеводой Донкова князь И.П. Шуйский пробудет долго: как минимум до конца лета 1569-го, а может быть, и до весенних месяцев 1570-го. Вторым воеводой у него был князь И.М. Канбаров, а затем Ф.В. Шереметев²⁴⁸. Не ранее осени 1569 г. из Москвы пришла смена: воевода князь И.И. Тростенский и голова В.П. Измайлов²⁴⁹.

Должность, можно сказать, знаковая. Приглядевшись к тому, куда именно отправили Ивана Петровича, можно многое понять в его судьбе.

Донков — страшное место.

Крепость у верховьев Дона, к северо-востоку от Ельца. Сама эта местность, южная Рязанщина, в XVI столетии являлась самой разоряемой на всей Московской Руси. Сюда ногайцы и крымские татары наведывались с устрашающей регулярностью. За несколько десятилетий до назначения И.П. Шуйского в этих местах был богатый город с пристанью, от которой начиналось судоходство по Дону. Так вот, он запустел от татарского разорения. На долгое время Россия утратила тут свой опорный пункт. Лишь незадолго до отправки Ивана Петровича на воеводство здесь поставили новую крепость²⁵⁰. Можно сказать, Шуйский въехал в форт, еще благоухающий свежесрубленной древесиной...

Шуйский оказался на переднем краю русской обороны. Это отнюдь не синекура для богатого и влиятельного аристократа. Служба в Донкове обещала большие испытания, славу военачальника, первым сталкивающегося с опасным врагом, и множество прекрасных возможностей сложить голову.

Иван Петрович должен был уничтожать малые шайки татар и тщательно следить за действиями каждой «сторожи» — дозорного отряда, углубляющегося далеко в степь.

От донковского воеводы требовалось, получив известие о нападении татар, — неважно, от загнавшего коня ратника «сторожи», или же просто увидев дымный столб далеко на юге, — немедленно отправить гонца «государевым большим воеводам», стоящим на Оке. После этого он обязан был «затвориться» со всем населением, стрельцами, казаками и дворянами. А «государевы большие воеводы» каждый год, невзирая на погоду, состояние государственных финансов и ход боевых действий на других границах, выходили на Оку с великими полками московскими, как тогда говорили, «в силе тяжкой». Они могли успеть к Шуйскому на помощь, а могли и не успеть. И тогда он оказывался один на один с целой ордой, явившейся за «живым товаром» для рабских рынков. Притом глава русской оборонительной армии мог решить, что контрудар в южном направлении — слишком рискованный ход, и надежнее будет пожертвовать маленьким Донковым ради удержания стратегически важного Окского рубежа...

В некоторых случаях из небольших гарнизонов «украинных», т.е. пограничных, крепостей «по крымским вестям» составлялась небольшая самостоятельная рать на три полка. Она могла, собравшись воедино, отразить набег, — если только на русские земли шел не сам хан со всеми силами. Когда командование считало необходимым собрать «украинных воевод», то сходились вместе гарнизоны Донкова, Мценска, Дедилова, Новосиля и Орла. В ту пору на юге России мог оказаться небольшой корпус опричных сил, и тогда «украинная рать» объединялась с ним. В боевом расписании 7078 (1569/1570) г. первенствующим воеводой для подобной сборной трехполковой армии назначен командир донковского гарнизона князь И.П. Шуйский²⁵¹.

В августе — сентябре 1569 г. разразилась гроза на южных рубежах Московского государства. Под Рыльском и в районе Путивля русские дозорные отряды наткнулись на

крупные силы татар и вступили с ними в бой. «Сторожи» понесли потери. Но Москва узнала о готовящемся нападении и принялась собирать большую оборонительную армию, а заодно и концентрировать отряды «украинных воевод». Разведчики князя И.П. Шуйского обнаружили тридцатитысячное войско крымцев²⁵². 12 сентября орда в 6000 или 7000 татар совершила нападение на посад Новосиля и «стояли» там день, но острог то ли не взяли, то ли просто не решились на приступ. Там неприятель потерял семь человек пленниками. Эти «языки» сказали «в роспросе», что готовится большое вторжение²⁵³.

Новых масштабных боевых действий не произошло, лишь на рязанские места несколько позже был совершен набег. Через год, осенью, тревога на степном юге возобновилась и государь вышел «для прямого дела» с основными силами русской армии. Слава Богу, опять на юге обошлось незначительными стычками. Однако тревога не утихала, ждали неприятеля «в силе тяжкой».

Все всё понимали: куда отправляется сын прославленного отца и отпрыск вельможного рода, до какой степени опасной является его новая должность... и все-таки его послали туда. Отношение к службе военно-политической элиты того времени разительно отличалось от воззрений на служебную долг нашей современной элиты. Отправился бы сын министра или олигарха в должности, скажем, комбата или комполка воевать в Чечню, когда там шли ожесточенные бои? Вот уж вряд ли. А тогда это было нормальным делом. Россия очень долго вела с осколками Золотой Орды смертельно опасную дуэль. Это было противоборство беспощадное и немилосердное. Но не вести его означало — отказаться от собственной государственности, от независимости, да от свободы по большому счету.

Угон татарами полоня принимал чудовищные масштабы, пока не была налажена качественная оборона русского

юга, о которую воинственные пришельцы обламывали зубы. В случае прорыва этой обороны на рабовладельческие рынки доставлялись тысячи и десятки тысяч русских рабов для продажи по всему Средиземноморью — в Константинополь, в Египет, даже в сердцевины Африки. На протяжении нескольких веков наши предки были «русской слоновой костью» для тамошних воротил-работорговцев. Россия с оборонительными задачами справлялась наилучшим образом, хотя на это ежегодно уходили колоссальные людские и финансовые ресурсы. Неплохо построили оборону своих южных областей и поляки. А вот Великое княжество Литовское оказалось неспособно как следует защитить себя. И татарские отряды прорывались из Крыма аж до Северной Белоруссии... Очень хорошо, что при Иване IV была уничтожена независимость Казанского, а затем и Астраханского ханств, иначе бог весть как долго нашему народу пришлось бы расплачиваться за экономическое процветание восточных соседей «русской слоновой костью». Еще того лучше, что при Екатерине II наконец-то было раздавлено осиное гнездо Крымского ханства. Страна не могла нормально развиваться, имея под боком постоянные источники военной опасности. В современной популярной литературе многовато разговоров о «процветающем сельском хозяйстве», «высокой оригинальной культуре» Крымского ханства и т.п. Вот только слова «рассадник массового рабовладения» почему-то забывают добавить...

Последний набег крымцев на земли России был осуществлен *в середине XVIII столетия*. А до того, на протяжении двух с половиной веков, над южнорусскими землями дамокловым мечом висела угроза очередного набега. Всё наше государство из-за этого приобрело милитаризированный вид. Иного выхода не было. Либо стать страной воинов, либо стать страной рабов...

Поэтому любой служилый аристократ при дворе московского государя отлично понимал: *надо драться на*

юге. И если придется голову свою ставить на кон, что ж, и головы жалеть не стоит. Тех, кто побежал, удерживая позиции на юге от натиска крымцев (как, например, Федор Шереметев), помнили долго.

Так что у многих отпрысков княжеских и боярских фамилий армейская карьера начиналась с неудобного и опасного назначения крепостным воеводой на юге. Некоторые аристократические семейства были от сей угрозы избавлены. Так, князь Иван Дмитриевич Бельский (будучи еще молодым человеком) начал воинскую карьеру с командования государевым полком, а уже второй его пост был — руководство самостоятельным полевым соединением, т.е. целой армией. С тех пор он ничем ниже армии не командовал²⁵⁴. Его не посылали куда-нибудь в Донков, Деделов, Шацк или, скажем, Пронск. Но он заметно превосходил князя Ивана Петровича в знатности... Ничем ниже государева полка не командовал князь Иван Федорович Мстиславский — другой великий русский полководец того времени. Он также был знатнее Ивана Петровича Шуйского, хотя и не намного. Но воеводой тульским и пронским даже этот «столп царства» побывал. Мстиславские и Бельские стояли первыми в списках бояр середины XVI в. Князь Семен Иванович Микулинский по молодости честно сидел вторым воеводой в Туле и воеводой «за городом» на Рязани. Боярин Алексей Данилович Адашев воеводствовал в Елатье²⁵⁵. И в такой же маленькой новой крепостице на пути у хищной степной конницы, как и Донков, начиналась карьера великого Дмитрия Хворостинина — настоящей военной звезды России. Хворостинин принял Шацк. Два маршрута славных русских воевод XVI в. — Шуйского и Хворостинина — на первых порах имеют немало сходства. Школа военачальника по нормам, принятым в Московском государстве, включала в себя тяготы «армейской лямки» на нижних уровнях военной иерархии. «Пуская

его потужит»... Почти для всех. В том числе и для весьма родовитых персон.

Но только на первых порах...

Только в молодости.

Князь Шуйский по рождению своему мог претендовать на то, что князь Хворостинин должен был вырывать у судьбы долгой, честной, отважной службой. Один из них входил в узенький слой высшей русской аристократии, те несколько десятков родов, которые имели право занимать лучшие военные, административные и придворные должности в Московском государстве. Другой по крови чуть-чуть не дотягивал до высшего уровня знатности. Эта дистанция, на первый взгляд незначительная, сыграла в судьбе двух блистательных «командармов» ключевую роль.

Карьера князя И.П. Шуйского была далеко не столь головокружительной, как у князей И.Д. Бельского и И.Ф. Мстиславского, но она совершалась намного быстрее, чем у А.Д. Басманова-Плещеева и князя Д.И. Хворостинина.

Кровь значила больше, чем талант и тактический опыт.

В начале 1565 г. Иван IV учредил опричнину: выделил под свое прямое, непосредственное и ничем не ограниченное управление значительную часть территории России, а затем сформировал новый «двор» для себя и новую администрацию для всех этих земель. Автор этих строк рассматривает опричнину как военно-административную реформу, притом реформу не слишком обоснованную и в итоге неудавшуюся²⁵⁶. Она была вызвана общей сложностью военного и административного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для

того, чтобы упростить систему управления²⁵⁷, сделать его полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным ее направлением. Когда начали формировать этот самый «офицерский корпус», туда брали в основном выходцев из нетитулованной старомосковской знати — боярских родов Плещеевых, Колычевых, Волынских; добавили к ним изрядное количество представителей второстепенной княжеской знати — Хворостининых, Охлябинных и т.п., а затем впрыснули небольшое количество «худородных» дворян, облагодетельствованных лично монархом. На протяжении первых пяти лет в Боярскую думу опричнины и в опричные воеводы старательно не пускали высших аристократов — родовитых княжат. То есть тех же Шуйских, Бельских, Мстиславских, Голицыных, Трубецких, Хованских, Пронских, Одоевских. Казалось бы, открылся важный «социальный лифт», пойдет в гору карьера незнатных, но талантливых людей.

Но...

Опричнина стала нарушением сложившегося порядка вещей, и она сошла на нет, не принеся добра, мало выведя к вершинам военной иерархии достойных и одаренных персон. Больше возвысилось незамысловатых «карателей». Того же князя Д.И. Хворостинина, по-настоящему даровитого воеводу, она «подкинула» не столь уж высоко. Последние два с лишним года существования опричнины туда уже брали самое знатное княжье: в прежних соратниках Иван IV разочаровался и многих казнил.

После исчезновения опричнины для людей, не связанных со знатнейшими родами, уменьшилась возможность обходить глыбу высшей аристократии. Немногих царь

мог приблизить к себе и дать высокий чин, если они происходили не то чтобы из «худородных людишек», а хотя бы из «аристократии второго ранга» — вроде тех же князей Хворостининых, Охлябининных, Телятевских, дворян из рода Нащокиных или же представителей знатных, но «захудалых» боярских семейств Москвы.

У Хворостинина, несмотря на его очевидный воинский талант и не менее очевидные боевые заслуги, служба на вторых ролях могла тянуться десятилетиями. Шуйский достиг высоких чинов почти сразу. Таков был обычай того времени: знатнейшему человеку давали понюхать пороху на должности в свите, сопровождавшей государя во время больших походов, — например, рынды (телохранителя-оруженосца), поддатни (помощник рынды) или иного свитского человека; затем выдерживали недолгое время в простых воеводских чинах, чтобы он мог примерить на себя тяготы военной работы, и если армейская карьера манила его, то дальше он получал только первостепенно важные посты.

Так было и в судьбе Ивана Петровича.

Для карьеры ему не понадобилась опричнина. Князья Шуйские прекрасно чувствовали себя и в земщине. Правда, один из них, князь Иван Андреевич, решил упрочить положение рода, женив сына Дмитрия на дочери Малюты Скуратова — большого царского любимца, пономаря в опричном «Слободском ордене». Под занавес опричнины (фактически в последние ее месяцы) и сам Иван Андреевич оказался в числе опричных бояр. Но всё остальное семейство Шуйских оставалось в земщине. Возможно, тут сыграла роль своего рода лукавая предусмотрительность. В иные годы опасность представляла опричнина, и пребывание вне ее могло привести к потере статуса; в другие же становилось опасно оказаться *внутри* опричнины. Так вот, Шуйские, как видно, решили сохранить семейство при любых обстоятельствах: если одна ветвь его

будет истреблена или попадет в опалу, то другая сохранит жизнь, власть, влияние... Род так или иначе выживет и продолжится.

Карьера князя Ивана *как земского воеводы* развивалась успешно: в большой царской рати, весной 1571 г. выставленной против крымцев, ему доверили командование полком Левой руки. Это уже весьма заметное назначение.

Однако вся судьба оборонительной операции сложилась печально. Татары прорвались к Москве: им показали выгодный обходной путь изменники. Царское войско обнаружило противника под самым носом и, теряя порядок, быстро отступило к столице. Царь со значительной частью опричного корпуса ушел еще дальше, к Ростову, не оставшись защищать город. 23 марта русские полки успели занять позиции прямо на улицах Москвы, сочтя их, как видно, превосходным укрепленным рубежом. Общая координация действиями оборонительных сил была до крайности затруднена: тремя земскими полками (Большим, Передовым и Правой руки) командовали князья И.Д. Бельский, И.Ф. Мстиславский, М.И. Воротынский, а у двух опричных был свой, недавно назначенный и до крайности неопытный начальник — князь В.И. Темкин-Ростовский. Еще два земских полка — Сторожевой и Левой руки (который возглавлял князь И.П. Шуйский) то ли вывели в резерв, то ли отправили охранять царя. Первые столкновения с татарами окончились в пользу русских ратников. Но затем крымцы подожгли Москву, и ветер разнес пожар по всему городу. Земский главнокомандующий князь И.Д. Бельский, получив ранение, отправился к себе на двор и там задохнулся от жара. Тогда же погиб боярин М.И. Вороной, множество дворян и простых бойцов. Колоссальные потери понесло мирное население города. Пограбив пожарище и окрестности, крымский хан Девлет-Гирей пошел со своими людьми назад. Его потрепал полк

князя М.И. Воротынского, но, вероятно, у воеводы было слишком мало людей, чтобы дать серьезный бой.

Русская армия, выдвинутая для обороны юга, к маю 1571 г. отобилизовала 8 полков: 5 земских, 2 опричных и «государев полк» (он же государев «опричный двор»). После московской катастрофы в качестве боевого заслона к Серпухову русское командование смогло отправить только три полка и только земских по составу: два опричных, как видно, полностью погибли, сражась с крымцами и умирая в огненном океане. Их неудачливого командира князя Темкина впоследствии казнили. Монаршая опричная резиденция, которую охранял Темкин, исчезла в пламени. А земских ратников для формирования пяти полков просто не хватило. Это ясно показывает масштабы поражения...

Стоит присмотреться к воеводам этого самого «заслона». Их список о многом говорит. Большой полк: князь И.А. Шуйский, И.М. Морозов Большой; Передовой полк: князя В.Ю. Булгаков-Голицын и Г.И. Долгорукий Чорт; Сторожевой полк — князь И.П. Шуйский и И.Г. Лошаков-Колычев²⁵⁸. Кто они? Изо всего командного состава огромной оборонительной армии, отстаивавшей Москву, только двое назначены в «заслон»: князя Иван Андреевич и Иван Петрович Шуйские. Куда исчезли остальные? Бельский, как уже говорилось, сложил голову. Князь И.Ф. Мстиславский, судя по косвенным свидетельствам источников, побывав в огненном аду, на время утратил боеспособность и даже подпал у царя под подозрение, князь М.И. Воротынский и его второй воевода князь П.И. Татев, вероятно, просто находились на пределе усталости, после того, как погнались за уходящими татарами, о судьбе князя Темкина уже было сказано. Что же касается остальных воевод, то они выжили, но к боевому выходу на юг допущены не были. Почему? Возможно, получили ранения. Но скорее Иван IV просто отправил к Серпухову только тех, кому он

безусловно доверял. А из прежнего воеводского списка их оказалось лишь двое — князья Шуйские... Притом Иван Андреевич в опричнину к тому времени еще не вошел.

Вот парадокс: строя опричнину, царь под занавес ее существования в ответственном деле мог опереться большей частью на родовитых земских воевод. На «принцев крови», на сыновей двух крупнейших деятелей, процветавших во времена «боярского правления».

Для того чтобы вести своих людей под Серпухов, князю требовалось тогда страшное напряжение воли: в горящей столице погиб его младший брат Никита...

В августе 1572 г. вооруженные силы России проводили большую оборонительную операцию против того же Девлет-Гирея, окончившуюся поражением татар у Молодей. Тогда Шуйский вновь был поставлен во главе Сторожевого полка. Весь полк насчитывал 2063 бойца — «детей боярских и казаков с пишальми». В прямом и непосредственном подчинении у Ивана Петровича находилось около 960 человек — примерно столько же, сколько было и у Хворостинина в те дни...²⁵⁹ С той лишь разницей, что Шуйский получил под команду такой отряд всего-то после пяти-шести лет службы в воеводских чинах, а Хворостинин начинал службу шацким воеводой еще в далеком 1558-м.

Но у высокого аристократа Ивана Петровича были свои проблемы. Первым воеводой полка правой руки царь назначил князя Никиту Романовича Одоевского — видного полководца, опричного боярина и весьма богатого землевладельца. К тому же знатного Рюриковича — потомка черниговских князей. Тем не менее князь И.П. Шуйский счел несправедливым, что под командование Одоевского отдали полк равной руки, а ему самому вновь достался Сторожевой. Надо понимать обычаи того времени: Сторожевой полк считался «честью ниже», чем Правая рука.

А в вопросах родовой чести наша знать была бесконечно щепетильной.

Если более высокую должность давали равному по системе «местнических счетов», т.е. столь же знатному человеку, следовало отметить свое равенство, иначе в будущем оно «по прецеденту» превратилось бы в неравенство. Тем более требовалось «бить челом» и не принимать служебных списков, если должностью обходил менее родовитый человек. Это вовсе не причуда и не проявление спеси. Родовая честь была одна — на всё семейство. Если любой — следует подчеркнуть: *любой* представитель этого семейства хотя бы в малом поступался ею, то «потерьку» ощущала вся фамилия на несколько поколений вперед. И какой-нибудь юный отпрыск рода лет через восемьдесят крыл бы на чем свет стоит отдаленного, давно умершего родича, поскольку его простодушие в вопросах чести привело к унижению потомка, а то и вовсе закрыло ему дорогу к высоким чинам. Для служилого аристократа лучше было попасть в опалу, уйти в монастырь, лишиться выгодного назначения, если альтернативой становилась утрата частички родовой чести. Ведь позор и презрение родни — прижизненное и посмертное — не отпустили бы его ни при каких обстоятельствах.

Итак, «...князь Иван Шуйский бил челом государю о местех на князь Микиту Адуевсково, и государь велел челобитье ево записать; и челобитье ево записано»²⁶⁰. По тем временам это могло считаться серьезным успехом. Протест Шуйского был официально зафиксирован и, следовательно, царь счел его в какой-то степени основательным. Позднее, во время другого местнического разбирательства, И.П. Шуйский имел основания заявить, что государь велел ему с Одоевским в том походе «быти без мест»²⁶¹. Иначе говоря, «прецедент» не засчитывался... Значит, впоследствии Шуйские, оказавшись в состоянии очередной местнической тяжбы с Одоевскими или их мно-

гочисленными родственниками, могли бы дискредитировать ссылку на ситуацию, когда Иван Петрович оказался на воеводстве «честью ниже» Никиты Романовича. Вот и современный исследователь местничества Ю.М. Эскин пишет: «Решение [царя] можно вполне трактовать в пользу Шуйского»²⁶².

Десять лет спустя боярская комиссия, разбираясь со степенями знатности Шуйских и Одоевских, пришла к выводу: «По родству и щету боярин князь Иван Петрович Шуйской менши князя Никиты Романовича Одоевского, а сына его князь Михайлы Никитича Одоевского — больше. А по лестнице в родстве князь Иван Петрович таков, каков князь Иванов Андреевича Шуйского [сын] князь Дмитрий»²⁶³. Поражение? Но к тому времени князя Н.Р. Одоевского давно не было в живых.

Главными местническими противниками Ивана Петровича оказались Рюриковичи-Одоевские и Гедиминовичи-Голицыны. Тяжбы с ними не останавливались на первом «раунде», всякий раз требовалось быть готовым к возобновлению борьбы. Князь Иван знал это и неизменно проявлял необходимое упорство, отстаивая честь фамилии. Потомкам его упрекнуть не в чем.

Возвращаясь к событиям 1572 г.: стояло жаркое лето, русская армия встретила лицом к лицу со всеми силами Крымского ханства, получившими подмогу от турок (отряд янычаров с «огненным боем»), ногайцев и северокавказских народов. После прошлогоднего разгрома сил для отпора явно не хватало. Зато командование подобралось «звездное». Во главе армии встал опытный князь М.И. Воротынский, одним из воевод ее был князь Д.И. Хворостинин, да и сам Шуйский уже отведал вооруженной борьбы с татарами.

Недавний местник должен был первым столкнуться с крымцами. Его полк принял бой у Сенькина брода, имея за спиной основных сил армии. Остановить напор

превосходящих сил противника Иван Петрович не смог. Однако воевода сумел увести полк из-под удара и впоследствии присоединился к боевому ядру московских войск. Избегнув разгрома в безнадежном лобовом бою на Оке, Шуйский сберег своих ратников для решающего сражения. А оно произошло весьма скоро и потребовало всех наличных сил маленькой рати Воротынского.

Главная битва произошла на Молодях. Полк Левой руки и отряд немецких наемников стали гарнизоном «гуляй-города» — мобильного деревянного укрепления из щитов, установленных на возах. Большой, Сторожевой, Передовой полки и Правая рука контратаковали татар, пытавшихся взять «гуляй-город» штурмом. Видимо, время от времени Большой полк сменял в «гуляй-городе» утомленных бойцов полка Левой руки. А несколько тысяч стрельцов, встав за рекой, попытались сдержать атакующих залпами из пищалей, но были опрокинуты. 30 августа целый день фронтальных штурмов не принес успеха татарам, они с большими потерями откатывались. Второй и третий день стояния на Молодях также не принес им успеха, да и нападения производились без прежнего напора, меньшими силами.

На четвертый день, 2 августа, Девлет-Гирей опять штурмовал «гуляй-город» всей мощью своей армии: «Татаровя пришли к гуляю и изымалися у города стену²⁶⁴ руками; и тут многих татар побили и руки пообсекли безчисленно много», — бесстрастно зафиксировано в отчете о сражении²⁶⁵. Крымцы продолжали лезть на стены, хотя бы и по трупам. Однако Воротынский зашел к хану в тыл с Большим полком, ударил и привел неприятеля в замешательство. Тогда же Хворостинин нанес еще один удар — с оборонительной позиции. Враг был опрокинут.

Шуйский провел те дни в боях, он по должности своей оказался одним из ключевых русских военачальников. От стойкости его полка в значительной степени зависела

судьба всего сражения. То ли 1-го, то ли 2 августа 1572 г. на его долю пришелся серьезный успех. Именно бойцы его полка взяли тогда в плен лучшего татарского полководца — Дивей-мурзу. Суздальский «сын боярский»²⁶⁶ Алалыкин захватил его, когда уставший от неудачных атак ханский вельможа неосмотрительно сунулся с рекогносцировкой к самым русским позициям и упал с коня²⁶⁷.

Ивану Петровичу за несколько суток Молодинской битвы смерть многое множество раз заглядывала в глаза. Волна за волной татары накатывали на «гуляй-город», их встречали свинцом, ядрами и саблями, но они бились с чудовищным упорством. Получив по флангам удары конных полков, крымцы отходили прочь, устилая поле трупами. Армия Воротынского стояла непоколебимо. Погиб ногайский предводитель Теребердей-мурза и внук самого крымского хана. В плену, помимо Дивей-мурзы, оказались также некий «астраханский царевич», несколько мурз и трое «ширинских князей». Но помимо тяжелых боевых действий, на долю Шуйского, как и всего русского войска, выпали тяготы иного рода. После первого дня боев воинство Девлет-Гирея зализывало раны, не решаясь опять ударить на русские порядки. Тут и там вспыхивали отдельные стычки. Татары надеялись вызвать русских на безрассудный прорыв: в лагере Воротынского начался голод и конский падеж, не хватало воды. Пленный Дивей-мурза высокомерно издевался над русскими военачальниками: «Если бы крымский царь был взят в плен вместо меня, я освободил бы его, а вас, мужиков, всех согнал бы пленниками в Крым!.. Я выморил бы вас голодом в вашем “гуляй-городе” за 5—6 дней»²⁶⁸. Обоз был брошен Воротынским, поскольку его армии пришлось быстро маневрировать до начала сражения. Отпустить полки с Молодинской позиции по соседним деревням на фуражировку и за пищей не представлялось возможным: нельзя было распылять силы,

их и без того имелось совсем немного. Приходилось резать боевых коней и питаться их мясом... Михаил Иванович твердо придерживался оборонительной тактики. В атаках на «гуляй-город» татары понемногу растрачивали численное превосходство, а открытое сражение сразу поставило бы московских воевод в проигрышную ситуацию.

Многодневная битва на Молодях оказалась в значительной степени «войной нервов». Крымцы не отказывались от устрашающей, но очень дорогостоящей тактики таранных ударов по «гуляй-городу». Русские стояли насмерть, не поддаваясь соблазну общего контрнаступления. В сущности, одной из сторон надо было «перестоять» другую.

Перестояли наши.

Ночью со 2 на 3 августа Девлет-Гирей отступил. Он потерял слишком многих бойцов. К тому же русское командование организовало для крымского хана дезинформацию: он получил ложные сведения, согласно которым к Воротынскому подходили свежие полки из Новгорода. В таких условиях Девлет-Гирей отказался от дальнейшей борьбы с Воротынским. Русская армия двинулась за крымцами и уничтожила два крупных отряда, оставленных для прикрытия отступающей армии. Победа была полная, Москва могла вздохнуть спокойно.

Что произошло в судьбе князя Ивана? Он дважды подвергся самому серьезному испытанию на прочность из всех возможных. Он дрался в двух баталиях, где не о чести и не о добыче приходилось думать, а только о сохранении жизни. Враг смертельный, беспощадный, настроенный на уничтожение русских полков, отчасти преуспевший в этом, бился против ратников Шуйского, против него самого глаза в глаза. Князь сделал всё, что требовал от него воинский долг. После двух таких встрясок Иван Петрович должен был считаться человеком отважным и сведущим в военных делах.

В 1570-х годах ему жалуют чин боярина. А.А. Зимин считал, что высший думный чин князю Ивану дали в сентябре 1572 г., но тут же делал оговорку: другие данные говорят о 1576/77 г.²⁶⁹ Воинские разряды сообщают на этот счет следующее: в августе 1573 г. Ивана Петровича еще не называют боярином, весной 1576 г. его уже именуют с этим чином²⁷⁰. А в январе 1574 г. Иван IV, допрашивая русского пленника, вышедшего из Крыма, задал вопрос: «Кто ж [из?] бояр наших нам изменяют: Василей Умой, князь Борис Тулупов, Мстисловский, князь Федор Трубецкой, князь Иван Шуйской, Пронские, Хованские, Шереметевы, Хворостинины, Микита Романов, князь Борис Серебряной, ис тех нам хто изменяет ли, скажи про то имянно»²⁷¹. Никакого «изменного дела» на князя И.П. Шуйского не завели, значит, царь в его верности не усомнился. Важнее в данном случае другое: Иван Петрович включен в реестр «бояр», следовательно, к началу 1574 г. боярином он уже стал (не все персоны, перечисленные в вопросе царя, были к тому времени боярами, но думные чины имели, а Шуйскому, по знатности, дали бы боярство сразу, без пребывания в окольничих). Выходит, боярство государь Иван Васильевич пожаловал князю Ивану скорее всего во второй половине 1573 г.

Незадолго до отправки во Псков или сразу после нее...

Глава 7. В БИТВАХ ЗА ЛИВонию

После взятия Полоцка русское наступление на западных рубежах остановилось. Победы первых лет войны не получили достойного продолжения.

Отчасти крымская угроза была тому виной. Стратегия, допускавшая ведение масштабных войн одновременно на севере и на юге, не учитывала ограниченные возможности страны. Московское государство располагало не столь уж

значительным демографическим ресурсом. Кровавополитные боевые действия на литовско-ливонском театре военных действий, два тяжелейших столкновения с Крымом, сожжение Москвы — всё это не лучшим образом сказывалось на боеспособности вооруженных сил России.

Но в середине 1570-х годов Русское царство еще могло вести активные наступательные операции. Военно-экономический потенциал его далеко не был исчерпан к тому времени. Иван Грозный пытается изменить ситуацию на Ливонском фронте личным участием в походах.

Так, в конце 1572 г. (полюдние остатки опричнины к тому времени уже расформированы) царь идет с большой армией под Пайду (Вейссенштайн или Виттенштайн). Прежде русские корпуса уже подходили к Пайде и пытались захватить ее, но были вынуждены отойти: превосходные укрепления и значительный гарнизон делали Пайду неприступной. Зимой 1572/73 г. владевшие городом шведы сделали ошибку, оставив слишком мало воинов для защиты Пайды. Командир шведского гарнизона Ганс Бойе не вел разведки. Поэтому появление русских в непосредственной близости от Пайды было им воспринято как набег незначительного отряда,двигающегося к мызе Ниенгоф, — там находились две пушки с порохом и свинцом, и шведы опасались, что царские воеводы отобьют эти орудия. Желая воспрепятствовать захвату пушек, Бойе бросил на их защиту бóльшую часть своих ратников. Тем самым он оголил Пайду. Видимо, понадеялся на непреодолимость ее стен. Но оборонительные сооружения крепости, по-прежнему устрашающе мощные, осажденным не помогли. Русская армия подвергла Пайду артиллерийскому обстрелу. А когда появился достаточно широкий пролом, крепость взяли штурмом при относительно небольших потерях. Правда, тогда погиб царский любимец Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу

Малюта. Именно это, по всей видимости, вызвало приступ жесточайшего обращения с пленниками: за малым исключением их сожгли, что подтверждается и ливонскими, и русскими источниками²⁷². Это, конечно, было столь же непростительным зверством, как и Стародубская резня.

Пайду взяли в первых числах января 1573-го. Отряд немцев, находившийся рядом, в Ниенгофе, разбежался, узнав о приближении русской армии. Шведы, небольшими силами вышедшие в поход из Ревеля, по беспечности и самоуверенности своей двигались, не ведя какой бы то ни было разведки. В результате их пленили.

Царь фактически приобрел ключ к воротам Ревеля и обновил старые лавры покорителя Полоцка. Кроме того, после взятия Пайды Иван IV вернул себе репутацию грозного воителя, подпорченную его поспешным отступлением из-под Москвы к Ростову перед воинством Девлет-Гирея (май 1571).

Шуйский участвовал в походе на той же должности, что и у Молодей, — первым воеводой Сторожевого полка²⁷³. Для него это второй, после «полоцкого взятия», опыт, как надо раскалывать «крепкие орешки». Впоследствии, защищая псковскую твердыню, он припомнит все прежние уроки, полученные им в роли осаждающего... Полоцк и Пайда, в частности, научат его правильному отношению к оборонительным сооружениям. «Тяжелый наряд» Ивана IV громил их быстро и эффективно. Следовательно, враг тоже мог доставить осадные пушки и разнести из них русские укрепления. Надеяться на слабость неприятельских орудий или неискусство пушкарей было бы наивно. Артиллерия второй половины XVI столетия достигла такого уровня развития, при котором кирпич, дерево или известняк (из них чаще всего строили крепости на Руси) противостоять ей не могли. Напрашивался вывод: *одних только стен недостаточно для надежной обороны крепости*. Надеяться на них не стоит. Они представляют со-

бой лишь... временное неудобство для упорного, хорошо подготовившегося противника. Требуется что-то еще. Дополнительно.

Урок поистине драгоценный. Иван Петрович сумеет извлечь из него пользу...

После взятия Пайды русское наступление в Северной Ливонии развивалось, мягко говоря, неровно. После того как русский гарнизон во главе с окольным²⁷⁴ Д.А. Бутурлиным²⁷⁵ занял крепость, Иван IV разделил армию на три части.

Сам государь с двором, большей частью артиллерии и стрельцов вернулись домой.

Небольшой корпус отправился осаждать Каркус. В его состав вошел немецкий отряд марионеточного «короля Ливонского» Магнуса (союзника Ивана IV), меньшая часть «наряда» под командой талантливого артиллерийского начальника князя Ю.И. Токмакова и конный русский отряд, возглавленный двумя воеводами — князем П.Т. Шейдяковым и Н.Р. Юрьевым. Им удалось одержать новую победу: Каркус пал после мощного артобстрела. Там расположился русский гарнизон во главе с князем Г.И. Долгоруким, однако то ли весной 1573-го, то ли в 1575 г. царь пожаловал город Магнусу²⁷⁶.

Второй корпус, более значительный (шесть полков), двинулся на Ревель. Им командовали служилый татарский «царь» Саинбулат (после крещения Симеон) Бекбулатович и князь И.Ф. Мстиславский. Правую руку вел князь И.А. Шуйский, Сторожевой полк — князь И.П. Шуйский²⁷⁷.

11 января 1573 г. русские отряды вошли в Ниенгоф, перебили 300 шведов и захватили две охраняемых ими пушки²⁷⁸. Кроме того, по сообщениям русских источников, нашим воеводам удалось взять некий населенный пункт Ропумыл (то ли Ропу и мызу)²⁷⁹. Мыза — тот же Ниенгоф, а Ропа — непонятно что: возможно, замок Борпаэль

или город Роп с замками Гросс-Роп и Кляйн-Роп, трудно сказать.

На этом успехи кончились. В бою близ Коловери (Лоде) корпус Мстиславского и Саинбулата Бекбулатовича столкнулся со шведско-немецкими войсками и потерпел поражение.

Как свидетельствуют русские воинские разряды, «...убили на бою государева боярина князя Ивана Ондреевича Шуйсково, а князя Ивана Федоровича Мстисловского да Михаила Яковлевича Морозова (второй воевода Большого полка. — *Д.В.*) ранили. И дворян, и детей боярских и стрельцов многих побили». Пискаревский летописец добавляет к этой печальной картине еще одну неприятную подробность: оказывается, долгое время в Москве не знали наверняка, погиб ли князь И.А. Шуйский: «А князя Ивана Андреевича Шуйского не сыскаша: безвестно несть»²⁸⁰. Такое могло произойти лишь в одном случае: если полки бежали с поля боя и оставили тело воеводы неприятелю... Отчасти неудача объясняется изменой и дезертирством: «С тово бою отъехал шурин государев князь Олександр Сибекович Черкасской к немцам и сказал в немецких полках Кляусу (шведский полководец Клаус Акезен Тотт. — *Д.В.*) ... что бутто государевы многие люди побежали»²⁸¹. У князя Черкасского имелся мотив личной мести: не так давно царь казнил своего шурина князя Михаила Темрюковича Черкасского, более того, ходили слухи, что и вторая государева жена, Марии Темрюковна, также умерла не своей смертью. Вот и решил ближайший их родич изменить московскому государю. Что же касается таинственного «бегства» служилых людей из русских полков, то, вероятно, имеется в виду дезертирство. Взяв Пайду и Ниенгоф, изрядно разорив Северную Ливонию, дворяне, надо полагать, решили, что воинская работа их окончена и пора по домам. А неприятель, узнав о столь выгодном для себя обстоятельстве, нанес неожиданный удар.

По сообщению Ливонской хроники, «...третью часть войска он (Иван IV. — Д.В.) послал в Вик, чтобы опустошить земли около Габсаля, Лоде и Леаля и взять также эти замки угрозами и страхом. Но шведы твердо держались в упомянутых замках и не обращали внимания на ужасную пальбу москвиты. Этот отряд, по Божьему соизволению, претерпел отличнейшие убытки в Вике. Потому что Клаус Акезен, достаточно долго сносивший с горестью неистовства москвиты и упрашиваемый бюргерами, наконец, храбро выступил со своим войском, не таким сильным однако, как раньше, искать неприятеля. Встретивши не далеко от Лоде русских, он послал вперед свой авангард, состоявший большею частью из ливонцев; когда же последние напали на отряд русских и за превосходством русских не могли или не хотели вернуться к шведскому войску, то обратились в бегство и тем уменьшили и еще более ослабили шведский отряд. Они побежали, кто в Ревель, кто в Парнов, кто в Фикель, кто в Лоде, и везде распространили дурную весть, что шведы разбиты. Этою вестью были глубоко опечалены все христианские души в упомянутых местах, а особенно в Ревеле, и эта весть и печаль продолжалась два дня; затем Господь послал лучший слух, именно, что маленький шведский отряд, всего не более 600 всадников и 100 (1000) кнехтов победили более 16 000 русских, 7000 убили, остальных обратили в бегство, две мили гнались за ними и отняли у них весь обоз, около 1000 саней, нагруженных всякими припасами и добычею. Этому снова все очень обрадовались. Битва произошла при Лоде 1573 г., 23-го января»²⁸². О численности русских войск и об их потерях ливонский источник вряд ли был хорошо осведомлен. Однако поражение наши воеводы понесли и впрямь серьезное — шведы доставили в Ревель богатые трофеи: русские пушки и знамена. Правда, и шведам успех под Коловерью стоил недешево: они потеряли

убитыми двух ротмистров, гауптмана Ревельских кнехтов, несколько других офицеров, много дворян и простых бойцов.

Несмотря на неудачу полевой армии в открытом бою и значительные потери, взятые крепости — Пайда и Каркус — остались за русскими. Отбить их в ту кампанию шведы не сумели. Напротив, воевода М.А. Безнин совершил набег на «ревельские места» и «...многих немецких людей побил и языки поимал». Иван IV, довольный действиями одного из своих фаворитов, щедро пожаловал участников набега соболями, камкой, «кормлением» в городах, высокими должностями. А ответный большой поход в русскую Ливонию, начавшийся зимой 1573/74 г. закончился для шведов полной неудачей.

Здесь стоит остановиться и окинуть взглядом весь истекший к середине 1573 г. отрезок служилой биографии князя Ивана. Крупные, важные должности он получал, но... ничего особенного. Командование полком, право возглавить маленькую рать «украинных» воевод... никаких из ряда вон выходящих почестей, никаких «скачков» в армейской иерархии. Его карьере можно назвать ровной, солидной, но не блестящей.

Зато И.П. Шуйский получил огромный тактический опыт.

К середине 1570-х он вырос в разносторонне подготовленного полководца. Участвовал в трех больших сражениях, осадах двух или трех неприятельских крепостей, сам организовывал оборону крепости, «работал» против татар, шведов, польско-литовских сил. И за службы свои не получал упреков от монарха, не устаивался высочайшей опалы.

Как сказали бы в XX в.: «Ценный кадр». А учитывая тяжёлые потери, понесенные командным составом россий-

ских вооруженных сил в 1570-х годах²⁸³, ценность Ивана Петровича как опытного тактика росла очень быстро.

Во второй половине 1573-го и, возможно, в 1574 г. князь Шуйский наместничает во Пскове вместе с крещеным ногойцем князем П.Т. Шейдяковым. Известно, что в августе он уже занял место наместника: ему с шейдяковым посылают распоряжение помогать Нарве-Ругодиву, если на город нападут «большие немецкие люди»²⁸⁴. Несколько лет спустя роль псковского наместника и воеводы станет для него привычной: во Псков с Шейдяковым и другими военачальниками в конце 70-х — начале 80-х гг. его будут назначать неоднократно. Как правило, Иван Петрович числится там вторым воеводой, но выполняет роль наиболее активного и ответственного командира. Воеводство (хотя бы и на втором месте) в богатом и славном Пскове — большая честь. Иначе говоря, князь Иван впервые получает не просто «именную службу», а весьма крупное, весьма заметное назначение. И это — после участия в сравнительно неудачных боевых действиях начала 1573 г.! Видимо, государь не видит какой-либо вины И.П. Шуйского в поражении под Коловерью, зато воспринимает его как опытного и храброго военачальника. С этого момента начинается взлет воинской карьеры Ивана Петровича. До сих пор он был одним из многих полковых воевод, но теперь входит в высший ярус военно-политической элиты. Отныне ему достаются лишь ключевые командные посты.

А время от времени на долю князя выпадают почести иного рода: так осенью 1574 г. его приглашают в Москву, на свадьбу Ивана IV и Анны Васильчиковой, — тогда царь почтил представителей всех главных ветвей в роду Шуйских. В 1576 г. И.П. Шуйский рассуживает местническую тяжбу Ф.Ф. Нагого с В.Г. Зюзиным²⁸⁵. Судейство по местническому делу само по себе — признак царского благорасположения.

Неизвестно, как долго находился князь Иван Петрович на псковском наместничестве: год, как принято было во второй половине XVI столетия, или же более того. 28 апреля 1576 г. воинский разряд упоминает его на юге. Иван IV с двором и армией выходит «на свое дело земское в Калугу». В его свите присутствует и боярин князь Иван Петрович Шуйский. Он не занимает в этом походе каких-либо командных постов, пребывая рядом с царем как советник²⁸⁶. Затем, по всей видимости, он возвращается во Псков, на наместничество. Во всяком случае, «на Егорьев день вешний» (23 апреля) 1577 г. приказ о воинских сборах для новой наступательной операции на северо-западе застает князя И.П. Шуйского именно там.

Весной-летом 1577-го он работает как крупный военный администратор. Фактически вокруг него собирается ядро боевых сил для будущего наступления²⁸⁷.

Царь видит в Иване Петровиче толкового военачальника.

Продолжая давление на неприятеля в Ливонии, Иван Васильевич вторгается туда летом 1577 г. с большой русской армией и союзным войском ливонского короля Магнуса. Судя по документам того времени, для похода планировалось собрать очень значительные силы: более 19 400 дворян, казаков, стрельцов и служилых татар. Правда, процент дворян — наиболее боеспособной и лучше всего вооруженной части войска — ниже, чем при «Полоцком взятии» и на Молодях. Их всего-то около трети, и это тревожный симптом. Однако мощь русской ударной группировки такова, что в Ливонии с нею не могут поспорить ни шведы, ни немцы, ни литовцы, ни поляки. Армия располагает внушительным артиллерийским парком: 21 пушка и 36 пищалей при 7300 артобслуги и охраны, а также 12 700 посохи²⁸⁸. Царь вышел с войсками из Пскова 13 июля 1577 г. Незадолго до начала основного этапа наступательной операции разведку боем

выполнила легкая трехполковая рать князя Т.Р. Трубцкого (5300 бойцов)²⁸⁹.

Во время этого похода князь И.П. Шуйский исполняет важную роль. Фактически он играет роль военачальника, допущенного к принятию главных тактических решений.

Ивана Петровича назначили вторым воеводой в Большой полк. Первым воеводой расписан крещеный татарский «царь» Симеон Бекбулатович, особа необыкновенно знатная и пользовавшаяся безграничным доверием государя. Однако, по всей видимости, реальное командование полком осуществляет именно князь Шуйский. Очень показателен один факт: в русской армии всякий полковой воевода, помимо общих командных функций, получал отряд ратников под прямое руководство; так вот, князю Ивану досталось 813 бойцов, а Семиону Бекбулатовичу лишь 196²⁹⁰. Симеон Бекбулатович, по представлениям того времени, без сомнений, знатнее Шуйского. Более того, Шуйский уступает в знатности первым воеводам других, менее значительных полков. Но за спиной у Симеона Бекбулатовича — формально старшего из полковых «начальных людей» — он получает возможность спокойно распоряжаться в Большом полку, не получая никаких местнических претензий. Так делали в армейской иерархии Московского государства, когда хотели назначить на ключевой командный пост толкового человека, но ему чуть-чуть не хватало «крови» до первенства по знатности. Этот обычай «москвитов» подметил еще английский дипломат Джильс Флетчер, посетивший Россию на исходе 1580-х.

Кто во время генерального наступления на Ливонию в большей степени исполняет роль полководца, а кто — политика? Был ли Шуйский простым администратором при царе, или же он вел кампанию на тактическом уровне, а Иван IV занимался политическими вопросами и принимал стратегические решения? А может быть, Шуйский сы-

грал роль своего рода «начальника штаба» при монархеглавнокомандующем? Или он просто оказался одним из воевод без решающего голоса по ключевым вопросам тактики? В любом случае львиная доля командирской работы ложилась именно на князя Ивана. Но можно ли более определенно очертить функции князя И.П. Шуйского в ливонском походе?

Разряды скупо отразили его деятельность. Конкретные тактические задачи выполняли по большей части люди невысокого ранга. Чаще всего царь отправлял осаждать непокорные города и проводить рекогносцировку местности думных дворян Богдана Бельского и Деменшу Черемисинова, а также воеводу, командующего «нарядом», — окольничьего В.Ф. Воронцова. Расписывать движение и расположение полков царь приказывал первому дворовому воеводе боярину князю Ф.М. Трубецкому — человеку весьма опытному, или тому же В.Ф. Воронцову, а с ними вместе работали второй воевода полка Правой руки боярин Н.Р. Юрьев, думный дворянин Б. Бельский, да дьяки В. Щелкалов и А. Клобуков. Собственно, эти шестеро скорее всего и выполняли наиболее важную часть штабной работы. Тот же князь Ф.М. Трубецкой на пару со вторым дворовым воеводой А.Ф. Нагим допрашивал представителей Зессвегена, явившихся договариваться о сдаче города. Надо полагать, Трубецкой был в числе главных военных советников царя на тот момент.

В подавляющем большинстве случаев подробный пересказ боевых действий в разрядной книге ясно показывает: все основные решения принимались царем лично и лишь изредка — по совету с сыном Иваном и воеводами.

Иван Петрович Шуйский упомянут в нескольких случаях. Он с «боярами» допрашивает Павла, старосту города Влеха (Мариенгаузена), пришедшего сдавать город²⁹¹. Позднее князь участвует в большом совещании, устроенном по приказу Ивана IV после того, как пришло

тревожное известие: король ливонский, нарушив договоренность, занял город Кокенгаузен (Жуконос). Три дня спустя И.П. Шуйский, по всей видимости, участвовал в новом штабном совещании — по поводу захвата Магнусом города Вольмара²⁹². Время от времени из его полка отряжаются небольшие отряды для участия в боевых операциях. Вот, собственно, и все упоминания Ивана Петровича на протяжении ливонского похода.

По этим данным можно сделать осторожный вывод: функций «начальника штаба» князь Шуйский в этом походе не имел. Тактические решения принимал главным образом сам Иван IV. Царь — и главный стратег армии, и ее главный тактик, и, по совместительству, главный политик. Когда ему требовалась консультация, он собирал воинский совет, в котором главное место занимали князья Ф.М. Трубецкой и И.П. Шуйский. Иногда им доверялись переговоры. Частные тактические задания выполнялись военачальниками более низкого ранга. Таким образом, роль Шуйского — быть одним из главных воевод, советником царя, не имея первенствующего положения.

Этот поход принес воеводе, да и всей нашей армии, значительный успех. По разным летописным источникам, русские полки, а также отряды Магнуса взяли тогда то ли 20, то ли даже 27 ливонских городов, в том числе и довольно значительные — Режицу, Чествин, Линовард, Кесь (Венден). Ливонские авторы сообщают о 34 городах и замках, захваченных русскими²⁹³. Командование русской армии, в том числе и князь Шуйский, выполняло свои обязанности наилучшим образом. Казалось, вновь, как при взятии Полоцка, военная машина России работает подобно хорошо отлаженным часам. И воевода боярин Шуйский — один из важнейших «живых узлов» в ее устройстве.

Сдавшимся городам и замкам царь обещает оказать милость и действительно мягко обходится с их жителями. Напротив, сопротивление подавляется с большой жесто-

костью. Так, суровые казни обрушились на жителей Зессвегена (Чествина или Чиствина по-русски), попытавшихся активно обороняться, даже устраивать вылазки. Город осаждали порядка 2,5 русских ратников с «легким нарядом». Артиллерийский обстрел, учиненный Деменшой Черемисиновым (начальником «наряда» под Зессвегеном), быстро принудил горожан к сдаче. Некоторых из них царь велел посадить на колья, других — продать в рабство²⁹⁴.

Впрочем, польско-литовские гарнизоны малочисленны и не способны противопоставить русской мощи эффективную оборону. Всюду им на смену приходят более сильные русские гарнизоны, которым придается значительная артиллерийская поддержка. Первое время ливонские «городки» быстро сдаются на милость победителя.

Но в ряде случаев шведы и ливонские немцы упорствуют, и тогда Шуйскому с прочими воеводами приходится применять тактические способности.

Так, серьезную проблему создал союзник Ивана IV, король Магнус. Он имел четкую договоренность с московским государем о размерах своего «буферного» удела. Однако летом 1577 г. не уступил опасному соблазну и занял несколько ливонских городков за пределами обговоренной территории. Порой ливонцы, опасаясь владычества Магнуса меньше, нежели правления русского царя, спешили сдать город именно войску марионеточного «короля».

По сообщению «Ливонской хоники», Магнус «...написал в замки Крицбург, Кокенгаузен, Ашерраден, Ленневарт, Лембург, Шваненбург и во многие другие, что если они не желают потерять вместе с отечеством жен и детей, если не желают быть отведенными в вечное рабство, то пусть сдаются ему, герцогу. Так как великий князь сам лично шел с огромным войском, и замкам этим оставалось единственное средство, которым они могли надеяться спастись, только герцог Магнус, то они и сдались ему. В то же вре-

мя венденские бюргеры восстали против поляков, взяли силой тамошний замок у польских наместников и вместе с городом передали его герцогу Магнусу. Точно так же и вольмарские бюргеры вместе с людьми герцога Магнуса взяли силой Вольмар, а наместника Полубенского захватили в плен и передали герцогу Магнусу. К присвоению себе упомянутых замков и крепостей, вместе с Кокенгузенном, у герцога Магнуса не было никакого позволения или полномочия от московита. Но он сделал это по той тайной причине, что надеялся спасти их от московита, а потом сдать их королю польскому, о чем раньше тайно извещал короля польского и герцога курляндского»²⁹⁵. Иначе говоря, буферный правитель вел двойную игру.

Конечно, местным жителям, которые предпочли Магнуса Ивану IV, было чего опасаться: прежде жители Юрьева-Ливонского (Дерпта) и гарнизон Пайды жестоко пострадали от Ивана Васильевича, а молва о новгородском разгроме 1570 г. и бесчинствах опричников под Таллином получила широкое распространение. Прибалтика наполнена была летучими листками и публицистическими сочинениями о зверствах Ивана IV, частично преувеличенных. Но и в той части, где сведения о суровости царского характера были верны, хватало подробностей, способных оледенить самое храброе сердце. Уже после окончания войны выйдет книга немца-пастора Павла Одерборна, живописавшего кровопийство русского государя с небывалыми выдумками, в духе какого-то ветхозаветного суперзлодейства. Одерборн врал изрядно; однако труд его поучителен тем, что в нем отразился панический ужас ливонского населения перед властью Ивана Грозного.

К сожалению, отчасти этот ужас был оправдан...

Магнусу один за другим сдаются города и замки, однако государь Иван Васильевич не рад этому. Ведь он сам явился «в свою вотчину»! К чему теперь посредник между ним и местным населением, когда русские пушки способ-

ны уговорить кого угодно? К чему буфер между ним и плательщиками податей, держателями земель, каковые могут быть отданы русским помещикам? Взятие городов обойдется дороже, чем их мирное подчинение? Но, во-первых, для силы, собранной в 1577 г., потери не страшны и, во-вторых, двойное подчинение, хотя бы и установленное мирным путем, недорого стоит в глазах Ивана IV. Наконец, самоуправство Магнуса ничем не оправдано с политической точки зрения: «король ливонский» нужен России как послушная фигура, как инструмент достижения дипломатических целей. Московскому государству нет никакого резона выращивать у себя под боком сильную независимую державу, поддерживать марионеточного правителя, выходящего из-под контроля.

Государь отправляет ливонскому королю гневное послание. Там он говорит ясно: у России сейчас достаточно сил для очистки всей страны без вмешательства Магнуса; если ему мало владений, доставшихся раньше, он может убираться к себе в Данию или отправиться на воеводство в Казань. Полки Грозного занимают Магнусовы новые приобретения²⁹⁶.

И в этой ситуации оказывается, что крупный город Вольмар (Владимирец) требует применения силы. Отряд Магнуса без труда овладел им. Однако к городу устремляется отряд в 2600 русских ратников под командой Б.Я. Бельского и Д.И. Черемисинова. Их пытаются не пустить внутрь. Они в ответ начинают осаду Вольмара.

«Пока происходила осада Вольмара, [царь] Иоанн взял крепость Эрлю и после этого усилил артиллерию под Вольмаром посылкою новых орудий. 1-го сентября Бельский и Черемисинов стали делать приготовления к штурму. Тогда осажденные произвели попытку прорваться сквозь ряды осаждающих, но большая часть их была перебита; в живых остались только 12 человек и начальник гарнизона Георг

Вилькин»²⁹⁷, — кратко и точно обрисовал захват Вольмара историк В.В. Новодворский.

Сам король ливонский со свитой по требованию Ивана Грозного выходит из сдавшегося ему Вендена (Цесис, Кесь). Город открывает ворота перед русскими полками. Царь всячески унижает и бесчестит Магнуса²⁹⁸, подвергает аресту и некоторое время держит в ожидании смертной казни. Потом прощает и даже дает небольшой удел. Но отношения между прежними союзниками, как видно, оказались капитально испорченными...

Новое возвышение Магнуса произойдет позднее. Возвращаясь к сдаче Вендена королем ливонским: после того как «буферный» правитель отдаст себя на милость Ивана IV, горожане и бойцы гарнизона обстреляли русский лагерь, а потом заперлись в замке; во время конфликта с местными немцами русские понесли потери — погибло много стрельцов и дворян, получил ранение воевода В.А. Салтыков. Это было героическое, но очень легкомысленное решение. В итоге венденский замок обложили со всех сторон, окружили шанцами, пять дней подвергали канонаде и взяли штурмом. Инициаторы сопротивления подорвали себя порохом, с прочими русское командование обошлось весьма неласково; многих пытали и убили. Впрочем, население иных городов, сдавшихся Магнусу, а потом занятых русскими войсками, также стало свидетелем серии казней. Казнили приближенных короля.

Жестокость по отношению к тем, кто защищал свои города, и суровость, проявленная Иваном Васильевичем в «деле Магнуса», настроили местное население неблагоприятно по отношению к новым властям. В дальнейшем переход земельных владений от ливонцев к русским помещикам явно не улучшил отношений. С самого начала Ливонской войны местные жители в большинстве своем находили мало поводов радоваться русскому завоеванию и поддерживать наши армии; теперь они получили еще не-

сколько весомых аргументов в пользу мятежа. Если наш государь хотел навеки закрепить за Россией этой край, наверное, ему стоило подумать о более мягкой и более гибкой политике на присоединенных землях. Вероятно, несколько большая мягкость была уместна и в отношении Магнуса. Да, тот повел себя как авантюрист, пытаясь спекулировать на «русской угрозе». Однако слабый и своевольный союзник все же намного лучше, нежели открытый враг.

Если посмотреть на конфликт с Магнусом с иной точки зрения, более прагматичной, невольно появляется сомнение: а стоило ли этого лукавого, к тому же разозленного унижением человека оставлять на ключевой роли в Центральной Ливонии? Если он столь ненадежен, так почему же получил прощение и вернулся на свой удел?

Похоже, принимая решение по поводу Магнуса, государь Иван Васильевич в большей степени руководствовался не трезвым расчетом, а эмоциями...

В Московском государстве по городам и областям рассылаются царские послания с известиями о приобретении новых земель и городов в Ливонии. Но стратегические итоги масштабного вторжения в Ливонию оказались ничтожными. Пик успехов русского оружия в этой войне был пройден пятнадцатью годами ранее, после взятия Полоцка. Формально в 1577 г. под контролем у московского государя оказалось значительно бóльшая территория, нежели в 1563-м. Но вскоре после того, как русская армия покинет занятые ею земли, неприятель с легкостью отобьет несколько городов. Единственный союзник Московского государства на этом театре военных действий, Магнус, в 1578 г. перейдет на сторону поляков. Вероятно, ему трудно было простить то страшное унижение, которому подверг его Иван Васильевич, и те потери, которые он понес в связи с крахом своей авантюры.

Осенью 1577 г. царь обо всех этих печальных событиях, которые произойдут в ближайшем будущем, знать еще не мог. Он доволен. Он мог бы продолжить завоевания в Ливонии, но там начался голод, а потому следовало скорее выводить армию²⁹⁹. Перед самым возвращением из похода Иван Васильевич устраивает в Вольмаре пир, на котором среди прочих воевод присутствует и князь Шуйский. Иван Петрович сидит у самого государя за столом, на почетном месте³⁰⁰. Это значит: царь ценит воеводу и благоволит ему. Знаком высокой милости станет приглашение Ивана Петровича на празднества в честь женитьбы государя на Марии Нагой осенью 1580 г. Царские свадьбы того времени посещали только те вельможи, кем государь особенно дорожил.

Глава 8. БОЛЬШАЯ ГРОЗА

По окончании большого ливонского похода Шуйский возвращается во Псков, на воеводство³⁰¹. Здесь он пробудет с осени 1577 г. до начала правления Федора Ивановича (1584—1598 гг.). И здесь его ждет главное дело всей жизни.

Между тем уход большой русской армии из Ливонии дал старт попыткам немцев, поляков и литовцев отвоевать утраченные территории. Шведы также активно включились в эту игру. Наши гарнизоны были не столь сильны, чтобы долго удерживать взятые города и замки перед лицом заведомо превосходящих сил. А собрать новую крупную полевую армию для контрудара было не так-то легко.

Тем не менее весь остаток 1577-го и первую половину 1578 г. вооруженное противостояние в Ливонии идет на равных. Русские то теряют некоторые из приобретенных городов, областей, замков, то отбивают их.

Октябрь 1578 г. положил предел удачам Московского государства в Ливонии. Кесь (Венден) пришлось отдать неприятелю, а при попытке вернуть город русское войско было разгромлено. Неприятель захватил осадную артиллерию. Воеводский корпус понес большие потери. Кое-кто из военачальников, к сожалению, бежал с поля боя.

Ивану IV изменил ливонский король Магнус, в начале 1578 г. перешедший на сторону неприятеля со всеми своими землями³⁰². Зачем вернул его на удел государь Иван Васильевич? Ведь знал о ненадежности этого человека...

Наконец, с лета 1579 года над западными землями России нависает мрачная тень польского короля Стефана Батория. На протяжении нескольких лет он вторгается с огромными наемными армиями на нашу территорию и берет один за другим русские города.

В руки поляков попадают Полоцк (1579), Сокол (1579), Велиж (1580), Великие Луки (1580), Невель (1580), Заволочье (1580), а также несколько других менее значительных крепостей. Кажется, никто не способен остановить грозного противника. Он дерзко вызывает на бой самого Ивана IV. Стремительные отряды поляков наносят нашим ратям поражение за поражением. Некоторые из них добрались до Тверской земли, и сам царь из своей резиденции в Старице видел полыхающие в отдалении пожары. Большое войско оршанского старосты Филона Кмиты (порядка 2000 ратников с двумя артиллерийскими орудиями и 12 гаковницами)³⁰³ осенью 1580 г. вышло к стенам Смоленска. Но тут неприятеля разгромили наголову. Это дало повод для доброй надежды на будущее: русский медведь, израненный, уставший, все еще мог дать сдачи...

По натуре своей польский король Стефан Баторий — государь-кондотьер. Он знает толк в военном деле, он решителен, свиреп, энергичен, талантлив. Он превосходный организатор и, кажется, назаурядный ритор. Во всяком случае, монарх Речи Посполитой умеет убеждать людей и

воинской силой, и словом. У польской шляхты воинственный Баторий пользуется популярностью. Это достойный противник для московского государя Ивана Васильевича. Он значительно увеличивает численность вооруженных сил Речи Посполитой и реформирует их качественно. Король располагает достаточными средствами, чтобы восполнять потери, которые несут корпуса вторжения в боях с русскими гарнизонами. Соппротивление наших воевод лишь раззадоривает его. Он надеется не только овладеть русской Ливонией, но и отторгнуть земли Новгородчины, Псковщины, Смоленщины, Полотчины, а также северские города и Великие Луки. Иными словами, получить в свое распоряжение пол-России!

Иван IV с 1577 г. пытался миром поладить с польским монархом. Он выдвигал разные предложения, бывал то гневен и требователен, а то вдруг уступчив. Но все дипломатические усилия шли прахом. До похода на Псков Баторий занимал непримиримую позицию в отношении России. Он требовал фантастически много.

А Россия к тому времени была уже вконец разорена долгой кровопролитной войной, эпидемиями, опричными репрессиями. Крестьяне, обнищав, разбегаются от государева тягла в места дикие и отдаленные. Помещики скрываются «в нетях» от царских приставов, набирающих новые полки.

Московское государство находится на грани стратегической военной катастрофы.

Летом Иван IV готовит большое войско для нанесения контрудара по Баторию. И.П. Шуйского расписывают вторым воеводой полка Правой руки. Армия так и не начинает наступление, а князь Иван напарывается на большое местническое дело с князем В.Ю. Булгаковым-Голицыным³⁰⁴.

В июле 1579-го, когда Баторий осадил Полоцк, полк Шуйского передвинули поближе к неприятелю и велели расположиться в Острове, однако приказа к атаке ему так и не отдали³⁰⁵. В стане противника ходили слухи, что государь московский собрал 200 000 бойцов, хотя в действительности он располагал менее чем 28 000. Из них лишь 10 300 были ратниками дворянской конницы³⁰⁶. Учитывая высокую активность шведов в русской Ливонии, Иван IV не пожелал бросать основные силы российской армии на Батория, — опасался, надо полагать, серьезной угрозы на фланге. Против поляков вышла лишь небольшая рать окольного Бориса Шеина, впоследствии разгромленная неприятелем в крепости Сокол.

Во время осады Баторием Полоцка Иван IV концентрирует во Пскове новую крупную армию, но выйти для генерального сражения опять не решается. Среди его воевод — князь И.П. Шуйский, вновь второй воевода полка Правой руки³⁰⁷. Осенью, после падения Полоцка, русские полки продолжают стоять у Пскова. Царь разоряет вражескую часть Ливонии татарским набегом, затем отражает подмогу Нарве, на которую напали шведы³⁰⁸, однако сам остается на месте.

До решающего сражения дело не доходит. Высшее русское командование, включая и самого царя, проявляет робость. В XVI столетии, говоря о бое лицом к лицу с неприятелем, называли его «прямым делом». Так вот, выйти на «прямое дело» с громадой польско-литовских сил Иван Грозный не решался. Более того, он не отдавал такого приказа своим военачальникам. Для этой пассивной манеры противодействия Баторию есть свой резон. Не напрасно государь больше уповал на крепость стен, нежели на искусство воевод и отвагу воинов. Во-первых, к тому времени у России для отпора осталось не столь уж много сил: еще одна разгромленная армия могла означать

худшее — без защиты осталась бы сама русская столица. Во-вторых, войска пали духом и утратили стойкость, присущую им еще несколько лет назад. Они в большей степени способны были изображать сильный заслон, нежели на самом деле оказывать серьезное сопротивление оккупантам. Стоило ли предъявлять неприятелю степень деморализации полевых русских войск?

Позднее, когда наступление шведов захлебнулось, а Баторий, напротив, ушел с театра военных действий как победитель, царь отправился из прифронтового Пскова в Новгород.

Здесь он производит местнический суд по челобитью князя Голицына, поданному еще летом во Пскове. В ноябре 1579 г. Иван Петрович выигрывает дело вчистую. Иван IV велит его «...учинить больши князя Василья Юрьевича Голицына»³⁰⁹. Боярский суд во главе со знатнейшим вельможей России, князем Иваном Федоровичем Мстиславским, высказался со всей определенностью: «Князь Иван Петрович ровен князю Ивану Юрьевичу Голицыну³¹⁰, а князя Василья местом больши»³¹¹. Подобный успех в местнической тяжбе оценивался в ту пору как достижение не менее важное для карьеры служилого аристократа, нежели победа над опаснейшим неприятелем в бою.

Не позднее декабря 1579 г. Шуйский возвращается из Новгорода на псковское воеводство³¹².

На протяжении первой половины 1580 г. в Москве все-речь опасаются удара польских войск по русской Ливонии или по Смоленщине. Псковский воевода получает приказ возглавить трехполковую (затем пятиполковую) рать, которой ставится задача противодействовать Баторию на этих участках литовско-ливонского ТВД³¹³. Армию И.П. Шуйского концентрируют весной и выдвигают к Порхову в конце июля 1580 г.³¹⁴ 11 августа князю В.Д. Хилкову, возглавлявшему легкую рать у города Холм на Твер-

ской земле, приказали держать связь с порховской армией Шуйского³¹⁵. Оттуда Хилков получил поддержку: отряды пяти воинских голов³¹⁶. Следовательно, летом 1580 г. Иван Петрович получил самостоятельную оперативную задачу: заслонять Псков и Новгород. Это единственный кратковременный период — несколько месяцев, — когда Иван Петрович является главнокомандующим самостоятельным полевым соединением. Командармом, так сказать. *Выше подобного поста в командной иерархии того времени ничего не предусматривалось.*

Баторий оперировал в районе Велиж — Усвят — Великие Луки на протяжении августа — сентября 1580 г., а в первой половине октября, завершив кампанию, отбыл к Невелю³¹⁷. На протяжении октября польский полководец Ян Замойский осаждал крепость Заволочье. Примерно к середине месяца относится следующий эпизод: «Замойский... узнав... что воевода... Иван Петрович Шуйский находится с войском при Порхове, он отправил туда старого полковника Мартина Вольского с легкой конницей для рекогносцировки. Шуйский, услышав об отъезде короля и не ожидая в продолжение этого времени другого войска, распустил свое ополчение и возвращался в Псков»³¹⁸. После этого князь Шуйский подвергся неожиданному нападению Вольского, но потерял лишь нескольких дворян. Следовательно, армия Шуйского пребывала у Порхова с августа до середины октября 1580 г.

Итак, русское контрнаступление в Ливонии не состоялось: польский монарх предпочел ударить на Великие Луки. Соответственно корпус Шуйского, исполнявший роль заслона для Пскова, Новгорода и в какой-то степени русской Ливонии, не понадобился и не получил приказа к нападению на короля. Под Смоленском же литовским ратям противостояли другие наши воеводы.

Шуйский готов был в любой момент сцепиться с Баторием. В случае неожиданного наступления поляков на

Псков Москва планирует держать его в городе на воеводстве³¹⁹. Этот расчет в конечном итоге и реализуется...

Псковские воеводы спешно приводят в порядок обветшавшие укрепления. В воспоминаниях псковичей до середины XVII в. удержалось рачительное отношение Шуйского к городским припасам на случай осады. С 1578 г. Иван Петрович копит провизию в закромах: «...с Москвы, из Замосковных городов и из Великого Новгорода рожь и всякой хлеб, муку и сухари и толокно и крупы и свиные полти и соль и всякой съедобный запас в твою государеву вотчину во град Псков в... государевы житницы в кремль привозили».

Баторий, выбирая объект для нового удара, останавливается на Пскове, — быть может, приняв в расчет соблазнительные показания перебежчика. В мае 1581 г. к нему бежал стольник Давыд Бельский, племянник Малюты Скуратова, царского «выдвиженца». Бельский убеждал польского короля ударить на Псков: «Людей во Пскове нет и наряд вывезен и здадут тебе Псков тотчас».

Летом 1581 г. польско-литовская армия опять вторгается на русские земли. Ведет ее сам король. Третий большой поход на Северо-Западную Русь начинался для интервентов превосходно: 21 августа, после долгого артиллерийского поединка, им сдалась крепость Остров — древний псковский «пригород».

Один из участников вторжения оставил нейтральное по тону и весьма информативное описание этого события: «[17 августа] Гетман [Ян Замойский] объехал замок на близком расстоянии, назначил место для лагеря и для батарей, и в тот же день возвратился к королю. По собранным сведениям полагали, что Островом легко овладеть и обещали взять его для забавы и ради присутствия короля, но когда увидели место, занимаемое крепостью, со всех сторон окруженное водою, — так как две реки обтекают

его, — то сейчас поняли, что труднее взять его видя, чем не выдавши; король с гетманом в тот же день отправились к крепости; приехавши туда за час до вечера, они осмотрели положение крепости и возвратились в лагерь, когда уже наступила ночь... [18 августа] мы двинулись под крепость. Король не поехал; воевода Брацлавский уже прошел Остров и стал в миле от крепости; литовские паны в 3 милях. Замок построен на острове, среди реки; он большой, каменный и имеет четыре каменные башни. Доступ легкий, но нужно идти по воде, пешим по пояс. Стены не очень крепкие, но вероятно за ними русские построили деревянные срубы засыпав промежуток землю. Гетман послал к осажденным грамоту в ласковых выражениях, чтобы сдавались; но они не ответили ни слова и хотят защищаться³²⁰... Когда русские нас увидели, то сейчас же стали стрелять из пушек; нам пришлось проходить так близко от крепости, что ядра перелетали через нас, пока не направили орудий как следует. Рота Гостомского поплатилась двумя пахолками и отличною лошадыю. Бог спас, что злодейское ядро попало в последний ряд, когда уже рота прошла, иначе было бы порядочное отверстие, если б попало в середину отряда. Мы расположились близко к замку, на выстрел из гаковницы; но осажденным предстояла забава стрелять не по лагерю, а по окопам, которые уже начали вооружать; сегодня, ночью, насыпали туры, при чем погибло около 40 человек пеших пана Ухровецкого; между ними также 3 дворянина — из товарищей. Гетман везде присутствовал сам: он подъезжает близко к замку и беспрестанно бывает в окопах... [19 августа] пан Ухровецкий плохо устроил окопы и туры, так что в эту ночь должны были поставить их иначе. Ухровецкий до полудня стрелял хорошо, но постоянно попадал в верхи башни. Велено исправить окопы и туры, чтобы попадать в середину башен, так как стена легко осыпается. Из замка стреляют не очень сильно, но и не слабо. Гетманскому

пушкарю прострелили руку из ружья. Венгры также окопались по другую сторону против Ухровецкого; сегодня, ночью, привезли орудия и насыпавши ночью туры, открыли огонь по крепости... [20 августа] наши удачно стреляют по крепости. Они пробили немалое отверстие в башне, но за стеною должны быть другие укрепления. Как только справимся с Островом, поспешим к Пскову, который отсюда в 10 милях. Мне кажется, там хорошо готовят к нашей встрече... [21 августа] вечером, около 21 часа, крепость Остров, не будучи в состоянии выдержать долее огня нашей артиллерии, сдалась. Против венгерских окопов и наших польских, сбиты две крайние башни и при каждой, в каменной стене, выбито отверстие, так что можно было идти на приступ. Русские сдались на милость короля; им позволено в целости выйти из замка, а вещи и одежду всю оставить; тех, которые захотят отправиться к князю, отведут на несколько миль и дадут пропускные листы, а которые захотят остаться в своих деревнях, тем это будет дозволено. В крепости всех вообще было около 1500 человек; детей боярских 100, а стрельцов 200, пять орудий, гаковниц и ружей не мало, а также и пороху. Наш порох, который мы израсходовали, воротился с излишком. Стены толщиною без малого в 2 сажени, сложены из белого камня (тесаной плиты); однако наши орудия разбили их; это превосходные орудия, хотя их у нас всего 20»³²¹. Несмотря на великодушное королевское позволение уйти с вещами, наемники ограбили русских ратников до нитки.

Сообщение это наводит на размышления об относительной слабости и силе сторон, вступивших в борьбу за Псковщину. Во-первых, стены Острова, пусть и солидной толщины, сложены были из известняка, а потому долгой пальбы из тяжелых орудий не выдержали. Псковское командование, очевидно, скоро узнало об этом. А значит, князь Иван должен был разумно усомниться в надежности собственно псковских стен: при их возведении как строи-

тельный материал использовались те же известняковые плиты. А местный известняк от природы — камень мягкий и колкий. Во-вторых, Пиотровский не напрасно беспокоится о порохе и радуется тому, что удалось компенсировать его расход: поляки, надеясь на военное счастье своего короля, запасли его явно маловато. Наконец, в-третьих, армия Батория начала терять людей еще до подхода к Пскову — не напрасно сопротивлялся Остров.

24 августа Стефан Баторий с армией является под древние стены Пскова. Через бойницу за строительством вражеского лагеря наблюдает князь Иван Петрович Шуйский, второй воевода городского гарнизона. В ближайшие месяцы его ждет великое испытание...

Русская аристократия того времени жила богато, имела всё, что душа пожелает. А персоны из высшего ее слоя, самые «сливки», получали к тому же полное преобладание над остальным дворянством в делах службы. По биографии Ивана Петровича видно, насколько он легче и быстрее выходит в чины, нежели все тот же заслуженный Д.И. Хворостинин — аристократ «второго ранга». Но вот настает час, когда за хорошую жизнь, за право на господство, за непререкаемую власть надо платить. Требуется в жестоком противоборстве одолеть сильного и опасного врага. Само время проверяет на прочность национальную политическую элиту. Она выращена своим народом органично, поколение за поколением, и обязана постоянно доказывать право на существование *всего народа*. Если надо — кровью, а если потребуется — то и жизнью своей. Чего она стоит? Крепка ли? Является ли она сама сильным и опасным врагом? Или превратилась в сборище баловней судьбы? Если она даст слабину, то все общественное здание может рассыпаться, погребая под собой знатных и незнатных, воевод, дворян, стрельцов... и последних бедняков вместе с ними.

Глава 9. ПСКОВСКИЙ ТРИУМФ

Как минимум два десятилетия до «псковского сидения» провел Иван Петрович на царской службе. Он получил множество ценных тактических уроков — иногда сопровождавшихся радостью победы, а иногда — горечью поражения. Воевода накопил колоссальный опыт. И ему, и Пскову, и всей России очень повезло, что на долю князя И.П. Шуйского столь часто выпадало осаждать и брать штурмом неприятельские города. Теперь, оказавшись в положении осажденного, он читал лукавую вязь тактических расчетов Батория как простой и ясный печатный шрифт.

Осада Пскова — не только мужество и героизм, не только столкновение двух экономических потенциалов, не только противоборство двух культур. Это еще и поединок двух «гроссмейстеров», севших за одну шахматную доску. Это борьба тактической мысли — личных талантов и личного опыта.

К каким выводам привели князя Ивана многочисленные задачи по взятию крепостей, каковые он либо решал, либо присутствовал при их решении? Что дали ему Полоцк, Пайда, Зессвеген?

Прежде всего: нельзя полагаться на мощь оборонительных сооружений. Современная осадная артиллерия при минимальном упорстве осаждающих легко проделывает огромные проломы в самых могучих на вид стенах. Более того, она способна вообще эти стены разносить — в щепы, если они деревянные, или же в крошку, если каменные.

Об этом же свидетельствовал опыт несчастливой защиты других русских крепостей, взятых Баторием, и особенно Острова, о судьбе которого Шуйский не мог не знать. Полководец сделал верные выводы.

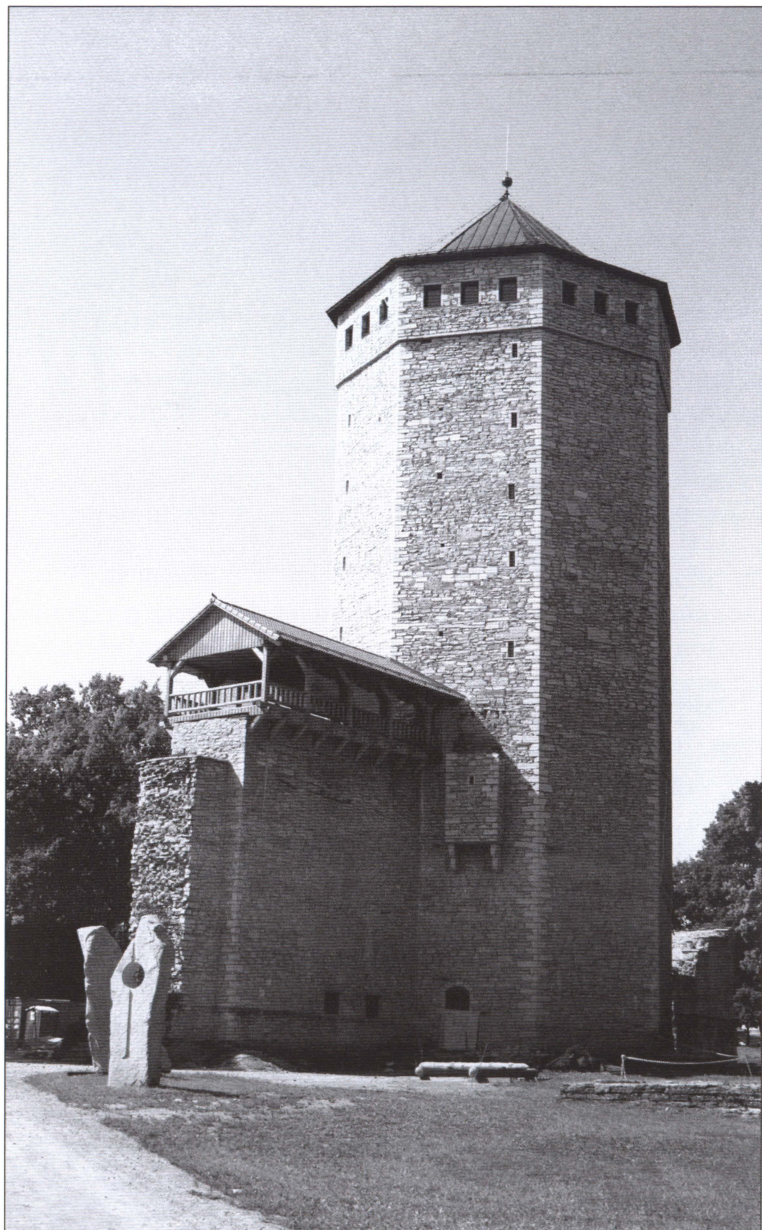
Еще до осады в городе велись масштабные строительные работы: давно воздвигнутые каменные укрепления

Памятник на месте битвы при Молодях

Осада войсками Ивана Грозного ливонского города во время Ливонской войны 1558—1583 гг. Художник Ф.А. Модоров

Башня крепости Пайда (Вейсенштайн или Виттенштайн).
Современный вид

М.В. Скопин-Шуйский —
родственник князя
И.П. Шуйского. Парсуна

В.И. Шуйский —
родственник князя
И.П. Шуйского.
Из «Титулярника» 1672 г.

Русская поместная конница. Гравюра из книги
С. Герберштейна «Записки о Московии»

Шуя — родовое владение князей Шуйских

Старая Кинешма. Этим городом князь И.П. Шуйский владел в 1580-х гг.

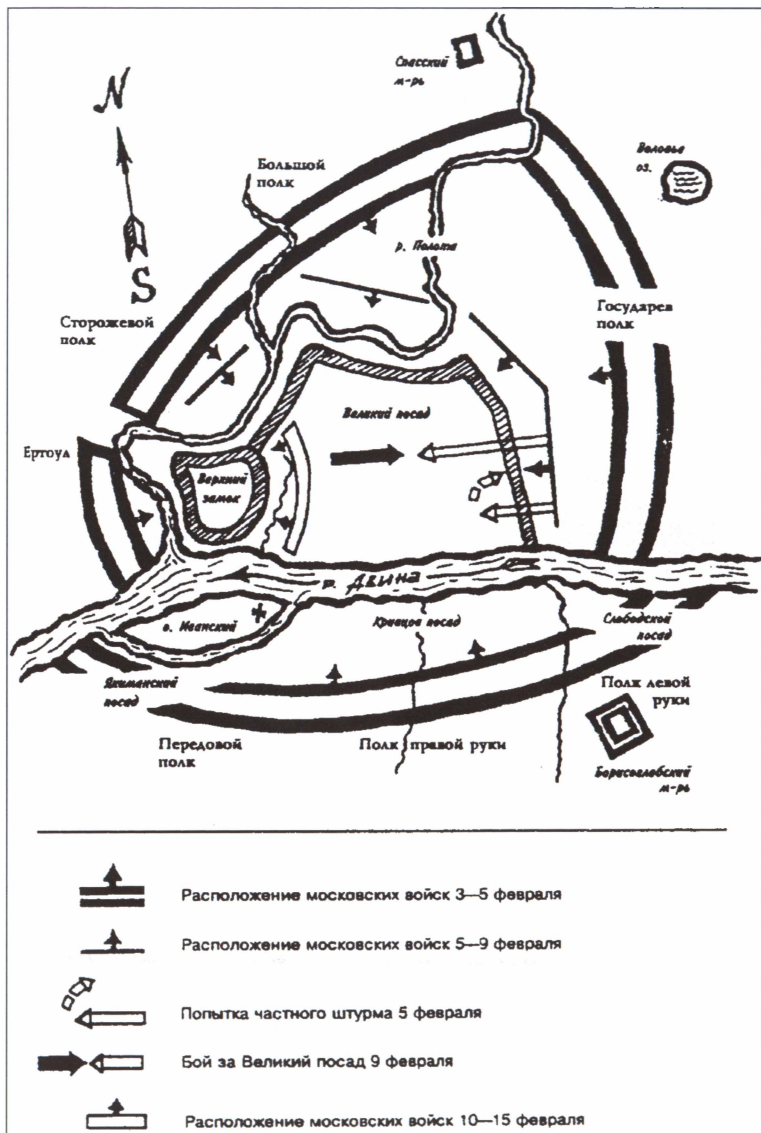

Схема осады Полоцка в феврале 1563 г.

Русские войска атакуют Полоцк. Немецкая гравюра XVI в.

Взятие Полоцка Баторием в 1579 г. Гравюра XVI в.

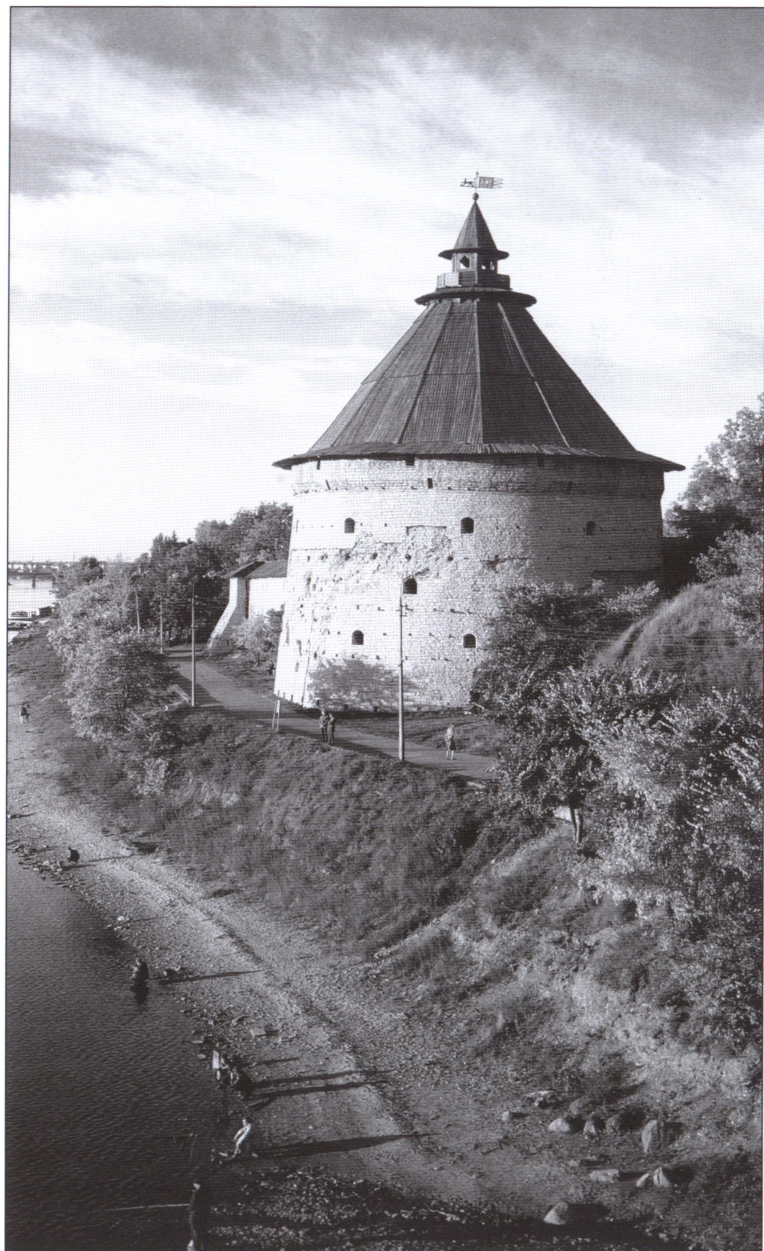
Конный воин Великого княжества Литовского

Доспехи Стефана Батория.
Художник Я. Матейко

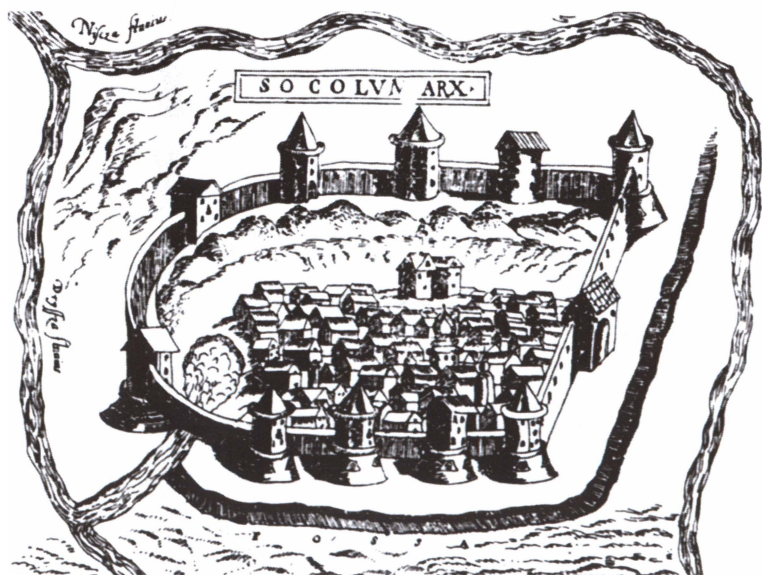
Доспех польского
шляхтича
XVI — XVII вв.

Покровская башня Псковского кремля. Современный вид

Стефан Баторий. Неизвестный художник XVI в.

Замок Сокол. Взят войсками Стефана Батория,
русский гарнизон уничтожен

Obolinscus/ der Russen Obriste/
in seiner Kriegsrüstung.

Немецкий «летучий листок» 1582 г. Изображение русского конника с традиционным вооружением. На втором плане — уничтожение русских пленников, захваченных в 1578 г. под Венденом

Polnische vnd Reussische Zeltungen.
Eigentliche vnd kurze Be-
schreibung/etlicher ergangener Kriegsübungen/auch die
Belägerung der gewaltigen Reussischen HandelsStadt Pleßkam.

Neben ordentlicher Verzeichnuß/desß gemachten
vnd bestetigten Fridens / zwischen beeden Potentaten / als König: Wapcz
in Polen erstes/ vnd dem Großfürsten in der Moscau anders theils/
mit sonder vnterschiedlicher vermeldung/der Fridens articul.

Contra
Moscouiti
Fürsten in sei-
gen Habit.

factur desß
schen Groß-
nem Fürstlic

Dergleichen von Liffendischen vñ Türckischen/In newligkeit
verloffenen sachen/etliche warhaffte vermeldung vñ anzeigungen/nüßlich vnd
notwendig zu wissen vnd lesen/ alles in kurtz auß Littaue geschriben.

M. D. LXXXII.

Немецкий «летучий листок» 1582 г. с портретом Ивана IV,
сообщающий о боевых действиях под Псковом

Церковь Покрова и Рождества от Пролома в Пскове

Стены Псково-Печерского монастыря

Псково-Покровская икона Божией Матери.
В память о чудесном заступлении Богородицы за Псков
во время осады его войсками Батория в августе 1581 г.

Стефан Баторий под Псковом. Художник Я. Матейко

Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием.
Художник К.П. Брюллов

Памятник в честь 300-летия победы псковичей
над войсками Стефана Батория

Кирилло-Белозерский монастырь —
место последнего упокоения князя И.П. Шуйского

получили усиление за счет дополнительных, древоземляных. Собственно, для фортификационного искусства тех времен характерна постепенная замена старых цельнокаменных оборонительных сооружений земляными, лишь облицованными камнем. Разрушительной работе осадной артиллерии такие укрепления сопротивлялись гораздо лучше. Иностранцы, оценивая оборонительный потенциал Псковской крепости, говорили, что местами она сильна, местами же ее оборона ограничивается «плохими каменными круговыми стенами»³²². Разумеется, огромный «каменный пояс» Пскова созидался на протяжении многих поколений, были у него и откровенно устаревшие, слабые места, явно не способные выдержать огонь новых пушек Батория. Их-то и усиливали.

Деревянные кровли над боевыми площадками стен и башен по распоряжению Шуйского разобрали, видимо, не желая подставлять под зажигательные снаряды противника, а предместье (1500 домов) спалили³²³.

Кроме того, по сообщению папского посланника Антонио Поссевино, посещавшего лагерь Батория, И.П. Шуйский «... позаботился построить повсюду среди крепостных башен другие... деревянные, предназначенные для того, чтобы поставить на них более крупные орудия, из которых можно было бы вести постоянный обстрел»³²⁴.

Ко времени начала осады вождь защитников Пскова хорошенько запасся строительными материалами. Это позволило ему при разрушении каменных стен встречать врага пальбой с земляных насыпей и деревянных помостов, моментально возводившихся позади разбитых внешних сооружений. Артиллерия Батория могла работать хоть на износ: псковичи быстро закрывали любой пролом в постоянных укреплениях новыми, временными.

Нельзя было подпускать пушкарей Батория слишком близко к стенам. Станислав Довойна, обороняя Полоцк от армии Ивана IV, допустил подобную ошибку и вскоре

оказался вынужден капитулировать. Шуйский, помня его поражения, решил вести активную борьбу с неприятелем. А значит, постоянно тревожить его вылазками и артобстрелами, не давая подобраться к самым стенам.

В-третьих, очень многое зависело от населения города и особенно от духовенства. Стойкость жителей могла дать Шуйскому дополнительный ресурс, а их равнодушие или склонность к сдаче почти наверняка погубили бы всё дело обороны города. Поскольку во время осады псковичи, в том числе и духовные лица, поддержали Ивана Петровича, надо полагать, за годы воеводства он сумел наладить с ними добрые отношения. Что же касается духовенства, то оно выходило со святынями, совершало молебны и кропило святой водой городские укрепления с первых дней осады. Между ним и воинским командованием города — полное понимание и согласие... Однако воевода умел видеть и колебания, и настроения отчаяния, уныния, страха в защитниках Пскова. Еще до начала осады Шуйский привел гарнизон и горожан к присяге с целованием креста «за град Псков биться с Литвою до смерти, безо всякого обмана»³²⁵. По сведениям поляков, в разгар осады Иван Петрович заметил некоторую «шатость» среди подчиненных. Шел октябрь, миновал первый штурм, поляки мечтали о втором. Лишения военного времени серьезно затронули тех, кто защищал город. К тому времени с обеих сторон были перебежчики... У Ивана Петровича появились серьезные основания для беспокойства. И он велел вторично привести псковичей к присяге на верность государю. Надо уметь понимать и чувствовать подобные вещи. Шуйский — умел.

Вообще, жизнь дала князю И.П. Шуйскому многие знания и навыки, как нельзя лучше пригодившиеся ему в звездный час.

Выше Иван Петрович был назван «гроссмейстером». И действительно, по умению предвидеть ход противника и

заранее готовить собственные контркомбинации, он стал ко времени «псковского сидения» настоящим тактическим гроссмейстером, безо всяких скидок.

По горячим следам борьбы за Псков местный иконописец Василий создал «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Автор был очевидцем или даже участником главных событий осады, его рассказ подробен и точен. К Ивану Петровичу Шуйскому он относился с великим почтением, подавал его читателям как главного вождя осажденных и вкладывал в уста воеводы речи, свидетельствующие о храбрости, преданности государю, твердости в православной вере.

Так, в преддверии осады Иван Петрович был вызван в Москву Иваном IV. Это подтверждается другими источниками — как минимум воевода присутствовал на свадьбе государя и Марии Нагой³²⁶. Однако «Повесть...» сообщает, что был И.П. Шуйский в Москве и позднее, Великим постом 1581 г.³²⁷ Пасха пришлось тогда на 26 марта старого стиля. Выходит, поездка Ивана Петровича пришлось на февраль или март. Действительно, разрядная запись подтверждает данные «Повести...»: в 7089 (конец 1580-го — первые месяцы 1582 г.) Шуйский «...был у государя в Москве для государева дела», а на посту псковского наместника его временно замещал князь И. Курлятев³²⁸.

Тогда, по мнению иконописца Василия, царь допытывался, в каком состоянии находятся городские стены и хватает ли для обороны людей. Воевода ответил Ивану Васильевичу: «Надеемся, государь... твердо на Бога и на истинную Богородицу нашу, необоримую крепкую стену, и покров, и христианскую заступницу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков, всячески укрепленный, может выстоять против литовского короля». По словам автора «Повести», Иван Грозный, услышав такие слова, возложил на Шуй-

ского ответственность за оборону города: «С тебя одного подобает спрашивать мне за всю службу, а не с других товарищей твоих и воевод». Тот ответствовал: «Если на то благая воля Бога и твое, государь, изволение, то всё сделаю по повелению твоему, государь, я — слуга твой. И по наставлению Господа и Богородицы всей душою, от всего сердца, непритворно рад буду исполнить порученную службу в граде Пскове»³²⁹. Если слова воеводы автор «Повести...» мог сочинить сам, то слова государя — вряд ли. Шуйский привез с собой в город государев письменный наказ, из коего, надо полагать, и была взята строгая фраза Ивана IV.

В кремлевском Успенском соборе, перед чудотворными иконами, князь И.П. Шуйский дал царю клятву «держатъ осаду и стойко обороняться».

Официально Иван Петрович не был во Пскове главным из воевод. Выше него стоял князь Василий Федорович Скопин-Шуйский. Однако царский указ давал И.П. Шуйскому особые полномочия — решать все важнейшие дела по собственному разумению. Так и происходило на протяжении всей осады.

Почему Иван Грозный отдал такое распоряжение? Почему он верил в Шуйского более, чем в кого бы то ни было? Иван Петрович был одной из важнейших фигур в воеводском списке последнего большого похода в Ливонию, возглавленного самим Иваном IV. Да и прежде 1577 г. он неоднократно служил воеводой под прямым и непосредственным руководством государя. Явно, князь произвел на Ивана Васильевича самое отрадное впечатление своими деловыми качествами. Показал себя в деле.

Что представлял собой его формальный начальник, старший из псковских воевод боярин князь Василий Федорович Скопин-Шуйский? Во Пскове князь Василий появился не ранее последних месяцев 1579 г. Он был намного моложе Ивана Петровича и намного менее опытен

в командной работе. Нельзя назвать его полным новичком: за спиной Василия Федоровича — Ливонский поход 1577 г., где он командовал Сторожевым полком, а также назначение в оборонительную армию против Стефана Батория, где он числился во главе полка Левой руки³³⁰. Этот человек, что называется, понюхал пороху. Но его тактический опыт был несоизмерим с опытом И.П. Шуйского. Отчего же Василий Федорович оказался в начальниках у Ивана Петровича?

Ларчик открывается просто. Князь В.Ф. Скопин-Шуйский, безусловно, превосходил его знатностью. Он принадлежал тому же колену в разветвленном семействе Шуйских, что и его подчиненный, но только к *страшей ветви*³³¹. Как тогда говорили, по шкале местнических счетов Василий Федорович стоял «несколькими месты больши», чем князь И.П. Шуйский.

Иначе говоря, в 1581 г. сложилась та же ситуация, что и в 1577 г.: над Иваном Петровичем поставили менее искусного и опытного, но более знатного человека (к тому же его родича), дав возможность спокойно распоряжаться на очень высоком посту.

Московское государство всё — сверху донизу — построено было именно так: пока можно было не нарушать права служилой знати хотя бы формально, их не нарушали. Даже Иван Грозный, с легкостью каздивший отдельных аристократов, очень мало поколебал положение русской знати в целом, очень мало затронул ее старинные права и привилегии. Разве только позволил себе ввести некоторое количество «худородных» людей на вершину власти. Но даже и этот шаг был обставлен такими социальными «сдержками и противовесами», что высокий статус аристократии почти не пострадал. Так, специально для «худородных выдвигенцев» Ивана IV придуман был чин «думный дворянин». Ведь ни в коем случае нельзя было давать царским незнатным фаворитам чины боярина или

окольничего — не по крови! А вот чин «думного дворянина» — в самый раз. На него аристократ не покусился бы как на третьестепенный, ну а человек из неродовитого дворянства, обретя его, мог заседать вместе с «княжатами» в Думе. Когда дельного человека, который оказывался... не то что бы совсем не знатен, но... что называется, «не первой знатности», следовало поставить во главе крупного дела, ему изобретали великородного начальника, в силу разных обстоятельств, а иногда и прямых указаний царя, не противоречившего деятельности искусного «подвиженного». Подобным образом других подчиненных, кои могли бы и сами потягаться с практическим дельцом в древности рода, избавляли от обиды. Ведь по букве закона во главе дела стояла та самая великородная персона. И дело, пусть и построенное столь замысловатым способом, шло как надо.

Иван Петрович, пусть и родовитый аристократ, пусть и Шуйский, но... не из старших Шуйских, попав в первые воеводы, рисковал заработать целую обойму местнических тяжб. Такое уже случалось — местничали с Иваном Петровичем Одоевские, Голицыны... А из-за спины у более знатного молодца-родича он мог, не тратя времени на раздоры с местниками, заниматься своими прямыми обязанностями.

Современный биограф великого полководца князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского Наталья Петрова уделила несколько страниц своей книги биографии его отца, Василия Федоровича. Имея несколько расплывчатые представления о русской командной иерархии XVI столетия, она сделала князя В.Ф. Скопина-Шуйского главным героем «псковского сидения». В частности, она пишет: «... послужной список каждого из псковских воевод богат, и все же главным воеводой царь назначил князя Василия Скопина-Шуйского, его имя разрядные книги называют первым в списке воевод. По отзывам современников, боль-

шим уважением царя пользовался также Иван Шуйский... но иностранцы, описывавшие события под Псковом и отмечавшие личное мужество Ивана Шуйского, единодушно называли первым псковским защитником именно князя Василия»³³². Ни в каких иностранных источниках особая роль князя Скопина-Шуйского не отмечена. Напротив, Рейнгольд Гейденштейн совершенно отчетливо называет Ивана Петровича главным начальником во Пскове; столь же однозначно главой неприятельских сил назван И.П. Шуйский и в инструкции, полученной войсками Батория для приступа³³³. Неосторожное заявление Н. Петровой вызывает удивление.

Узнав о приближении королевской армии, Шуйский распределил между командным составом гарнизона отдельные участки стены и привел своих воинов в боевую готовность.

При появлении вражеских отрядов состоялся первый бой. Это столкновение сложилось для противника неудачно.

О нем рассказывает один из участников похода: «Мы уже в миле от Пскова, у каких то двух рек, которые здесь сливаются и потом под городом впадают в реку Пскову. Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! точно Париж! Помоги нам Боже с ним справиться.

Скоро слезли с лошадей и не успели еще раскинуть шатров, как Радомский поспешил известить гетмана, что русские, сделав вылазку, сильно теснят воеводу Брацлавского, который с венгерцами проник до самого города. Не обошлось у нас без смятения: гетман не дослушал даже обедни и в суматохе долго не мог дожждаться коня, так как его отряд еще не пришел к месту стоянки. Он отправил гонца на встречу ротам: отряд Гостынского, находившейся ближе других, поспешал со всех сил; вот они уже стали переходить реку; еще слава Богу, что здесь везде частые

и не глубокие броды. Прискакали к реке, но оказалось, что коней не нужно было мучить. Пан Брацлавский придумал такую хитрость: часть своего отряда он спрятал в кустарнике, который растет в трех верстах от города, а с другою выехал вперед, чтобы выманить русских из города и потом навести на скрытых в засаде и таким образом захватить или побить сколько удастся. Мог бы успеть в этом, да помешали венгерцы. Из города выехала толпа татар, пан воевода начал отступать к кустарнику, а венгерцы не выдержали и выскочили вперед; тогда со стен открыли частый огонь, под защиту которого и стали татары, не подвигаясь далее. Одному венгерцу из лука прострелили ногу, Собоцкому — красную накидку, в которой засела стрела, да убили еще чьего-то коня. Вот и вся трагедия; бранят венгерцев»³³⁴.

Авангард поляков оказался под Псковом еще 20 августа. Осада началась 24 августа 1581 г., но плотно обложить город, подтянуть к нему все отряды армии и выстроить лагерь Баторию удалось лишь к исходу декады.

Первое время городская артиллерия редко подавала голос: неприятель старался держаться от русских ядер подальше. Когда основные силы поляков подошли ко Пскову и начали окружать его со всех сторон, блокируя основные дороги, псковские пушкарки открыли огонь. Не имея полевых укреплений, противник нес от русского огня большие потери. С ближних к Пскову позиций он должен был отойти. Наши артиллеристы заметили, где Стефан Баторий поставил шатры своей ставки. Днем по этому месту никто не стрелял. Зато ночью, когда противник не был готов к отпору и не очень понимал, что происходит, королевская ставка подверглась массированному обстрелу. Погиб немецкий наемник и личный кучер Батория. Король приказал перенести ставку на более безопасные позиции — подальше от псковских орудий.

Его подчиненным велено было рыть «шанцы» (окопы) и ставить «туры» — передвижные укрепления для подвода стрелков и пушек под самые стены. Инженерные работы стоили больших потерь: Шуйский, как уже говорилось, помнил роковую ошибку Довойны, а потому велел своим пушкарям бить по врагу не только днем, но и ночью. Современный историк А.А. Михайлов обратил внимание на одну запись в письме участника осады, Ст. Пиотровского: «4 сентября С. Пиотровский сделал... запись, которая в переводе О. Милевского звучит следующим образом: “Ночью русские употребляют удивительные хитрости против наших рабочих: не довольствуясь безостановочной пальбой, они бросают в окопы факелы и каленые ядра, так что не только причиняют вред нашим, но и освещают местность около стен и тем заставляют наших работать под навесами — иначе все видно”. Здесь как раз наглядно виден пример неверного перевода. “Калеными” называли раскаленные металлические ядра, предназначенные для поджога деревянных построек, но никак не для освещения местности. Как видно из польского текста, Пиотровский использует понятие “огненные ядра”, т.е. ядра, покрытые специальным зажигательным составом, которые, действительно, горели ярко. Впрочем, одними ядрами дело не ограничивалось, русские воины, как пишет тот же Пиотровский, построили и подожгли специальную деревянную башню, благодаря чему все “шанцы”... освещенные этим огнем, были ясно видны, как днем». Как только работающие солдаты неприятеля становились видны из крепости, на них сразу же обрушивался ливень пуль и ядер. Сутки за сутками королевская армия теряла рядовых воинов и офицеров, подстреленных в окопах.

С первых же дней пребывания королевской рати у Пскова Шуйский повелевал совершать вылазки. Некоторые из них оканчивались счастливо для русских, другие же приносили успех разноплеменной армии Ба-

тория. Обе стороны несли потери убитыми и пленными постоянно.

Большой проблемой для Батория стал недостаток провизии. Предместья Пскова, как уже говорилось, были сожжены по приказу князя Шуйского, ценное имущество и разного рода припасы перенесли под защиту псковских стен. Участники похода ощутили «продовольственную проблему» в первые же дни осады: «Немцы жалуются, что четыре дня не ели хлеба; но и у нас его нет; небольшой хлебец, за который в Познани платим полгроша, стоит здесь пять грошей, а какой гадкий — страх! Большие беспорядки. Шинқари, перекупщики дерут немилосердно. Бог знает, что потом будет с нами, служащими без жалованья; особенно бедные кони терпят нужду. То верно, что назад придется идти пешком»³³⁵.

Мнения по поводу численности армии Батория и псковского гарнизона варьируют в широком диапазоне. Эта проблема даже вызвала дискуссию среди ученых.

Поляки умозрительно оценивали силы обороны Пскова в 57 000 человек, из которых 7000 — конники, а прочее — пешие воины, в том числе ратники гарнизона и горожане, способные носить оружие; другая оценка — 6000 стрельцов и 3000 конницы плюс вооружившиеся горожане; третья — 3500 стрельцов и 4000 конницы при 12 000 горожан, изготовившихся к обороне. Всё это данные, которыми королевские советники оперировали, находясь далеко от Пскова. Русские источники сообщают о 70—100 000 бойцов под командой польского короля... из соображений столь же умозрительных, как и у поляков, считавших псковичей с дистанции, исключаящей правдоподобную информацию. Английский дипломат Джильс Флетчер также пишет 100 000 воинов Батория. Но британец собирал данные для своего сочинения «О государстве Русском» через много лет после осады Пскова и опирался вернее всего на русские свидетельства.

Вызывает бесконечное изумление тот факт, что российские, советские и польские историки, не задумываясь о степени достоверности этих данных, использовали их в своих работах. Особенно удивительно, что столь крупные исследователи, как А.А. Зимин и А.Л. Хорошкевич, в своей совместной книге безо всякой оговорки сообщили читателям заведомо неточную цифру — те самые 57 000³³⁶. В XIX столетии С.М. Соловьев столь же некритически использовал русские данные о стотысячной армии польского короля³³⁷, но ведь тогда был совершенно иной уровень науки...

Прав В.Н. Никулин, выразивший крайнее недоверие подобного рода необдуманному использованию источников³³⁸.

По здравому размышлению, следовало бы опираться на польско-литовские источники, когда речь идет об армии вторжения, и на русские, когда определяется численность городского гарнизона. Русские оценки сил Батория и соответственно польские данные о численности защитников Пскова в лучшем случае представляют собой данные разведки, перебежчиков, предателей — но только в лучшем, — а в худшем это всего лишь образец публицистического фантазирования на тему «вражеских полчищ». Однако среди историков, принявших в дискуссии участие, это простое соображение далеко не всегда принималось в расчет.

Что касается русских источников по численности псковского гарнизона, то сведениями они делятся скупой. Мобилизационный разряд 1580 г. предполагал наличие в городе 2500 ратников дворянского ополчения, 2500—2700 стрельцов, 1400 человек артиллерийской obsługi и 500 казаков. Итого порядка 7000 бойцов, не считая горожан, способных защищать стены. Данные польской разведки, а также информация, полученная неприятелем от двух русских дворян, плененных в версте от Пскова, и непосредственно

во время боевых столкновений с русскими, показывают: Псков располагал 2500 стрельцов, 500 донских казаков, 1000 конников дворянского ополчения³³⁹. Сходство по части казаков и стрельцов — значительное. Что касается орудий и их obsługi, то их количество вряд ли могло существенным образом измениться по сравнению с 1580 г. А вот «недобор» поместной кавалерии объяснить легко: до наших дней дошли документы, сообщающие, что на последнем этапе Ливонской войны количество «нетчиков» (дворян, не являвшихся в войска по требованию воевод) оказалось весьма значительным. Страшным бичом стало дезертирство из действующей армии. Поэтому цифру в 1000 конников надо признать реалистичной, тем более учитывая, что исходит она от самих осажденных.

Вот выдержки из разрядной книги, рисующие печальную картину с набором войск для обороны Пскова: «Память³⁴⁰ Михаилу Ивановичу Внукову. Велел ему государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ехать в Вотцкую пятину³⁴¹ збирать детей боярских на государеву службу во Псков; а в Вотцкой пятине готов князь Василей князь Иванов сын Почюй Ростовский... А собрав детей боярских по списку... ехать с ними князь Василью Ростовскому на государеву службу во Псков к воеводе ко князю Ондрею Ивановичу Хворостинину тотчас... А самому Михаилу остатись в Вотцкой пятине з достальными детьми боярскими и, сыскывая, бити кнутом и высылать на государеву службу во Псков; а достальных собрав сполна, самому отвести во Псков. А которые дети боярские учнут бегати, и им имать детей их и людей, да где про них скажут, и им тамо посылать, да сыскав тех детей боярских, велено бити кнутом, да и дать их на поруки, а за поруками их выслать на государеву службу во Псков. А которых детей боярских не изъедут и скажут про них, что они бегают же, а живут по иным пятинам, и им посылать в те пятины, где про ково скажут, и велеть им имать да приводить к себе да

бить кнутом, а за поруками отвести на государеву службу во Псков. Да идучи им дорогою, беречи тово накрепко, чтобы дети боярские на дороге от них не отставали ни один человек... А хто по списку с ним детей боярских не поедет, и тем быть казненным, а поместья их и з животами³⁴² и с хлебом имать на государя... А не сберет детей боярские Вотцкие пятины всех по списку, на государеву службу во Псков без ослушанья тотчас не отведет, — и Михаилу Внукову и князю Василью Ростовскому быть в великой опале и в смертной казни»³⁴³. Вот так. Дворянское ополчение собирают под страхом битья кнутом, смертной казни и последующей конфискации имущества у семьи казненного... а всё равно не могут собрать! Упомянутый выше князь Василий Ростовский докладывает: «...многие дети боярские не слушают, на государеву службу не едут». Ослушников велят не просто «бить кнутом», а «бить кнутом по всем торгам», т.е. прилюдно, — не только причиняя боль, но и бесчестя. А помощника князя В. Ростовского, князя Василия Болховского, за нерадение в сборе ополченцев под Псков приказали оштрафовать на крупную сумму и бросить на несколько дней в тюрьму, а потом отправить в Москву, где, очевидно, будет определена его дальнейшая судьба³⁴⁴. Столь плохо шли дела уже в 1578—1579 гг. К 1581 г. положение ухудшилось...

В ходе осады гарнизону на помощь пробивались извне дополнительные отряды, в частности, группа стрелецкого головы Федора Мясоедова (не менее 300 бойцов), а также еще сотня бойцов Даниила Исленьева и еще небольшой отряд неизвестной численности на двух лодках (польские сведения). По известиям псковской летописи, в город пробился «приказ стрельцов с Никитою Хвостовым»³⁴⁵, — иначе говоря, еще порядка 500 человек. Поляки оценили численность отряда стрелецкого головы Хвостова в 700 бойцов, но они сочли, что во время ночного прорыва большую часть своей группы Хвостов растерял и в город-

ские ворота успела войти лишь сотня Исленьева. Более того, Пиотровский сообщает, что сам Хвостов со слугой оказался в польском плену³⁴⁶, и тут уж поляки вряд ли ошибаются... Всего, таким образом, осажденный город получил 500—800 воинов подмоги.

Таким образом, Псков располагал для обороны как минимум около 4500 стрельцов, казаков и поместной конницы, 1,5 человека артобслуги. Итого около 6000 воинов-профессионалов. Р.Г. Скрынников считал, что дворян в городе все-таки 2500, а не 1000, добавлял к этому числу еще и боевых холопов и получал в итоге порядка 4000 кавалерии³⁴⁷. Однако, хотелось бы повторить: количество дворянского ополчения могло быть гораздо меньше того, на что рассчитывали загодя. Добавление же к «детям боярским» вооруженных слуг (боевых холопов) вообще крайне маловероятно: во-первых, русские пленники, сообщая полякам о 1000 «конников», никак не делили их на дворян и холопов³⁴⁸; во-вторых, данные Н.В. Смирнова четко показывают: уже за несколько лет до «псковского сидения» разоренные поместные хозяйства не позволяли дворянам снаряжать вместе с собою в поход дополнительных людей³⁴⁹. Поэтому боевых холопов в составе дворянского ополчения было, надо полагать, совсем немного.

Итак, боевое ядро защитников города составляло порядка 6000 пеших и конных бойцов.

Сколько взрослых мужчин мог выставить Псков на стены в 1581 г.? Мнения историков расходятся в широчайшем диапазоне. Пишут о 12, 27, 35, даже о 50 тысячах вооруженных псковичей и жителей окрестных земель. Четкое понимание мобилизационных возможностей Пскова весьма затруднено: нет ясного представления о численности населения города. Можно назвать лишь приблизительные, неточные цифры.

Казалось бы, города и земли Московского государства неоднократно подвергались писцовым описаниям.

А качественно выполненная писцовая книга дает весьма подробные и обстоятельные сведения о жителях города, торговле, ремесленных занятиях, церквях и состоянии оборонительных сооружений. Описание ведется подворно, вследствие чего легко выявить количество постоянно проживающего населения. Так какая сложность — определить по писцовым книгам численность псковичей?

Проблема, к сожалению, заключается в том, что землеописания за XVI столетие сохранились далеко не полностью. Современный историк располагает ими лишь в виде фрагментов. Это в полной мере относится и ко Пскову. Есть летописное сообщение за 1510 г. о наличии в городе 6500 дворов³⁵⁰, то есть приблизительно 30 000 жителей³⁵¹. И есть еще писцовая книга 1585—1587 гг. Но последняя заключает в себе «лишь описание псковского торгового и оброчных угодий», т.е. неполна³⁵². По писцовым книгам первой половины XVII в. в городе — 812 «тяглых» (несущих всю сумму налогов и повинностей «на великого государя») дворов и 126 «белых» (избавленных от полноты «тягла»). Выходит... за столетие посадское население уменьшилось во Пскове на 87,5%! Но и эта цифра оставляет желать лучшего: во-первых, не принимаются в расчет дворы, занятые служилыми людьми (стрельцы, пушкари, воротники и т.п.)³⁵³. Во-вторых, и писцовая книга 1585—1587 гг., и тем более писцовые книги XVII в. ничего не могут сказать о демографии города в 1581 г. Ведь Псков испытал две мощные встряски: лишился множества жителей в результате тяжелой осады, а потом испытал на себе тяжелое дыхание Смуты... В качестве полезной основы, достоверность которой специалистами до сих пор не оспаривалась, остается лишь та самая летописная цифра за 1510 г.

Но, допустим, если в 1510 г. Псков населяло приблизительно 30 000 человек, то больше их стало, или меньше, скажем, к 1550 г.? К 1570-му? К 1581-му? Неизвестно. Можно предположить, что город рос, поскольку оказался

под надежной защитой государей московских. И с той же, если не большей, степенью вероятности можно говорить и о значительных потерях Пскова в десятилетия, непосредственно предшествовавшие Баториеву нашествию. Так, весной 1562 г. на город обрушился страшный пожар, унесший множество жизней. Зимой 1562/63 г. Псков понес колоссальные убытки, обеспечивая деньгами посошан из государевой армии, шедшей брать Полоцк. В 1566—1568 гг. Псков и вся окрестная область несколько раз проходили через массовые эпидемии, уложившие в гроб немало народу, в том числе архиепископа Трифона. В 1570 г. Псковщина понесла урон от большого опричного карательного похода, возглавленного самим царем. Наконец, в середине 1570-х Псков опять жестоко пострадал от повинностей, связанных с обеспечением посошной рати: «[Иван IV] повеле правити посоху под наряд и мосты мостити в Ливонскую землю и вифлянскую, и зелейную руду збирати; и от того налогу и правезу вси людие новгородцы и псковичи обнищаша и в посоху поидоша сами, а давать стало нечево, и тамо зле скончашася нужно от глада и мраза и от мостов и от наряду. Во Пскове байдаки и лодьи большии посохой тянули под ливонские города, под Улех и, немного тянув, покинули по лесом, и тут згнили, и людей погубили»³⁵⁴. К этому остается добавить потери, понесенные прифронтовой областью от боевых действий в ходе Ливонской войны.

Некоторую ясность вносит одно иностранное известие, хорошо известное любителям псковской старины.

Антонио Поссевино, посланник папы римского, выполнял дипломатическую миссию как раз в то время, когда шло «псковское сидение». Он лично подолгу бывал в лагере поляков под стенами города и оценивал его население в 20 000 жителей. Учитывая разорительные условия военного времени, его оценка представляется реалистичной. Кроме того, надо принять во внимание особую цеп-

кость папского представителя к вопросам, относящимся к сфере интересов разведки: военным силам России, ее экономическому и демографическому потенциалу, фортификации... Очень внимательный наблюдатель, Поссевино проявляет в таких случаях высокую точность. Если он прав, то город мог выставить на защиту своих укреплений в лучшем случае 6000—7000 взрослых мужчин. Если за оборонительными сооружениями укрылась какая-то часть населения псковской округи, то число бойцов увеличивается на тысячу-другую. Ясно, что, узнав об приближении королевской армии, во Псков поспешили далеко не все из окрестных жителей. Многие предпочли Баторию присягнуть, о чем есть недвусмысленные свидетельства документов. Другие укрылись в Псково-Печерской обители, располагавшей внушительными укреплениями. Третьи нашли пристанище в малых крепостях, расположенных неподалеку от города: таков был приказ И.П. Шуйского, отданный перед началом осады...³⁵⁵ Поэтому подмога, оказанная гарнизону со стороны окружных сёл, вряд ли оказалась сколько-нибудь значительной. Итак, предположительно, Псков мог вооружить для оборонительных действий 6000—9000 горожан и селян.

Если приплюсовать к силам гарнизона отряды вооруженного населения, всего получится 12—15 тысяч защитников³⁵⁶. Не 57 тысяч, не 35 и даже не 20, а намного меньше. Людские ресурсы Пскова к началу осады оставляли желать лучшего. А в период боевых действий, как уже говорилось, ему доставили весьма скромную помощь извне. Последние два-три месяца «псковского сидения» осажденные не получили никакого подкрепления от русских войск, оперировавших на флангах и в тылу неприятеля.

Отчасти эта плачевная ситуация компенсируется тем, что осаждающие вынуждены были распылать свои силы. Прежде всего, полякам нанесли, хоть и незначительный, а все же урон в живой силе, когда они осаждали крепость

Остров. Кроме того, изрядных потерь польскому командованию стоили бесплодные атаки на Псково-Печерский монастырь. Оголодавшие солдаты армии вторжения пытались добыть монастырские припасы, а заодно поживиться богатствами обители, но, положив немало людей, отступили. Наконец, на отдельные отряды Батория — его фуражиров, разведчиков, обозников — время от времени нападали русские мобильные силы, базировавшиеся на соседние города и крепости.

Выясняя, сколько бойцов имел под своими знаменами Стефан Баторий, надо учитывать, что Речь Посполитая была крепко потрепана войной и внутренними потрясениями. На протяжении многих лет страна вела изнурительные боевые действия. Ее мобилизационные возможности оставляли желать лучшего. Поэтому ничуть не удивляет тот факт, что отряды иностранных наемников — немцев, венгров, французов, шотландцев — при осаде Пскова были использованы польским королем в качестве главной ударной силы. Самих поляков и литовцев элементарно не хватало для продолжения войны. Да и деньги, насущно необходимые при столь масштабных боевых действиях, король получил с большим трудом. Еще один поход, после псковского, польский монарх уже в принципе не мог планировать.

Тем не менее по страницам статей, монографий и научно-популярной литературы гуляют весьма завышенные оценки численности Баториевой армии. Чаше всего встречается цифра: 47—50 тыс. конницы и пехоты³⁵⁷. Она опирается на польский источник — воинские реестры, однако не вполне достоверна. Разбираясь с этим видом делопроизводства, трудно отличить отряды, действовавшие в армии Батория непосредственно при осаде Пскова, от отрядов, привлеченных к походам и прочим боевым

операциям хоть и на главном направлении, но в других местах.

Разумную позицию занял В.В. Новодворский. По его мнению, «...силы Батория... доходили до 60 000 человек. Но всеми этими силами король не мог воспользоваться: он должен был отрядить одну часть на соединение со шведами, с которыми он желал поддерживать дружественные отношения, другую — на защиту различных крепостей государства, так что свободным оставался отряд в 40 000 человек». Однако и эти силы Баторий мог собрать лишь при крайнем напряжении сил. Новодворский убедительно доказывает, что у Великих Лук польский король располагал силами около 35 000 бойцов или несколько менее того. Что касается похода под Псков, то в данном случае, по оценкам историка, «...вся армия Батория доходила только до 30 000 человек»³⁵⁸.

Современный польский историк Х. Котарский подсчитал по воинским реестрам за 1579 г., что все силы Речи Посполитой насчитывали 56 000 ратников, а в поход для ведения активных боевых действий на основном направлении страна могла выставить в лучшем случае несколько менее 42 000³⁵⁹. Но это — если собрать все боевые силы в одном месте, чего никогда не бывало. По этой же работе видно, что во время Великолукской кампании против России у Батория было порядка 48 300 бойцов, а притом, по словам исследователя, «на главном направлении боевых действий», или, иначе, «на главном театре военных действий», король мог использовать порядка 43 000³⁶⁰. Что касается следующей кампании, а именно Псковской, то мобилизация воинских сил Речи Посполитой осложнялась значительными финансовыми проблемами. Очевидно, порядок численности коронных и литовских войск (считая и все наемные отряды) сравним с тем, что было у Батория год назад. Предположительно, король располагал несколько

меньшими силами, но — незначительно меньшими. Будучи задействованы на литовско-ливонском фронте, все ли они оказались собраны в королевском лагере у стен Пскова? Трудно сказать. Скорее всего значительная часть их оказалась в других местах, хотя и в рамках того же направления. Какой-то процент вошел в состав гарнизонов по городам и замкам «главного направления», какой-то был использован на флангах армии для ее поддержки и охраны приграничных земель, какой-то — действовал в Ливонии и в Северной земле под Трубчевском, где поляками велись активные боевые действия³⁶¹, но в осаде никакого участия не принимал.

Реалистичные цифры даны в другом польском источнике — переписке участника «псковского сидения» Ст. Пиотровского, не совсем верно именуемой «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию».

Ксендз Ст. Пиотровский пишет о 8000 кавалерии, 14 000 пехоты и 20 осадных орудиях, при которых должна была состоять особая обслуга³⁶². Итого 22—23 тыс. воинов. Это весьма правдоподобная цифра, поскольку она дается по результатам воинского смотра, произведенного 12 августа уже в походе; к тому же дается она человеком, который был одним из секретарей королевской канцелярии и писал по поручению коронного маршала Андрея Опалинского. Он пишет, опираясь на документы. Переписка имела деловой конфиденциальный характер и не предназначалась для широкой публики. Поэтому Пиотровский, имея исключительно едкий склад личности и весьма ироничный стиль письма, не стесняясь, дает волю и тому, и другому. Он проявляет критическое отношение к военным вождям и порой даже к самому королю. Иными словами, это автор, в высшей степени не склонный к победным фанфарам, восхождению на котурны и эпическим пассажам о воинской героике. Его текст — живописание крови, грязи, потерь и тревог. И Пиотровский прямо го-

ворит: маловато народу собралось для столь серьезного дела, как взятие Пскова! Тут не до прибытка, самим уйти бы живыми...

Позднее Пиотровский добавляет: 12 сентября в лагерь Стефана Батория прибыл сикурс: около 1000 конников и «сколько-то пехоты», примерно те же цифры названы и в историческом сочинении Рейгольда Гейденштейна. 17 октября, по Пиотровскому, прибыло 150 шотландских наемников (по Ливонской хронике Ф. Ниенштедта, их было 200), а в начале декабря пришли вести о скором прибытии еще 200 шотландцев³⁶³. По данным того же Пиотровского, 27 августа Стефан Баторий устроил воинский смотр двум отрядам: Юргена Фаренцбека (150 немецких наемных кавалеристов и 1600 немецкой же наемной пехоты), а также курляндского герцога (150 конников). Надо полагать, смотр устраивали новоприбывшим войскам, а не тем, кто давно оказался в составе армии. Гейденштейн, повествуя о событиях самого начала осады, до начала инженерных работ под стенами (т.е. тот же конец августа), говорит: «к тому времени» прибыл Фаренцбек со своими людьми, «в то же самое время» явился и некий Варфоломей Бутлер с отрядом и «несколько волонтеров из Пруссии». Бутлер служил поручиком в войсках курляндского герцога, поэтому можно констатировать: в двух разных источниках речь идет об одном и том же событии³⁶⁴. Значит, на исходе августа армия Батория получала еще одно значительное пополнение — около 2000 бойцов, в основном пехоты. И всего пехотных отрядов у короля набиралось порядка 16 000 человек.

Итого получается порядка 25—27 тыс. конников, пехотинцев и артиллеристов. Это, конечно, меньше тех 40 с лишним тысяч которые теоретически могли быть собраны для действий на всем «главном театре военных действий», — используя терминологию Х. Котарского. Но следует учитывать, что силы главного направления были

разбросаны по разным точкам и участкам, помимо королевской армии, осаждающей Псков.

Косвенно правильность этих выводов подтверждают свидетельства о сборе Стефаном Баторием воинской силы для похода на Псков. Некий Нарвит, офицер из роты кастильяна Гнезненского, примкнувший к армии польского короля, сообщает в письме от 9 июля 1581 г., что у Батория к тому времени имелось менее 10 000 бойцов, годных для военных действий. По мнению Нарвита, волонтеры набирались плохо, их меньше, чем в прошлом году. Да и войск в целом вряд ли окажется больше, нежели год назад. Ядро армии к тому времени составляли венгры, но их лишь 5000³⁶⁵. Между тем поход Батория на Псковщину начался в 20-х числах июля. По дороге к его армии присоединилось несколько отрядов, не изменивших численность королевского войска кардинально. Вряд ли за декаду или чуть более Баторий сумел увеличить количество своих бойцов в четыре раза: с десяти тысяч до сорока!

По словам того же Пиотровского, к 14 ноября 1581 г. всей кавалерии у осаждающих осталось менее 7400 бойцов (результаты смотра, проведенного поротно), а к 4 декабря — 7000 конников³⁶⁶. Таким образом, задолго до завершения осады в этом роде войск армия Батория потеряла около 2500 человек (в том числе и дезертирами). После этих цифр мало веры можно дать известию Гейденштейна, будто в составе армии, отступавшей от Пскова после неудачной осады, оставалось... 24 000 одних только кавалеристов³⁶⁷. Но ведь не зря же Гейденштейна именовали «герольдом воинской славы Стефана Батория»! У него многое показано в несколько... облагороженном виде.

В походе 1579 г., когда Стефан Баторий брал Полоцк, под его знаменами собралось воинство в 16 000 бойцов, превосходившее осажденные русские войска по численности в 2,6 раза (6000, но есть данные, что там было 3000); позднее, при взятии Великих Лук, «...численное преиму-

щество войск Речи Посполитой» было подавляющим — 5,8 : 1 (35 000 против 6000 или даже около 1500)»³⁶⁸. Похоже, к 1581 г. польский король совершенно уверился в собственной непобедимости. Его новая армия в лучшем случае лишь вдвое превосходит силы защитников Пскова, притом сами поляки считают, что там собралось гораздо больше бойцов... Если сложить этот факт с другим, а именно с тем, что Стефан Баторий взял с собою в поход недостаточное количество пороха и ядер (а источники не оставляют в этом ни малейшего сомнения), то всё его масштабное предприятие начинает испускать отчетливый запах авантюры...

Сам король, явившись под стены города, почувствовал огромный риск своего положения. Он не стал скрывать сомнений от ближайших советников. Его биограф Рейнгольд Гейденштейн сообщает об этом с полной откровенностью: «Рассмотрев укрепления города, король легко понял, что он был прав, когда не соглашался сначала с мнением тех многих, которые утверждали, что лучше всего прямо идти сюда, и что далеко не все, как он сам теперь узнал, было ему сообщено о положении города Пскова и его укреплениях. *Он видел, что приступил к осаде города, не имея достаточно пехоты, что если бы он хотел, не щадя величайших усилий, взять город приступом, то нужно было бы привести ее втрое больше, что у него не было и достаточных запасов пороха* (курсив мой. — Д.В.). Запас в Сузе (Суше? Сураже? — Д.В.) сгорел от неосторожного обращения с огнем тех, которые охраняли его; а в замен его, вследствие предвзятой мысли о мире, с самого начала подскарбиями заготовлено было недостаточное количество; да притом, вследствие особенной трудности подвоза, так как только по реке оставалась возможность транспорта, они с трудом могли привезти даже и тот, который был приготовлен. Вследствие того, раздумывая о всех случайностях, ему казалось иногда, что лучше было

бы или, оставив Псков, направиться прямо к Великому Новгороду, который, как полагали, был менее укреплен, или обратиться к соседним крепостям: Порхову и Гдову и уже, покорив их, из них теснить город, так как первая, находясь между Новгородом и Псковом, как полагали, очень удобна была для того, чтобы отрезать Псков от подкреплений и подвоза съестных припасов, а последняя прилегает к крепости Ивангороду, который образует Нарвский порт; но с одной стороны как и вышеуказанные доводы и опасность от Пскова, а с другой и слава самого Новгорода, который также, как известно, и сам может иметь значительные силы, чтобы сопротивляться, наконец дальность дороги, ибо уже кончалось лето и ожидалась непогода, не допускали исполнить упомянутое намерение. Что касается до второго способа осады и взятия соседних крепостей, то, по его мнению, во-первых, это было бы недостойно славы начатого похода, а во-вторых, придало бы мужества неприятелю. Вследствие таких соображений, не отчаяваясь в возможности преодолеть вышеозначенные трудности при помощи доблестного духа и храбрости своих воинов, при содействии которых он уже достиг многого другого, король стал обдумывать выбор места для лагеря»³⁶⁹.

Иными словами, бывалый полководец, придя под стены великой крепости, почувял, что дал маху, подготовившись недостаточно хорошо. Но отступить-то уже поздно! Приведя в действие огромный военно-политический механизм Речи Посполитой, монарх не мог просто взять и вернуться с армией назад. В то же время он не мог отыскать приемлемой замены для цели похода. Тут уж, как говорится, раньше надо было думать. Что же Баторий, изобрел какой-то свежий тактический ход? Отыскал способ доставить под Псков новые силы, добыть еще пехоты, еще пороху? Может быть, он разработал иной стратегический план давления на Северо-Западную Русь? Нет, ничего подобного.

Он просто понадеялся на польский авось. Иначе говоря, на «доблестный дух и храбрость своих воинов».

Авантюра?

Очень похоже на то.

Правда, у поляков имелось преимущество иного рода: они располагали армией, состоящей из профессионалов. Стефан Баторий собрал шляхту и наемников — венгров, немцев, французов, шотландцев, итальянцев и т.п. Иными словами, людей, которые на протяжении многих лет занимаются военным делом, живут от войны к войне. Они соответствующим образом вооружены, экипированы, обучены. По вооружению и боевому опыту на один уровень с ними могут быть поставлены наши стрельцы, казаки, а также поместное ополчение (дворяне и их боевые холопы). Что же касается горожан и селян, способных выйти на стены и драться с неприятелем, то при всем их героическом настрое они в боевом отношении стоят гораздо меньше, чем любой из наемников Батория. Качественное преимущество королевской армии отчасти компенсирует недостаток преимущества численного.

Это качественное преимущество еще скажется...

Польские источники говорят о том, что русский царь располагал громадной армией, чуть ли не 300 000 бойцов, но не решился напасть на Батория в открытом поле. Время от времени он отправлял какие-то громадные орды татар — в 7000, 10 000 и даже 20 000 на врага, а доблестное польское рыцарство их разгоняло. Псковский летописец также пенял государю, мол, отчего не помог нам, когда на нашу землю пришел иноземный монарх, а у тебя в Новгороде стояло 40 000 с князем Ю. Голицыным и в Старице еще 300 000 под твоим командованием?

Но откуда бы взяться подобным армиям? Что за фантазии? Какие 300 000? Какие 40 000 тысяч? Да и татар служилых никогда не собирали такое множество! В 1579-м,

специально для отражения Батория, их отобилизовали в армию, возглавляемую самим государем, чуть более 6000 — со всей России! В составе легких самостоятельных полевых соединений служивых татар бывало намного меньше.

Для сравнения: в 1577 г., руководя крупной армией вторжения, куда были отобилизованы главные силы Московского государства, Иван IV располагал 20 000 боевых способных войск! В 1579-м, собираясь биться с Баторием, царь возглавил 28 000 бойцов! Все силы царства пришлось напрячь, концентрируя такие рати. Но в обоих случаях дворянской конницы было намного менее половины. Часть этих сил пришлось потратить, занимая многочисленные крепости Ливонии гарнизонами. Другая часть полегла в несчастливом сражении у Вендена. Кому-то следовало бороться со шведами в русской Ливонии. Кому-то — оборонять от литовцев Смоленск и Северскую землю. Кто-то сложил голову в крепости Сокол, а также в несчастливых для России боях при Торопце и Холме... Что мог бросить в бой государь Иван Васильевич против Батория, когда тот устремился к Пскову? Наверное, тысяч десять — пятнадцать. В лучшем случае...

Исходить надо из того, что Речь Посполитая, даже если не считать союзных для нее шведов, значительно превосходила Россию по численности бойцов на направлении главного удара. Вышел бы царь Иван против Батория с войском, и в лучшем случае погиб бы со славой после первого же большого сражения.

Не следует винить Ивана Васильевича в трусости и нерешительности. Как умный человек, он предпочел терпеть упреки, но сохранить остатки вооруженных сил от неминуемого разгрома.

Но другая вина лежит на нем. Как довел государь великую страну до состояния, когда ему не с кем оказалось выйти против неприятеля? Какою дипломатией? Какими ратными

подвигами? Почему не сумел вовремя остановиться, ведя страшную борьбу за ливонские земли? Горько и правдиво звучат слова другого псковского летописца: «Сий царь и великий князь Иван, по Божии милости и пречистые Богородицы и великих чудотворцов, взят Казанское царство и Астраханское, и вознесся гордостью, и начат братитися и дружбу имети з дальними цари и короли, с цысарем и с турским, а з ближними землями заратися и начат воеватися; и в тех ратех и воинах ходя свою землю запустошил»³⁷⁰.

Благодаря тому, что до наших дней дошли официальные документы Разрядного приказа — «Генерального штаба» в Московском государстве, — известны имена всех основных военачальников, защищавших Псков от Стефана Батория. Полезно будет привести всю разрядную запись о «начальных людях», возглавлявших оборону города. Они достойны этого как минимум в силу блистательно выполненного воинского долга.

Вот их список: «Тово же году [1581] литовской и польский король Степан Обатур стоял у государева у города у Пскова, и тогда были бояре и воеводы в осаде во Пскове: боярин и воевода князь Василей Федорович Скопин-Шуйской да боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйской да воеводы Микита Иванович Очин-Плещеев, да князь Ондрей Старко Иванович Хворостинин, да князь Володимер Иванович Бахтеяров-Ростовской, да князь Василей Михайлович Лобанов-Ростовской; да головы: Ондрей Васильев сын Замыцкой, Левонтей Иванов сын Оксаков, князь Василей княж Иванов сын Мещерской, Клим Данилов сын Милюков, Костентин Дмитриев сын Поливанов, Григорей Семенов сын Овцын.

А хто в котором городе воевода был, и тому роспись:

В Большом городе — боярин и воеводы князь Василей Федорович Скопин-Шуйской да князь Ондрей Старко Иванович Хворостинин;

В другом в Среднем городе, где государев двор, да в городе в Кремле — боярин и воеводы князь Иван Пятрович Шуйской да князь Володимер Иванович Бахтеяров-Ростовской;

В Запсковском городе за Псковою рекою — воевода Микита Иванович Очин-Плещеев да князь Василей Михайлович Лобанов-Ростовской»³⁷¹.

По сведениям летописи, все вторые воеводы — князя Хворостинин, Бахтеяров-Ростовский и Лобанов-Ростовский — считались «вылазными»³⁷². Иначе говоря, в их функции входило действовать против неприятеля за пределами Псковской крепости.

Помимо князя Бахтеярова, всё это были опытные люди, побывавшие в походах и при обороне крепостей на высоких постах. Иван IV, зная стратегическую важность Пскова, на протяжении нескольких лет держал там сильный командный состав.

Князь Андрей Иванович Хворостинин — брат знаменитого полководца Д.И. Хворостинина. Андрей Иванович начал получать «именные» службы лишь в опричнине, прежде разряды его «военную работу» не улавливают. Впрочем, среди опричных воевод он появился очень рано, еще в 1565 г., под Болховом (как третий воевода); под Калугой осенью 1567 г. он фигурирует как второй воевода в Сторожевом полку³⁷³. Андрей Иванович попал в состав опричных воевод, очевидно, молодым человеком, его «втащил» туда старший брат. Особой роли он в армейской организации опричнины не сыграл. Однако после отмены опричнины он неоднократно ходил в полковых воеводах и возглавлял крепостные гарнизоны. К 1581 г. это уже, бесспорно, весьма опытный военачальник. Большую карьеру князь сделал намного позднее, в царствование Федора Ивановича.

Н.И. Плещеев-Очин принадлежал древнему боярскому роду Плещеевых. Это командир с изрядным послужным

списком. В сентябре 1547 г. он присутствует на свадьбе князя Юрия Васильевича и княгини У.Д. Палецкой — «со княгининым изголовьем»³⁷⁴. Очевидно, тогда он еще юноша, поскольку «именные» назначения его в армейских разрядах начнут появляться лишь десять лет спустя. Осенью 1557 г. он отправляется в Темников — первым воеводой³⁷⁵. В 7070 (1561/1562) г. Никита Иванович — один из воевод в Смоленске, затем второй воевода Сторожевого полка в рати, отправленной «в литовскую землю» (первый воевода того же полка — его брат Иван)³⁷⁶. В 7072 (1563/1564) г. он сидит воеводой в маленькой Керепети на ливонском рубеже, откуда в апреле 1564-го переходит наместником в Почеп, а оттуда на следующий год возвращается в Керепеть³⁷⁷. В промежутке от первого воеводского сидения в Керепети до наместничества в Почепе Н.И. Плещеев-Очин принял участие в походе большой русской рати воевод кн. В.С. и П.С. Серебряных-Оболенских в район нынешней Северной Белоруссии; оттуда 12 февраля 1564 г. он прискакал гонцом к Ивану IV с отчетом о тактическом успехе армии Серебряных³⁷⁸. Плещеевы вошли в опричнину как «системообразующее» семейство. Первые пять лет они занимали там ключевые посты. Однако четвертому, младшему, брату из отрасли Плещеевых-Очиных предстояло оказаться в тени высокопоставленных родственников и вне крупных воеводских назначений. Он был в 1569 г. всего лишь третьим воеводой в отряде «из опричнины», ходившем отбивать Изборск вместе с земским корпусом М.Я. Морозова. Тем не менее Никита Иванович, уповая на выдающееся положение родни, в этом походе бил челом «в отечестве о счете» на окольничего В.И. Колычева-Умного, представителя другого великого опричного рода. Ему сопутствовал успех: удалось добиться права идти в поход «без мест» и получить «невместную грамоту»³⁷⁹. Когда семейство Плещеевых потеряло высокие чины и лишилось нескольких видных своих представителей в результате

опалы на боярина А.Д. Басманова-Плещеева, у Никиты Ивановича был серьезный враг — влиятельные Кольчевы-Умные. Воевода, однако, благополучно пережил опричные казни ближайших родственников. Затем Никита Иванович на несколько лет исчезает из разрядов. Лишь в 1573 г. ему доверят небольшой отряд для самостоятельных действий в Ливонии, затем, весной-летом 1575 г., он опять появится на службе — как второй воевода в Туле, а через год, в августе 1576-го, уже возглавит полк Левой руки на «береговой службе» у Каширы³⁸⁰. Впоследствии его станут постоянно отправлять в походы на воеводских должностях, он возглавит полки и целые армии, заработает околичничество и будет последний раз упомянут разрядами в апреле 1593 г.³⁸¹ Фактически Н.И. Плещеев-Очин окажется одним из самых востребованных русских полководцев периода последних лет правления Ивана IV и большей части царствования Федора Ивановича.

Князь В.М. Лобанов-Ростовский, знатный аристократ-Рюрикович, попробовал тягот армейской службы еще в чине воинского головы³⁸². Воеводские должности он начал получать с весны 1578 г.³⁸³ Позднее он сидел воеводой в Пронске и возглавлял полки оборонительных ратей на юге, против татар³⁸⁴.

Помимо воевод, в этой разрядной записи перечислены также имена голов, то есть командиров меньшего ранга, по всей видимости, возглавлявших стрелецкие отряды. Это А.В. Замыцкий, Л.И. Аксаков, князь В.И. Мещерский, К.Д. Милюков, К.Д. Поливанов, Г.С. Овцын. Среди них наибольшим опытом отличался Поливанов, бывший когда-то крупным воеводой в опричнине и доверенным лицом государя.

К городской артиллерии приставили весьма опытного дьяка Пушечного приказа Тереха Лихачева, ранее неоднократно участвовавшего в военных предприятиях³⁸⁵.

Казачий отряд возглавлял Михаил Черкашенин — личность знаменитая. Поляки, видимо, считали его изменником. А вот Шуйский удержал его отряд в городе, вероятно, какими-то посулами, поскольку счел разумным усилить небольшой гарнизон пятью сотнями превосходных бойцов. Гейденштейн пишет об этом, не скрывая досады: «Под предводительством Николая (ошибка Гейденштейна. — Д.В.) Черкасского, родившегося в королевской области, но уже давно служившего Московскому царю, пришло туда несколько казаков с тем намерением, чтобы по своему воинскому обычаю расставлять засады для захватывания бродивших на полях и для угона добычи. Привыкши на практике к такому роду военной службы, не имея на себе никакого оружия, едва только прикрывшись одеждою для защиты против непогод, они сражаются вооруженные саблею и одним копьём, очень часто владея, впрочем, и ружьем; как по легкости оружия, по способности переносить жажду, голод и труды, так по привычке и сноровке своей, они в особенности годятся для того, чтобы окружать и захватывать одиночных, для расследования дорог, местностей, сил неприятельских... Однако Шуйский, пригласив их на обед, задержал внутри города»³⁸⁶.

Подытоживая: во Пскове собралось несколько «звезд» воинского командования России. А те, кого нельзя назвать таковыми все же по большей части должны были считаться людьми с солидным багажом тактического опыта.

Противник знал этих людей. Немудрено было оценить их способности, не раз проявлявшиеся на полях сражений Ливонской войны. По сведениям поляков, «...из них пользовался большим уважением у московского царя Иван Шуйский по своему уму, Хворостинин по телесной и нравственной силе; поэтому, хотя Василий [Скопин-Шуйский] был старше Ивана, однако главное начальство поручено было Ивану... Среди начальников пехоты особенную репутацию серьезности и мужества имел Козецкий, поль-

зовавшийся также расположением великого князя ради храбрости своей и высокого роста»³⁸⁷. Очевидно, «начальниками пехоты» названы головы, а Козецким поименован Замыцкий.

Псков славился мощными укреплениями. Город раскинулся на огромном пространстве у слияния рек Великой и Псковы. Первая из них протекала с юга на север, а вторая — с востока на запад, охватывая плавной дугой псковские предместья с запада. Район Завеличья, располагавшийся на западном берегу Великой, не располагал могучими крепостными сооружениями. Поэтому его не собирались оборонять и сразу отдали Стефану Баторию. Сердцем города был Кром — древняя крепость, твердыня, возвышавшаяся на холме над речным углом. В Кроме стоял Свято-Троицкий соборный храм Пскова. Второй пояс укреплений располагался к югу от Крома. Он носил название Довмонтов город по имени литовского князя, служившего псковичам в XIII веке и прославившегося воинскими подвигами. Большое пространство охватывал Средний город. Его стены представляли собой границу Пскова в XIV столетии. Город давным-давно вырос из нее, как юноша из детской рубашечки. Главной линией обороны, за обладание которой и шла борьба в 1581—1582 гг., стал Большой город, или, иначе, Окольный город. Он состоял из новых мощных укреплений: «Стена большого города... простиралась на десять километров, имела тцать семь башен и сорок восемь ворот. Стены были многоярусными, с удобными переходами на стены и подземными ходами, позволяющими маневрировать силами»³⁸⁸. За Псковой укрепления продолжались.

С восхищением пишет об оборонительных сооружениях города советский специалист по псковскому средневековому зодчеству Ю.П. Спегальский: «В XVI веке приняла окончательный вид вся система псковских крепостных

сооружений. В нее вошли и более древние части — стены Крома и Среднего города, относившиеся в значительной степени ко второй половине XIV и XV веков, укрепления Запсковья и некоторые башни Окольного города, возведенные в конце XV века. Но все же в целом псковские стены и башни, остатки которых дошли до нашего времени, представляют собой памятник XVI века... Комплекс древних оборонительных сооружений Пскова — выдающийся памятник древнерусского крепостного зодчества, не имеющий равного по величине и полноте составляющих его частей. Стены с палатками и лестницами для сообщения разных ярусов обороны, башни, захабы, ворота, тайники и слухи (подземные контрминные галереи) щедро представлены в этом грандиозном памятнике... В древности псковские стены, башни и захабы были покрыты обмазкой и выбелены и ослепительно блистали на солнце; ...вдоль реки Великой стены Среднего и Окольного города подходили почти к самой воде... а по всему Окольному городу и Запсковью перед ними были широкие и глубокие рвы с мостами у ворот; ...проезжие ворота закрывались тяжелыми воротными щитами и опускными решетками, окованными “досчатым” и полосовым железом; ...при воротах снаружи бывали еще дополнительные захабы и остроги и под широкими навесами в виде киотов помещались большие иконы и даже раскрашенные скульптурные изображения Георгия Победоносца; ...изнутри при воротах бывали караульни, деревянные или каменные, и пушечные шатры, в которых стояли крупные пушки и пищали; ...всюду в башнях, в казематах у “подошвенных боев”, на роскатах, в захабах, у бойниц располагался многочисленный “наряд” “огненного боя” с запасом ядер и другими принадлежностями; ...наконец, протяженность всех стен Крома, Среднего города, Окольного города и Запсковья превышала десять километров, и на них стояло сорок башен и захабов».

Мощь городских оборонительных сооружений вызывала почтительное отношение даже у противника: «Со всех сторон имеются очень крепкие башни, сделанные из... камня. Так как башни прежней постройки недостаточно были равны между собою и вследствие того не прикрывали себя взаимно от пушечных выстрелов, направленных от одной к другой, то, поставив с углов тех новые стены и покрыв их весьма толстым дерном, и разместив по ним окна (бойницы) он (московский царь) устроил так, что они находились на равном друг от друга расстоянии. У тех же башен, которые оказались частью слишком тесными, частью слишком непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрелы от тяжелых орудий, с внутренней стороны на удобных местах расставил другие башни... деревянные, сделанные с великим тщанием из самых крепких бревен и снабдил их достаточным количеством больших пушек... Так как московский царь... полагал, что нисколько не должно сомневаться в том, что король по взятии Лук направится ко Пскову, то снабдил его весьма хорошо всем нужным для выдержания осады и приказал все свезти туда в огромном количестве»³⁸⁹. Пороха, снарядов, продовольствия в городе хватало. Он был обеспечен всеми необходимыми для «осадного сидения» припасами.

Расположение псковских укреплений фактически диктовало осаждающим план их штурма. Захват Запско-вья ничего не решал: даже в случае успеха королевская армия оказалась бы перед водной преградой (Псковой) и высокими стенами Крома. Атака через реку Великую, пока ее не сковал лёд, была бы, несомненно, безумным предприятием. Форсировать полноводную Великую под огнем русских пушек и пищалей значило обрекать армию на истребление. Таким образом, оставался Большой город. Точнее, южный — юго-восточный участок его стен, не защищенный от вражеского приступа реками. Но здесь и укрепления были наиболее мощными. Ключом ко всей

позиции оказалась Покровская башня. Именно она представляла собой наиболее уязвимое место Большого города. По ней королевские артиллеристы могли вести огонь с трех сторон: с юга (фронтальный обстрел), от позиций в районе Мирожского монастыря (фланговый обстрел) и, хуже всего, еще из-за реки Великой, в тыл. Соответственно главные силы защитников города концентрировались именно здесь.

К ночи с 5 на 6 сентября поляки и венгры подошли достаточно близко к стенам, чтобы можно было поставить шесть первых осадных пушек на позицию. В следующую ночь они выдвинули остальную осадную артиллерию.

7 сентября началась бомбардировка города. Три батареи — одна польская и две венгерских — непрерывно били в стену и башни южной части укреплений. Одна из них вела огонь из Завеличья.

«Стены клубились, как дым; мы не думали, что они будут так непрочны... — пишет участник осады. — В окопах убили пушкаря и из мортир — несколько рядовых: но без этого обойтись нельзя. Из города стреляют тоже не дурно, но из названных двух башен русские должны были поспешно убрать орудия в другое место и прекратить пальбу»³⁹⁰.

Могучие оборонительные сооружения Пскова казались несокрушимыми. Но эта иллюзия была развеяна очень быстро. Польским и венгерским артиллеристам, располагавшим современной артиллерией, удалось всего за один день нанести городским укреплениям страшный ущерб. Сказалась непрочность строительного материала, да и то, что цельнокаменные стены элементарно не были рассчитаны на такую бомбардировку.

Пушкари королевской армии снесли своим огнем Покровскую башню, разбили стену на двадцать четыре сажени рядом с нею и еще на шестьдесят девять — в других

местах, сильно повредили Угловую и Свинусскую³⁹¹ башни. Такие проломы как будто зазывали неприятеля совершить дерзкую атаку. Именно это и произошло: король отдал приказ начать общий штурм на следующий день.

Псковские воеводы отлично видели, с какого направления исходит основная угроза городу. В наиболее опасном месте — на участке от Покровских до Свинусских ворот — Иван Петрович поставил князя Андрея Ивановича Хворостинина, надеясь на его опытность и отвагу.

8 сентября штурм начался. Несколько десятков «охотников» осторожно двинулись к проломам, чтобы осмотреть их и, вернувшись, дать рекомендации к наилучшему проведению штурма. Когда они вышли, артиллерия и стрелки осаждающих открыли огонь по тем участкам стены, которые не были разрушены до того, — для отвода глаз.

Как только «охотники» начали свое дело, остальные — венгры, а за ними немцы, поляки — бросились вперед безо всякого порядка, не дожидаясь возвращения разведчиков. В лагере Батория велик был энтузиазм по поводу предстоящего штурма. Немало отыскалось добровольцев — попытать счастья в проломах. Поэтому, когда у венгров не выдержали нервы, остальных невозможно было остановить.

Вражеские толпы добежали до развалин башен и заняли их, горделиво поставив хоругви. Но дальше наступать не смогли: путь им преграждали руины, обвал стены и, главное, ров, предусмотрительно вырытый сразу за стеной по указанию Ивана Петровича. Сразу за этими препятствиями на земляных насыпях стояли ратники Шуйского, поливая огнем разбитые башни и проломы.

Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» рассказывает: «В пятом часу дня... литовские воеводы и ротмистры, и все градомцы, и гайдуки

проворно, радостно и уверенно пошло к граду Пскову на приступ...» Во Пскове ударил сигнальный колокол у церкви Василия Великого. «Государевы... воеводы со всеми воинами и стрельцами... изготовились и повелели из многих орудий по вражеским полкам стрелять. Стреляя беспрестанно из орудий, они многие полки побили; бесчисленно литовских воинов побив, они устлали ими поля. Те же упорно, дерзко и уверенно шли к городу, чудовищными силами своими, как волнами морскими, устрашая... Все бесчисленное войско, закричав, устремилось скоро и спешно к проломам в городской стене, щитами же и оружием своим, и ручницами, и бесчисленными копьями, как кровлею, закрываясь. Государевы же бояре и воеводы со всем великим войском, Бога на помощь призвав, бросили христианский клич, призывно вскричали и так же стойко сражались с врагом на стене. А литовская бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские; христианское же войско, как звезды небесные, крепко стояло, не давая врагу зайти на стену. И был гром великий... и крик несказанный от множества обеих войск, и пушечных взрывов, и стрельбы из ручниц... Пролом, пробитый литовскими снарядами, был велик и удобен для прохода, даже на конях можно было въезжать на городскую стену... Поэтому многие литовские воины вскочили на стену града Пскова, а многие литовские ротмистры и гайдуки со своими знаменами заняли Покровскую и Свинусскую башни и из-за щитов своих и из бойниц в город по христианскому войску беспрестанно стреляли. Все эти проверенные лютые литовские градоёмцы, первыми вскочившие на стену, были крепко в железо и броню закованы и хорошо вооружены...»

Приближенные подходили к Стефану Баторию и поздравляли его с победой. Однако до победы было далеко: защитники Пскова продолжали оказывать сопротивление на стенах. «Государевы... бояре и воеводы и все ратные

люди, и псковичи с ними тоже крепко и мужественно бились: одни под стеною с копьями стояли, стрельцы стреляли по врагам из пищалей, дети же боярские из луков стреляли, другие же бросали в них камни, остальные, кто как мог, помогал спасению града Пскова. И из орудий непрестанно по врагу стреляли и никак не давали сойти в город. Литовское же воинство упорно и настойчиво со стен, и из башен, и из бойниц беспрестанно стреляло по русскому воинству... И можно было видеть, как христианские воины, словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру. Другие же изнемогали от многочисленных ран, нанесенных литовским оружием, и ослабевали от усталости — день тогда был очень солнечный и знойный; но все крепились...»³⁹²

Первыми оседлали Свинусскую башню немецкие наемники Фаренцбека, но их отбили с большим уроном. Венграм, литовцам и полякам удалось не только занять две башни с участком стены, но и удерживать позицию в течение трех часов³⁹³. Поляки даже захватили древоземляное укрепление, поставленное за башней. Попытки выбить их оттуда сразу же, наличными силами, успеха не имели. Но оставлять неприятелю занятые им укрепления никто не собирался. Шуйский постепенно усиливал напор на вражеских «градоемцев», бой шел с невероятным напряжением...

Штурмующим отрядам пришла подмога из королевского лагеря — еще две тысячи свежих бойцов. Настал решающий момент боя. Русских немного отделило от поражения. Однако защитников Пскова выручило искусство артиллеристов. Они установили на насыпи, недалеко от пролома, мощное орудие «Барс» и ударили по Свинусской башне, занятой польской пехотой. Меткая стрельба выбила из строя множество нападающих. Их напор ослабел. Верхняя часть башни, уцелевшая после вражеской бомбардировки, обрушилась на атакующих, многих изранив.

Наконец, русские заложили под занятое поляками деревянное укрепление за Свинусской башней пороховые заряды. Там как раз укрепилась свежая группа, недавно прибывшая из расположения королевских войск. В ее состав входили высокородные вельможи, решившие поднести королю победу на блюдечке. Серия взрывов привела к пожару оборонительного сруба и окончательному уничтожению самой башни. По словам очевидца, польские шляхтичи «...смешались с псковской каменной стеной Свинусской башни и из своих тел под Псковом другую башню сложили...»³⁹⁴.

Неприятель принужден был оставить Свинусскую башню. Гейденштейн пишет: «Под конец же, когда стали сами [поляки] терпеть большие потери под перекрестными выстрелами неприятельских пушек с болверка, находившегося над рекой Великой, которого не возможно было разрушить в столь короткое время нашими пушками, то принуждены были совсем покинуть свою позицию»³⁹⁵.

Штурмовые отряды, понеся громадные потери, все еще не были остановлены королем от дальнейших попыток. Бой продолжался. Особенное упорство проявила группа, занявшая пролом.

Псковское духовенство, желая ободрить воинов, противостоящих натиску «градоємцев», принесли из соборной церкви Св. Троицы чудотворную икону Успения Богородицы Печерского монастыря, иные образы и чудотворные мощи святого Гавриила-Всеволода. Монахи, несущие иконы и мощи, встали у самого проломного места, призывая усталый гарнизон биться насмерть. Игумен Мартирий, келарь Печерского монастыря Арсений Хвостов, казначей Рождественского Снетогорского монастыря Иона Наумов, происходившие из дворянских родов, видели, что победа колеблется, и может еще перейти к неприятелю. «Потому, умудренные Богом благодаря вере и честным своим молитвам, они, прибежав к про-

ломному месту... громкими голосами государевым боярам и воеводам и всему христианскому воинству будто от имени святых икон... милость возвестили: “Не бойтесь, станем крепко и устремимся все на литовскую силу! Богородица с милостью и защитой идет к нам на помощь со всеми святыми!”... и одновременно с этой вестью осенила Богородица все православное воинство своей милостью и помощью; и сердца немощных окрепли и стали тверже алмаза... Также великого заступника псковского князя Гавриила-Всеволода, с ним же князя Довмонта и Николая, Христа ради юродивого, в сердцах своих призвав на помощь, все христианское воинство в едином порыве устремилось на литовскую силу, на стены города, в проломное место. И так Божьей милостью, молитвою и заступничеством Пречистой Богородицы и великих святых чудотворцев сбили литовскую силу с проломного места, и по благодати Христовой там, где на псковской стене стояла литовская сила, в тех местах вновь христианские воины утвердились и со стены били Литву уже за городом и добивали оставшихся еще в Покровской башне»³⁹⁶.

Венгерский отряд, засевший в остатках большой, воротной, Покровской башни сопротивлялся дольше всех. Венгры пытались форсировать ров и взять приступом вставшие на их пути бревенчатые оборонительные сооружения, покрытые дерном. Затем отражали контратаки псковского гарнизона, до 23 часов цепляясь за свою позицию. Но и тамошняя команда «градоемцев» уступила напору псковичей.

В отражении поляков и наемников приняли участие псковские женщины. Они тушили пожары, сбрасывали со стен на врага большие камни и бревна, словом, исполняли воинскую службу. Об этом свидетельствуют как иностранные, так и русские источники.

Рейнгольд Гейденштейн, находившийся во вражеском стане, приводит в своих «Записках о Московской войне»

любопытные подробности осады. Рассказывая о решающем моменте первого штурма, он пишет: «...в то время, как наши были задержаны при взятии стен, Иван Шуйский разъезжал тут и там на раненом коне; он своими угрозами, просьбами, наконец, даже слезами, и с другой стороны епископ, выставляя мощи и иконы, успели остановить бегство и ужас своих. Враги сперва стали стрелять в наших из пушек и бросать камни, в то время как наши, в свою очередь, метали в них копья... с той и с другой стороны очень многие были ранены...»³⁹⁷ Вот важный эпизод, характеризующий Шуйского с наилучшей стороны. Воевода не боялся сунуться под вражеские пули, оказавшись на передовой. Он личным примером, личной отвагой укрепляет волю подчиненных к победе. Возможно, он и призвал на помощь изнемогшим защитникам крепости псковское духовенство.

Иван Петрович сделал несколько гроссмейстерских «ходов» задолго до начала штурма. Он многое предвидел и ко многому готовился, может быть, к удивлению псковичей, которым каменные стены их города казались непреодолимо мощными. Шуйский велел им делать рвы, создавать насыпи за каменными укреплениями и ставить пушки за линией стен. Те, надо полагать, бесконечно изумлялись воеводским причудам... Князь расставил лучшие пушки по уязвимым местам, дал защитникам этих участков искусного и храброго командира — Андрея Хворостинина, вовремя отвел людей с линии внешних оборонительных сооружений... Он сделал много других полезных распоряжений. Но в час, когда у него не осталось резервов, когда возможности умной контригры оказались исчерпанными, он попросту использовал последний ресурс — себя.

После того как псковичи очистили от неприятеля руины Покровской башни, порыв атакующих окончательно иссяк. Ночь пала на заваленные трупами развалины стен и башен. Под ее покровом венгерская пехота небольшими

кучками стекалась в лагерь, оттаскивая трупы товарищей. В итоге последней жестокой схватки за полуразрушенную башню остатки неприятельских штурмовых отрядов были выбиты за стену, в поле. В качестве трофеев нашим достались вражеские знамена, множество брошенного оружия, полковые трубы и барабаны. Несколько знатных пленников предстали перед русскими воеводами, чтобы в подробностях рассказать о королевской армии.

Победа далась недешево. Гарнизон и примкнувшие к нему горожане понесли тяжкий урон. Одних убитых было 863 человека, а раненых — 1626 человек³⁹⁸. «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» в данном случае может рассматриваться как надежный источник: мертвые тела своих бойцов и количество раненых псковичи могли пересчитать по указанию своих воевод. Шуйский отправил гдовскому воеводе грамоту о необходимости пополнить гарнизон³⁹⁹. По сведениям Гейденштейна, именно тогда погиб Михаил Черкашенин, предводитель служилых казаков. Летопись сообщает мрачную подробность: Черкашенин получил репутацию колдуна. «Заговоры были от него ядром многия», — да и о собственной смерти он возвестил товарищам заранее⁴⁰⁰.

Судя по русским источникам, войско Стефана Батория рассталось со значительно бóльшим количеством бойцов. «Повесть...» возвещает, что ущерб неприятеля одними убитыми составил около пяти тысяч человек. Но тут как раз возникают серьезные сомнения в достоверности этих сведений: в «Повести...» сказано: «А всех градоємцев, убитых под Псковом, как говорили они сами, было более пяти тысяч, а раненых вдвое больше»⁴⁰¹. Во-первых, ссылка на какие-то разговоры в неприятельском стане выглядит слишком расплывчато и неопределенно. Во-вторых, подсчитать вражеские потери куда как сложнее, нежели свои. В-третьих, хотя эта фраза и стоит в тексте сразу после ис-

числения знатных людей королевской армии, сложивших головы во время первого штурма, но звучит несколько странно: в ней говорится не только о тех бойцах, которые погибли на приступе, но и обо всех «градоємцах», убитых под Псковом. Иначе говоря, о неприятельских потерях за всё время «псковского сидения». Видимо, автор «Повести...» не располагал сколько-нибудь точной информацией о потерях Баториевой рати в день первого штурма.

Сам неприятель признавал, что одних поляков погибло около 500 человек, а историк В.В. Новодворский к этому присовокупил следующее умозаключение: «...кроме того, пало много немцев и венгров, очень многие получили раны от камней, кольев и топоров»⁴⁰². Прямая цитата из Пиотровского разъясняет дело: «Не знаю сколько наших легло при этом штурме, потому что говорить об этом не велят. Я полагаю убитых до 500; раненых поменьше секирами, избитых дубинами — очень много. Гавриил Бекеш убит из ручницы; Глукомский пехотный ротмистр тоже и Конопковский, поручик отряда Ухровецкого, сам Ухровецкий легко ранен из самопала; Кетлер, племянник курляндского герцога тоже ранен; Бутлер поручик из отряда курляндского герцога ужасно избит; Редер, который недавно получил от короля цепь, ранен из ручницы и врачи не надеются, чтобы остался жив, — это из знатнейших. Пехотных десятников, а особенно венгерцев и немцев погибло довольно. Всех этих раненых и убитых из венгерских окопов пришлось пронести мимо короля, стоявшего над рекою, так что всякий мог его видеть. У нас и фельдшером столько нет, чтобы ходить за ранеными. Что сам видел, то и описываю Вашей Милости. Трагедия эта продолжалась от 19 до 23 часа. Король, отъезжая в лагерь, велел рейтарам пана Гостынского спешиться и идти стеречь окопы, что те сейчас и исполнили. Удивительно, что не только они, но и все всадники Фаренцбека, оставив своих коней, пошли на штурм; в Германии они этого не сделали бы,

хотя бы им сам цесарь приказывал. У Фаренцбека должно быть не мало погибло заметных людей. Что приступ сошел неудачно — обвиняют главным образом венгров»⁴⁰³.

Не очень понятно, разделяет ли Пиотровский потери поляков и германской наемной пехоты, возглавленной Фаренцбеком. Похоже, разделяет: об этом говорит форма его записи — сначала дана цифра убитых и раненых, потом перечислены знатные поляки и венгры, погибшие или получившие ранения, потом опять речь заходит о потерях «пехотных десятников» и т.п., а затем звучит предположение, что среди «импортных» наемников полегло немало «заметных людей». Очевидно, В.В. Новодворский прав: помимо 500 убитых поляков и венгров на первом приступе оказалось выбито еще какое-то количество западноевропейских наемников. По словам участника штурма, Юргена Фаренцбека, знавшего о масштабе потерь гораздо больше, чем Пиотровский (тот судил на глазок, поскольку точные цифры потерь было решено не разглашать), его немецкий отряд потерял 300 человек убитыми, а венгры и поляки — еще 600⁴⁰⁴. Надо полагать, суммарная цифра потерь среди ратников польского короля сопоставима с потерями псковичей. Видимо, с двух сторон полегло примерно равное количество бойцов.

Рейнгольд Гейденштейн сообщает о гибели более 40 представителей польской знати и неменьшего количества знати венгерской. Королевский любимец, прославленный командир венгерских наемников Бекеш и у Пиотровского, и у Гейденштейна, и в русских источниках представлен как особо тяжкая для Стефана Батория потеря. Из высших офицеров его судьбу помимо Тлукомского разделил глава французских наемников Жан Гаронн. Из письма придворного маршалка А. Зборовского, явно занижающего потери (его цифра — 150 убитых, что маловероятно), видно: убит еще один венгерский офицер, Секель Андреас. По свидетельству ксендза Барановского, вскоре

после отражения приступа знатный венгр Петр Кенди (или Кендей) умер от ран, полученных при строительстве шанцев незадолго до штурма⁴⁰⁵. Пиотровский сообщает о смерти пехотного ротмистра Тарновского от ран, полученных при штурме, десять дней спустя⁴⁰⁶.

Стоит взглянуть в сообщение Пиотровского. Оно таит в себе пласт жестокой правды, не бросающейся в глаза, но исключительно важной для понимания всего «псковского сидения». Осаждающие понесли огромные потери не ранеными, а... ушибленными. О чем это говорит?

Королевское воинство несло тяжелые потери, приближаясь к полуразрушенным стенам, за которыми сидели псковские пищальники, лучники и пушкари. Под огнем русских ратников, надо полагать, оно рассталось с многими бойцами. Но когда великолепные отряды, состоящие из профессионалов войны — опытных, дерзких, отлично вооруженных, — добрались до стен и заняли изрядные участки оборонительных сооружений, у псковских воевод не хватило сил выбить их оттуда. Сказалось то самое «качественное преимущество»: русские дворяне и стрельцы ничем не уступали польско-литовской шляхте, венграм и немецким наемникам. Те же профессионалы войны. Но их было все-таки маловато. И они дрогнули. Тогда в бой пошло всё население города.

Конечно, горожанин с топором, оглоблей или дубинкой должен быть оценен как половина или даже треть полноценного, хорошо обученного ратника. И, надо полагать, бой за башни и проломы, захваченные противником, вносил страшный урон в ряды защитников Пскова. Скорее, всего, они расплачивались двумя, а то и тремя своими бойцами за одного поляка или немца. Но за их спинами стояли иереи с иконами и... родные дома. Старики, жены, дети... А воинство Стефана Батория славилось из ряда вон выходящей тягой к зверствам. Например, ворвавшись в пылающие Великие Луки, королевские ратники-венгры «... пришли

в ярость... и перебили здесь всех без разбора»⁴⁰⁷. Другой польский источник рисует ужасающую картину великолукской бойни 5 сентября 1580 г. в подробностях: «Наши учинили позорное и великое убийство, желая отомстить за своих павших товарищей. Они не обращали ни на кого внимания и убивали как старых, так и молодых, женщин и детей. Начальники, не будучи в состоянии удерживать их, отъезжали прочь, а имевшие сострадательное сердце не допускали убивать тех, кого наша кавалерия захватила в плен, в особенности женщин и детей. Все заняты были убийствами и грабежом, так что никто не тушил пожар»⁴⁰⁸. При взятии крепости Сокол солдаты Батория проявили первобытную дикость, вырезая ее защитников. Стоит привести еще одну красноречивую цитату из сочинения польского — польского! — историка Рейнгольда Гейденштейна «Записки о московской войне (1578—1582)»: при штурме Сокола немецкие наемники «...желая отомстить за бедствия, претерпеваемые их соплеменниками в продолжение стольких лет от Московской свирепой жестокости, новейший образец которой мы недавно видели при взятии Полоцка⁴⁰⁹, умертвили всех [защитников Сокола] и в том числе [воеводу] Шеина (еще один милый образец коллективного «благородного негодования». — Д.В.). Оставшиеся в крепости на коленях стали просить о пощаде, но при вторжении немецких солдат, убивавших без разбора всех, отчаявшись в спасении, опустили подъемную решетку, висевшую над воротами сверху, и перебили до 500 немцев, заперев их в крепости. Между тем, Разражевский и некоторые немцы и поляки скоро разломали ворота, и когда последние были открыты, тогда одна часть защитников была перебита, другая отчаявшись во всем, сторела, бросившись в пламя. Повсюду происходило великое убийство, так что многие и, между прочими, Вейер, старый полковник, говоря о своем участии во многих сражениях, не задумывались утверждать, что никогда ни в одном месте

битвы не видели они, чтобы так густо и тесно друг с другом лежали трупы. Многие из убитых отличались тучностью; немецкие маркитантки, взрезывая такие тела вынимали жир для известных лекарств от ран, и между прочим это сделано было также у Шеина»⁴¹⁰. Псковичи знали, какая «королевская милость» ждет их в случае падения города. *Следовало любыми средствами остановить зверье, служившее у польского монарха, иначе оно устроило бы во Пскове очередной кошмар.* Поэтому горожане решились заплатить столь высокую цену за уничтожение ударных отрядов неприятеля. Тут у них составилось полное взаимопонимание с Иваном Петровичем, отец которого был пленен и убит литовцами!

И враг бежал, оглаживая ребра и ключицы, переломанные простонародным псковским дубьем.

Очень характерная ремарка Пиотровского на следующий день после штурма: «Собоцкому порядком досталось во время приступа: избили его дубьем и камнями, как собаку»⁴¹¹.

Если бы не яростная самоотверженная отвага горожан, не отстоял бы князь Иван Петрович Шуйский славного града Пскова...

Ко всему прочему, у королевских артиллеристов почти не осталось пороха. Король и крупные военачальники, состоявшие в его войске, подумывали о новом штурме, но оказалось, что огневую мощь королевских пушек нечем обеспечить.

Баторий, увидев стойкость гарнизона и его командиров, принимается за переговоры. Король угрожает уничтожить защитников Пскова, как только город будет взят его армией. В случае добровольной капитуляции он обещает великие милости воеводам. Из города ему отвечают: «Если Бог за нас, то никто против нас!»

Потерпев поражение на приступе и в переговорах, неприятель сменил тактику. Не имея должной артиллерийской поддержки, Баторий отказался от мысли организовать новый штурм. Шуйский переиграл его по всем статьям: выполняя приказ воеводы, псковичи быстро «закупорили» бреши в стенах. Уже 9 сентября Пиотровский сообщает: «Русские в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры и так хорошо исправляют их, что они будут крепче, нежели были прежде. Мы бы и стреляли в них, да принуждены беречь порох»⁴¹². Таким образом, и тот результат, который дала Баторию бомбардировка городских стен, был сведен к нулю. Здравомысленно рассудив, что в подобных условиях очередная лобовая атака лишь увеличит и без того значительные потери, король решил попробовать «минную войну».

По свидетельствам польских источников, не позднее 12 сентября Баторий велел копать несколько подземных галерей.

Шуйский предусмотрел такую возможность. Он распорядился заранее проделать «слухи» — подземные коридоры, ведущие от стены крепости далеко в поле. Дежурящие там «слухачи» по шуму строительных работ слышали бы, что поляки роют подкоп в том или ином направлении. Однако в данном случае псковичам помогли не столько «слухи», сколько активная тактика Ивана Петровича. Он приказал совершить вылазку 12 сентября — при первом подозрении на подземные работы.

Пиотровский сообщает: «...стража схватила под городом нескольких русских, которые выехали на наших пахолков, собиравших в огородах капусту и уже одного вели в плен. У них больше десятка таких, также, как и дезертиров. Трудно прекратить это своеволие. Хотелось бы нам соблюсти совершенную тайну о подкопе, который мы ведем; но от этих языков трудно уберечься!»⁴¹³ Подо-

зрения Пиотровского о том, что русским все же удалось взять других осведомленных о подкопах «языков», небеспочвенны, но об этом — ниже.

У поляков были все основания опасаться, что их план раскрыт. Уже 17 сентября они перехватили тайное послание князя И.П. Шуйского Ивану IV. В письме воеводы они обнаружили самые неприятные для себя известия: «Уведомляют, что король ведет подкопы под стены и пишут подробно, как и в каких местах... Хорошо знают в Пскове о том, что делается у нас в лагере и, кажется, придется нам оставить этот подкоп, чтобы не унесли из него пороху»⁴¹⁴.

Но король не разочаровался в затее с подкопами. Ему казалось, что Шуйского можно переиграть в «минной войне». Осаждающие роют три подземных галереи. Из них две — «не остерегаясь», так как обе скоро стали известны русским и те принялись подводить «контрмины», а третью — тайно. На последний подкоп надеялись больше всего. Он долгое время сохранялся в секрете, в то время как два остальных являлись маневром для отвода глаз.

Ночью с 23 на 24 сентября защитники Пскова взорвали один из этих «парадных» подкопов, устроенный венграмми. 27 сентября — второй. А с третьим, на который было столько упований, вышла промашка чисто инженерного свойства. «Наши минеры, — пишет Пиотровский, — встретили скалу, которую напрасно стараются пробить, так что вся работа, как слышно, пропала. Мы повесили носы. Жолнеры, т.е. ротмистры, говорят, что их товарищи не хотят более служить: что по причине голода не могут оставаться тут до зимы...»⁴¹⁵ Рейнгольд Гейденштейн описывает «минную войну» сходным образом, только у него псковичи взорвали один, а не два подкопа. По его словам, «... два подкопа, начатые с польских шанцев по направлению (городского) рва, не могли быть доведены до конца, ибо встретили твердую и толстую скалу»⁴¹⁶.

С точки зрения русских, всё выглядело несколько иначе.

Очевидно, помимо той вылазки, о которой рассказывает Пиотровский, псковичи совершили в десятых числах сентября еще одну или несколько других. Русские источники самым определенным образом говорят о взятии литовских «языков» во время вылазки «за Варлаамские ворота». Их допросили под пыткой. «От них же точно узнали, что литовские гетманы самонадеянно похвалились своему королю подкопами взять град Псков, и каждый из военачальников разных земель свой подкоп повел: подкоп королевский польский, подкоп литовский, скорый и хвастливый, подкоп угорский (венгерский. — Д.В.), подкоп немецкий; и всего в разных местах девять подкопов»⁴¹⁷.

Откуда такое многообразие: целых 9 подкопов?

То ли «языки» преувеличили количество подкопов, желая ввести защитников города в заблуждение, то ли, что вероятнее, не имели четкого представления о том, сколько сооружается подземных галерей и где они проходят.

Возможен и третий вариант. Работая с подземными коридорами-«слухами», Шуйский выведал кое-что: отсюда его осведомленность о расположении вражеских подкопов, проявившаяся в письме к государю. Вероятно, именно после этого Баторий велел бросить некоторые подземные галереи, позволив рыть ходы лишь в трех местах.

Псковская летопись рассказывает о победе в «минной войне» весьма лаконично: 20 сентября во Псков перебежал бывший стрелец полоцкого гарнизона Игнаш, пошедший на службу к полякам после взятия города (1579). Он поведал Шуйскому о местах, где строятся подземные галереи для закладки пороховых мин. А уж после такой подсказки грех было сплеховать. 23 сентября, по словам летописи, «...наши слухи с литовскими сошлись»⁴¹⁸. Прозвучал взрыв...

И «Повесть...», и летопись связывают появление Игнаша во Пскове с Божьим наказанием, обрушившимся на «градоемцев» Батория за святотатство. 20 сентября псковское духовенство совершало молебен с иконами и мощами у пролома при Покровской башне (городское священство молилось со святынями у городских стен по три раза в неделю). Отряд литовских пехотинцев, оказавшийся у пролома, закидал духовенство камнями, и один булыжник угодил в чудотворный образ св. Димитрия Солунского. В тот же день и перебежал к русским Игнаш⁴¹⁹.

Только «Повесть...» сообщает об уничтожении двух или трех подкопов, а не одного⁴²⁰, так что Пиотровский, очевидно, вернее передает историю «минной войны», чем Гейденштейн.

В русских источниках указано: были иные подкопы, не затронутые контрдействиями псковичей; они «сами обрушились». Бог весть, кто прав: то ли польские инженеры сделали опоры для свода в подземной галерее непрочными, и земля рухнула на рабочих, то ли и впрямь землекопы уткнулись в матерый камень... А может быть, после гибели товарищей в двух или трех подкопах, ратников Батория оставил задор; они просто не решились продолжать работу на иных направлениях из-за опасности подрыва. В любом случае «минная война» закончилась для поляков бесславно. Позднее они даже не пытались возобновить ее.

Между первым и вторым приступами князь И.П. Шуйский с добротной регулярностью отправляет ратников псковского гарнизона на вылазки. Прежде всего он добивается постоянного захвата свежих «языков».

Вылазки, предпринимаемые по приказу Шуйского, иной раз превращаются в большие сражения. Так, 11 октября на вылазку Шуйскими были отправлены основные силы гарнизона, и тогда поляки потеряли 30 пехотинцев.

А 26 октября, по словам Пиотровского, «...перед вечером русские сделали вылазку: несколько сотен их конницы и пехоты атаковали аванпосты Ландскоронского и Мнишка. Случайно в эту схватку попал воевода Брацлавский. Наши уже хотели отступать, но он, вставши между ними, восстановил порядок и ободрил русского воеводу, который выехал в атласе и бархате, ранил легко копьем; наши столпились около воеводы, стараясь взять его живым в плен: русские, заметив это, окружили наших в громадном числе. Наши видя, что трудно было уйти вместе с пленным, изрубили его саблями. В это время русские схватили Зейдлица, товарища Мнишка и хотели с ним уйти к воротам; наши бросились его спасать, но русские видя, что удержать его не в силах, тоже изрубили. Все говорят, что это была самая сильная схватка и что никогда такой вылазки они до сих пор не делали. Из русских несколько легло на месте и не мало раненых. С нашей стороны убиты Зейдлиц и слуга воеводы Брацлавского и сколько-то раненых. Сам Брацлавский принес в лагерь две стрелы, которыми пригвоздили его чемарку к седельной луке. Не будь его, наши непременно понесли бы поражение»⁴²¹.

На протяжении сентября — октября воеводы соседних городов неоднократно пытались помочь осажденному Пскову. Несколько русских отрядов устремляются тайными дорогами к городу. Некоторые из них потерпели поражение и были рассеяны врагом. Другим повезло больше, они сумели доставить гарнизону поддержку. Так, через расположение королевской армии, ослабившей караульную службу, в Псков с боем прорвалась часть отряда стрелецкого головы Федора Мясоедова. Стрельцы доставили продовольствие.

Время от времени отряды наемников Батория производили «разведку боем»: подбирались к псковским оборони-

тельными сооружениям, пытались пробраться в город. Это не были приступы в полном смысле этого слова, скорее, осторожное прощупывание: не найдется ли лазейки в обороне Пскова? Лишь один раз, через месяц после первого штурма, подобная попытка чуть не переросла в новый большой штурм.

Всему виной... снегопад.

5 октября выпал обильный снег. Отряд венгров попытал счастья, атаковав и заняв разбитую Покровскую башню. Венгерский гетман Борнемисса действовал по собственному почину, без приказа и малыми силами. Надо полагать, он надеялся, что густые снежные вихри укроют его людей и позволят им проникнуть в крепость. Сначала его пехоте следовала удача: пальбой из ружей они выбили множество стрельцов. Но потом на них обрушился ответный шквал огня. За проломами обнаружилась новая линия обороны. По «проломным местам» и развалинам башен защитники города врыли в землю множество острых кольев. За руинами каменной стены сохранился ров, усиленный теми же кольями. А за рвом нападающих встречала новая стена — деревянная, с множеством бойниц. На ней стояли орудия, груды тяжелых камней, огромные котлы с кипящими нечистотами, а также кувшины с порохом, игравшие роль импровизированных гранат. Там же горожане приготовили мешки с сухой известью, выжигавшей глаза неприятельских солдат. Отряд Борнемиссы не мог преодолеть эту преграду. Положив перед нею новую груды мертвецов, венгерские гайдуки откатились к лагерю.

В начале ноября осаждающие предпринимают новый большой штурм.

17-го им подвезли порох из Риги. Вот что об этом рассказывает рижский бургомистр Франц Ниенштедт: «[Король Стефан Баторий] послал гонцов в Ригу, чтобы там дали ему взаймы несколько пороху и как можно скорее

переслали его с несколькими стрелками к Пскову. Это было быстро исполнено и вместе с 200 стрелками было послано королю 80 бочек пороху, что конечно тогда очень его обрадовало и он за это дружески благодарил рижан во многих письмах, а между прочими и городского толмача Иоахима, который был послан вместе с порохом»⁴²². Пиотровский отзывается об этой посылке скептически: «Пороху пришло меньше, чем ожидали. Бог знает, каков будет штурм!»⁴²³

Вновь начинается общая бомбардировка города, однако значительного урона она не наносит. Обстрел раскаленными ядрами деревянных хором, служивших жилищем для большинства горожан, должен был, по мысли польского командования, привести к большому пожару. Он вызвал бы смятение в рядах защитников, и тогда их упорную оборону удалось бы взломать без труда. Но псковичам удалось предотвратить общий пожар.

Напротив, действия тяжелых русских пушек постоянно разрушают полевые укрепления осаждающих, сооруженные из корзин с землей.

Король решается еще раз попытать счастья — произвести вторую атаку на городские стены. Любопытно: в польских и русских источниках картины нового приступа, осуществленного ратью Батория, отличаются разительно. Поляки без особой охоты говорят о нем. Первый штурм, сентябрьский, в их описании — героическая трагедия. Неудача, но весьма достойная, не уронившая чести войска. А вот во всем, что касается штурма ноябрьского, видна какая-то странная вялость и уклончивость. Надо полагать, действия нападающих оказались столь неудачны, то ли, вернее, столь нерешительны, что не хотелось о них рассказывать.

В русских источниках всё четко, без каких бы то ни было разночтений: «Октября в 24 день стреляли, розжигая ядра, в город. Октября в 28 день Литва пришла со щиты стену

подсекати кирками и всякими запасы. Ноября во 2 день от Великия реки по леду приступаху»⁴²⁴. Что тут неясного? Сначала — бомбардировка, благо прибыл рижский порох. Затем — попытка разрушить стену, о которой подробнее будет сказано ниже. В конце концов — приступ. И город устоял. Но это, так сказать, лаконизм победителей...

Побежденные рассказывают иначе.

Прежде всего, подробно излагается действительно смелое деяние, о осуществленное пехотой осаждающих.

Отборные храбрецы из венгерских отрядов Стефана Батория идут под каменную стену с кирками и ломami, пытаясь разрушить ее основание, в то время как их товарищи пробуют поджечь деревянную. От стрел, пуль и камней они защищаются досками, а также большими деревянными щитами. В ответ со стен в них начинают метать пропитанное смолой тряпье, поджигая сами щиты. В нижнем ярусе стен появляются новые бойницы, из которых по вражеским солдатам палят в упор стрельцы. Сверху на их головы льется раскаленный деготь и кипяток. Несколько особенно упорных бойцов противника углубились в стену так, что сверху их было практически невозможно достать. Тогда псковские воеводы измышляют собственную уловку. Вот что рассказывает о ней «Повесть...»: «Повелели навязать на шести длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали Литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градомцев и выдергивали их из-под стены...»⁴²⁵ — тут они становились легкой добычей русских стрельцов. Гейденштейн, сокрушаясь, пишет: «Неприятели из города сверху стен, разрушить которые старались венгры, стали спускать огромной величины бревна, со всех сторон обитые железными зубцами и прикрепленные железными цепями

к длинным шестам; неприятели, потрясая ими, действовали так искусно, что все, находившиеся на работе, получали направленные снизу удары как бы плетью, вследствие чего эти бревна причиняли большие несчастья»⁴²⁶.

Потерпев провал со всеми перечисленными хитростями, Стефан Баторий отдает приказ открыто атаковать Псков, больше желая взбодрить армию, нежели надеясь на благоприятный исход дела. Незадолго до того встала река Великая. Королевские военачальники погнали многочисленные отряды на штурм прямо по льду.

Но очередной приступ заранее был обречен на неудачу. Во-первых, боевой дух в войсках осаждающих оказался не на высоте — командиры силой принуждали бойцов идти на приступ. Во-вторых, королевская пехота устала от долгого сидения в окопах, холода, тяжелой службы, она измучилась от недоедания. Это была совсем не та «свежая» пехота, которая с большим задором шла на приступ 8 сентября. У ратников Батория поубавилось рзвности... В-третьих, бросаясь в атаку по льду реки, отряды врага оказывались на открытом месте под огнем русских пищалей и пушек. В-четвертых, артподготовка поляков оказалась слишком слабой. Пиотровский откровенно пишет 31 октября: «Сегодня была баталия. Наши стреляли в стену; но русские отплатили в десять раз. Много наших в окопах погибло от их выстрелов. Вчера и сегодня убили, между прочим, четырех пушкарей. Не понимаю, откуда у них такое изобилие ядер и пороху? Когда наши выстрелят раз, они в ответ выстрелят десять и редко без вреда. Над стенами построили сруб и высокие башни, с которых бьют на все стороны, где бы только что ни показалось, и на нас кричат со стен: “Отчего вы не стреляете? Если бы вы и два года осаждали Псков, то и тогда вам не видать его! Зачем сюда приехали, когда пороху не имеете?” Грустно, что нет средств для этой осады! Надо было иначе приготовиться... Бежал к нам недавно знатный русский. Говорит,

что он был придворным великого князя; ходил по нашему лагерю; бывал часто, без стеснений, у гетмана, который его очень полюбил... Вчера же он убежал в город, где и сообщит, конечно, обо всем, что у нас делается... Меньше стало слышно о штурме... Не знаю, кто-то из наших пустил в город стрелу со сломанным острием; русские обратно пустили ею в наш лагерь, с надписью: "Худо стреляете, б..... с.....!" То правда, что худо! У псковитян больше пороха, чем у нас. Эту стрелу отнесли королю»⁴²⁷.

Наконец, в последние дни октября ударили крепкие морозы. Литовские воины даже отказывались нести караульную службу: их «...бьют палками, сажают на цепь, но те оправдываются тем, что не имеют шуб»⁴²⁸. По таким погодам не очень-то повоюешь...

Иначе говоря, худшие условия для штурма трудно себе представить.

Рассказывая о приступе, Пиотровский, в сущности, почти ничего не пишет ни о боевых действиях, ни о потерях. Он лишь упоминает, что венгерские солдаты затеяли «свалку»⁴²⁹ с русскими. У осаждающих был хороший шанс хотя бы в одном: там, где стену подкапывали храбрецы-венгры, она в конечном итоге оказалась столь слаба, что рухнула под действием жидких залпов королевской артиллерии, столь ослабленной нехваткою пороха. Но дрезвоземляные сооружения русских остались незыблемыми, поэтому атакующие опять не имели успеха. В сущности, Шуйский, возведя дополнительные укрепления, заставил неприятеля до крайности рисковать и нести неоправданные потери.

Даже тех редких бойцов, кто всерьез рвался в бой, сбило с панталыку одно неожиданное обстоятельство. Во время приступа венгры обнаружили среди мертвых тел мешки с солью. Возможно, их специально подбросили по распоряжению хитроумного псковского командования. Оголодавшие вояки ринулись утаскивать мешки, к ним

на подмогу из лагеря прибежали новые группы, и штурм превратился в беспорядочную драку из-за драгоценной соли. Позорище, одним словом.

Гейденштейн прямо обманул своих читателей, отказавшись живописать такой вот штурм. Вот его слова: «Венгерцы не оставили своей работы, пока не разрушили большей части той стены; наконец, так как и в этой части неприятели поставили палисады против башни и выкопали ров, то решено было оставить намерение взять город приступом»⁴³⁰. И всё. Будто и не случилось никакого приступа, будто и не было хаотической потасовки из-за соли...

Уж больно некрасиво получалось. Не по-рыцарски.

Для князя Шуйского и псковского гарнизона всё выглядело иначе. Ведь им было чем гордиться.

Несколько раз волны королевской армии накатывали на Псков по льду и отступали, выкладывая черный ковер телами убитых и умирающих... Ротмистры наезжали конями и секли саблями «гайдуков» — польскую легкую пехоту, — заставляя их двигаться к пролomu. Но стрельцы укладывали атакующих одного за другим...

У неудачного ноябрьского штурма было два последствия.

Во-первых, гайдуки принялись торговать награбленной солью прямо в окопах. Псковская артиллерия накрыла это сборище, и поляки понесли потери.

Во-вторых, 6—7 ноября королевские военачальники отвели солдат из окопов и оттащили пушки к лагерю. Это означает, что польское командование совершенно потеряло желание вновь бросать людей на штурм. Атаковать можно было только из окопов. Эффективно обстреливать стены — тоже. Покинув их, ратники Стефана Батория утратили обе возможности. С этого момента у осаждающих остался лишь один инструмент давления на город — плотная блокада.

Очередная неудача произвела на армию неприятеля тяжелое впечатление.

«Государевы же бояре и воеводы, а также всё христолюбивое воинство вместе со всем народом, пребывающим во Пскове, услышав об этом, благодарно и радостно вознесли хвалу Богу, надеясь, что вскоре и король со всем войском отойдет», — сообщает «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков»⁴³¹.

После второго приступа Иван Петрович продолжает беспокоить польский лагерь дерзкими вылазками, наносит врагу немалый урон, подрывает его волю к победе. Впрочем, вылазки ноября — декабря совершаются с переменным успехом: во Пскове осталось не столь уж много сил, а осаждающие постоянно пребывают настороже. Обе стороны несут потери.

По приказу князя Шуйского псковские пушкари изо дня в день обстреливают позиции польской армии, вырывая солдат и командиров из ее рядов. Студеными зимними ночами отважные польские, венгерские, немецкие бойцы стучат зубами от ужаса: каждое мгновение на позициях может оказаться отряд русских головорезов, каждый миг в палатку может ударить псковское ядро.

Шуйский показал себя как деятельный командир. Он не опускает руки в трудных ситуациях, и он стремится «выжать» все возможности из ситуаций выигрышных. Особенно чувствительными для противника являются нападения на его фуражиры. Князь Иван Петрович отлично это понимает и действует соответствующим образом.

Найдя на Псковщине богатые запасы продуктов и других припасов, ратники Батория некоторое время могли восполнять свои потребности захваченным. Но затем недостаток провианта стал для них постоянной проблемой. Им приходилось отправлять большие отряды для ограбления деревень и сел. Добывая пищу и фураж, эти отряды

уходили всё дальше и дальше, отрываясь от основных сил королевской армии. Окрестности Пскова весьма скоро оказались страшно разорены, взять там больше было нечего. А удаляясь от лагеря на 15, 20, 30 миль, фуражиры Батория попадали под удары русских гарнизонов, мобильных отрядов, да и просто местного населения, недовольного грабежом и бесчинствами чужеземцев.

И вот польские источники начинают упоминать о разгроме команд, отправленных на фуражировку. Много крови попортил полякам Псково-Печерский монастырь, так и не взятый поляками. Тамшний гарнизон много раз нападал на фуражиров противника. Усвоив привычку наших воевод бить по отдельным отрядам фуражиров, особенно если они оказывались близ псковских стен, поляки начали даже устраивать засады, подставляя ложных фуражиров под удар в надежде на мощь последующего контрудара. Однажды такая хитрость удалась Замойскому. Но в целом войско противника было самым ходом кампании обречено постоянно терять людей на фуражировке.

Если на протяжении августа и первой половины сентября известия польских авторов о гибели и пленении людей во время заготовительных работ встречаются нечасто, да и не видно в них значительного масштаба потерь, то со второй половины сентября происходит перемена. У Порхова появляется русский корпус, принявшийся успешно громить фуражиров. Баторий отправлет против него 450 кавалеристов, но они терпят поражение, а потом попадает под удар еще одна неприятельская команда: «Пришло известие, что русские с татарами разбили наших казаков на трех стоянках почти на голову, так что из 450 успели уйти только 100. Собралось было наших около 100 человек слуг и товарищей князя Пронского в экспедицию против русских на острова, где надеялись достать провианту; но лишь только подъехали туда, как 1000 русских напали на наших, одних перебили, других потопили, а некоторых

взяли в плен»⁴³². Лишь двинув на порховское направление значительные силы во главе с паном Трокским, поляки нанесли поражение действовавшему там князю Оболенскому с ратниками. Но сам Порхов пан Трокский не взял. Город обладал сильной крепостью; в условиях осады Пскова он получил исключительное значение русского форпоста, главной базы для контрдействий против осаждающих, и его держали крепко⁴³³. Истребление королевских фуражиров на время уменьшилось, однако с течением времени возобновилось.

В середине октября Иван Петрович докладывал государю, что положение королевской армии — невыгодное: фуражиры отправляются во все стороны, и их «очень удобно бить». Псковский гарнизон принял в этом самое активное участие. А у Порхова появился отряд служилых татар, принявший нападатель на шайки заготовителей. По призыву самих поляков, однажды на исходе октября они за неделю потеряли несколько сотен фуражиров.

Наконец, король и сам покидает войска, оставив командующим коронного гетмана Замойского. Батерию ничего не остается, как согласиться на мирные переговоры с Иваном Грозным. Положение армии — критическое. Расходы на ее содержание превысили все мыслимые и немыслимые суммы. Ни о каких новых завоеваниях и речи быть не может.

Пока идут переговоры, осадная армия остается под Псковом, пытаясь выморить его голодом. Но ее собственное состояние не лучше, чем у защитников города. В условиях русской зимы осаждающие несут новые потери от холода, недоедания и недостатка фуража. Уже с ноября в лагере поляков воцарился страшный голод и конский падеж. Катастрофически не хватает дров. Солдаты потихоньку растаскивают ими же возведенные бревенчатые сооружения. Еще раньше начинаются стычки между отдельными отрядами неприятеля за угнанный у русских

скот и отобранный конский корм. Так, под 22 сентября Пиотровский извещает: «Стадницкий поссорился с паном Станиславом Радзивилом. Люди Стадницкого гнали с фуражировки скот; откуда ни возьмись радзивиловы казаки и отбивают добычу. Тогда Стадницкий ночью напал на казаков, забрал и хлопов и скот и пригнал в лагерь на решение гетмана. Пан Радзивил жаловался гетману»⁴³⁴. Время от времени русские угоняют у поляков коней, а иногда... угонщиками становились венгры и литовцы. Среди осаждающих обычным явлением становится воровство, то и дело случаются вспышки открытых грабежей.

Войска начинают роптать против самовластного Замоиского. Гетман пытается восстановить дисциплину драконовскими мерами. Он держит в кандалах королевского придворного, публично позорит тех, кто предается разврату, и даже вешает одного из офицеров. Иначе говоря, стремится остановить моральное разложение армии, закручивая дисциплинарные гайки. Однако повысить ее боеспособность Замоискому не удастся, в лучшем случае — удержать от распада.

Секретарь походной канцелярии ксендз Пиотровский оставил в записках о боевых действиях Батория горестное восклицание: «Боже, как жаль тех трудов и денег, которые мы потратили под Псковом!» Наемные отряды разбегаются от Батория, не получив причитающейся платы. Уходят по домам волонтеры, надеявшиеся на славу и богатую добычу. В декабре 1581 г., по его словам, армия приходит в жалкое состояние: «Мы заживо погребаем себя в этом лагере; быть ли нам в чистилище? Положение наше весьма бедственное; по истине мы достойны рая. Морозы ужасные, неслыханные, голод, недостаток в деньгах, лошади падают, прислуга болеет и умирает; на 100 лошадей в роте 60 больных; но этого разглашать не следует... Венгерцы массами перебегают в город»⁴³⁵.

К зиме Замойский должен был понять, что у него нет шансов войти в город. И, как военачальник, он это, вероятно, понимал. Строил планы наступательных действий в обход Пскова, с проникновением в глубь территории Московского государства. Мечтал о разгроме русских полевых соединений, которые на протяжении последних лет Ливонской войны утратили прежнюю стойкость и дисциплину... Но с места он все-таки не сдвигался и упрямо держал ядро боевых сил неподалеку от псковских стен. Почему? Неужто для польских дипломатов неудачливая армия, бесполезно застрявшая на Псковщине, являлась столь уж сильным козырем в переговорах с русскими посольскими людьми? Или Замойский боялся, распустив бойцов, более не собрать их воедино? Тут имелся свой резон: финансовые и мобилизационные ресурсы Речи Посполитой достигли критического рубежа...

Но, думается, многое в поведении польского полководца, да и всей армии, объяснялось не какими-нибудь тактическими или стратегическими причинами, а иррациональными мотивами.

Важно понимать, до какой степени Стефан Баторий сумел внушить стране феерические надежды. Он и прежде проявлял в военных делах и удачливость, и большое искусство, а сцепившись с Иваном IV, показал лучшие качества своего батального таланта. Два года король вел польские знамена от победы к победе. Тот реванш, о котором польские и особенно литовские политики мечтали со времен Ивана III, отколовшего от западного соседа изрядный кусок, мечтали страстно, время от времени жизнями расплачиваясь на бранном поле за свои мечтания, блистательный король-кондотьер дал им всего-то за две кампании. Страшное унижение «московитского медведя» вызывало самые добрые надежды. Отправляясь в третью кампанию, шляхта и магнаты твердо верили в счастливую звезду своего монарха, ждали новых побед, новых ска-

зочных успехов... и намертво встали в холодных окопах под стенами Пскова. А очарование прежних удач всё еще не выветрилось из их голов, все еще заставляло верить в чудо.

Было в этом ожидании и упорство, и твердая воля, и воинский задор. Не ворвались за стены, не взяли город на щит, так хоть перестоим осажденных! Авось не выдержат, сдадутся... Ведь так красиво всё начиналось!

Армия Батория-Замойского состояла из представителей воинственных народов. Удалые смельчаки-венгры, рыцарственные поляки, искусные в ратном деле немцы... да и литовцы, пусть утомленные долгой борьбой с татарами и русскими, а всё же не забывшие эпоху имперского величия своей страны, — всё это пестрое сборище жаждало добычи, подвигов, славы. Это были хорошие, отважные бойцы. Их честь, их кураж, да еще инерция, оставшаяся в сознании от старых побед, не давали им разойтись по домам.

Им оставалось лишь умирать.

Честно, глупо и бесполезно.

«Московитский медведь» оказался крепче, нежели о нем думали.

Безделье томило королевских ратников. Баторий нашел для них занятие, сулившее немалый прибыток.

Несколько отрядов немецких и венгерских наемников направились за 50 км от Пскова к Псково-Печерскому монастырю. Обитель служила базой для русских рейдов по тылам противника. Неприятельская попытка взять обитель штурмом закончилась тяжелым поражением. Небольшой гарнизон отбил яростные все наскоки с большим уроном для атакующих.

Это славное деяние заслуживает особого рассказа.

То ли к монастырю безуспешно приступали небольшие отряды польских фуражиров, то ли сам гарнизон атако-

вал и захватил подобный отряд, но так или иначе в плену оказался рижский толмач Иоахим, прибывший с порохом в расположение королевской армии. По словам рижского бургомистра Ф. Ниенштедта, «...это до того огорчило короля, что он послал туда полковника Фаренцбека с пушками и ратниками и, хотя штурм вначале шел будто бы и удачно, даже трое знатных дворян: Рейнгольд фон Тизенгаузен из Берзона, Каспар фон Тизенгаузен из Отцеме вместе с Вильгельмом Кеттлером влезли по лестницам на башню; но случилось так, что лестница подломилась и Рейнгольд убился до смерти, а Вильгельм и Каспар в этой же башне были взяты в плен и, хотя тут был только монастырь, но монахи и ратники при жестоком холоде из своего теплого монастыря так храбро сражались против перемерзших королевских ратников, что они ничего не могли поделать и должны были с позором и бранью отступить от монастыря»⁴³⁶. В этом рассказе много правды... помимо разве что действительной причины, по которой Баторий отправил большой отряд наемников для захвата обители. Какой уж там рижский толмач!

Мотивы нападения королевских отрядов на монастырь куда более прозаичны. Прежде всего, монастырь был весьма богат и обеспечен всем необходимым для того, чтобы играть роль операционной базы в тылу вражеской армии. Разграбление его обещало изрядную добычу и к тому же пополнение скудных продовольственных запасов. Гарнизон монастыря, методично уничтожавший вражеских фуражиров, был для Батория настоящей занозой в пятке.

По словам Рейнгольда Гейденштейна, «...склонясь на непрерывные просьбы многих, король отправил туда Фаренцбека. Он приказал ему, ознакомившись с местоположением, уведомить его о том, какое он примет решение; и если ему покажется, что можно овладеть монастырем без большого труда, то король вышлет ему на подмогу солдат и пушки; если же, по его мнению, взятие мона-

стыря окажется слишком трудным, чтобы можно было предпринять его в это время, то пусть вернется назад, оставив дело в прежнем положении. Отправившись с несколькими всадниками, Фаренцбек наткнулся на дороге на неприятельских конников, далеко превосходивших его числом, которые, выступив из Печерского монастыря против наших фуражиров, в это время возвращались домой; одних из них перебив, других разогнав, Фаренцбек, подстрекаемый успехом стычки и видя, что монастырь не был защищен ни довольно большим рвом, ни палисадами или естественным положением, с другой стороны, как человек смелый, возымел большую надежду на успех и решился сделать приступ. Король послал ему немецких солдат с несколькими тяжелыми пушками и, когда последние, проведя сперва траншеи, разрушили некоторую часть стены, то попытались ворваться по развалинам»⁴³⁷. Вместе с немцами под Печерами оказались и отряды польской кавалерии. Таким образом, обитель попробовало на зуб весьма значительное войско.

Большой штурм закончился для атакующий полным разгромом. Именно тогда в плен к защитникам обители попали знатные дворяне немецкие, а вместе с ними — множество наемников.

Баторий не желал признавать неудачу. Он отправил под стены монастыря 500 венгров и еще один отряд немецких наемников. Разрушив часть укреплений, венгры предприняли второй штурм. Немцы отдельно от них устремились в старый пролом. И те, и другие откатились с большим уроном.

Гейденштейн с горечью комментирует: «Неприятель приписывал эту неудачу наших чуду, наши же заклинаниям и колдовству. На самом деле тут можно было заметить, что в виду более слабых укреплений столь же часто вредит небрежность, сколько при взятии сильных мешает самая трудность дела; потому что в последнем случае са-

мая великость опасности и рождающийся отсюда страх часто возбуждают военную доблесть, а в первом случае самая маловажность дела ослабляет силу напряжения души и усердие. Однако некоторые думали, что, если бы наши пошли на приступ со всеми силами и в одно время, то без сомнения можно было бы взять монастырь даже без большого труда. Между тем, пока наши наступали по одиночке, сперва сами по себе Немцы, потом Венгерцы, неприятелям была даваема возможность собирать все силы в одно место, и натиск наших был ослабляем»⁴³⁸. Но, может быть, не столько слабы оказались усилия наемников, не столько виновата в новом поражении несогласованность их действий, сколько хорош, искусен и отважен печерский гарнизон. Русские защищали знаменитый монастырь со всеми его святынями. Поддаться было бы стыдно — позор и поругание на всю жизнь! Совершенно так же поведут себя защитники Троице-Сергиевой обители во время Смуты, да и защитники Соловецкого монастыря, подвергшегося нападению новейших британских кораблей в Крымскую войну. Они исполняли не только дело чести, но и дело веры, а потому стояли насмерть, не считая потерь.

Пиотровский честнее Гейденштейна. Он просто говорит: «Подвиги монахов достойны уважения и удивления»⁴³⁹.

А может быть, и впрямь Бог помог?

Для верующего человека в этом нет ничего странного, ничего невозможного. И даже такой скептик, как язвительный Пиотровский, задавшись вопросом, почему Фаренцбеку так не везет у Печор, колеблется с ответом. Вероятно, там просто не хватает пороха — его вообще мало в лагере Батория; Фаренцбек получал его несколько раз, но, как видно, для артиллерийской поддержки при штурмах этих припасов оказалось недостаточно. Но возможно и другое: «Печерцы удивительно стойко держатся, и разнеслась молва, что русские или чародействуют, или это место действительно святое, потому что едва подошли к

пробитому в стене пролому, как стали все, как вкопанные и далее идти не смели, а между тем русские стреляли в них, как в снопы. Все русские чтут образ Пречистой, и этот монастырь пользуется в здешней стороне таким же значением, как у нас Ченстоховский»⁴⁴⁰.

Для русских же одоление иноверного войска под Псковом и Печорами — ясный признак благоволения Божьего. В этом нимало не сомневались. Осада города в исторической памяти Псковщины наполнена чудесами, явленными от Богородицы и местных святых, защищавших крепостные стены мистическим оружием. Князь Шуйский предстает в ней благоверным воином, больше надевшимся на Христа и Богородицу, нежели на укрепления города.

К январю псковичи осмелели. В их глазах великая армия Стефана Батория перестала быть мрачной угрожающей силой. Прежний ловец сам превратился в зверя, которого следовало травить, пока он не залечил раны и не поднялся с новой яростью. Пиотровский рассказывает о нескольких крупных вылазках осажденных, в том числе и об одной, явно удачной, сделанной в расположение немецких наемников: «Русские ободрились. Сделали вылазку, а всего их было на вылазке около тысячи пехоты и несколько сот конницы. Немцы⁴⁴¹ должны были отступить».

Иван Петрович получил донесения о том, что неприятель ослабел и убавился в численности. Воевода строит смелый план контрудара. Пора еще разок потрепать поляков, пора напомнить, какую угрозу для них самих представляет осада. Гейденштейн пишет: «Шуйский, видя огромную силу морозов и получая от перебежчиков известия, что повсюду в лагере распространяются от того лихорадки... стал изыскивать способы, как бы к славе спасения города присоединить еще славу взятия польского лагеря и уничтожения неприятельского войска»⁴⁴².

Воевода готовит масштабную вылазку, в которой должны принять участие лучшие силы гарнизона.

В день вылазки столкновение с отрядами Замойского переходит в большую битву. Неясно, кто одержал в ней победу. Обе стороны приписывают ее себе, и обе понесли значительные потери. Русские и польские источники кардинальным образом расходятся в оценке событий.

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» сообщает: 4 января большой отряд конных и пеших атаковал поляков, выйдя из Великих ворот. «И в той вылазке более восьмидесяти почтенных и прославленных знаменитых панов убили и много важных языков в город привели. Это была последняя вылазка. Всего же вылазок из города было сорок шесть»⁴⁴³. Таким образом, с точки зрения псковичей, они, без сомнений, одержали победу. Допустим, сколько участники вылазки убили «знаменитых» и «почтенных» панов, а сколько незначительных и непочтенных бойцов, они знать не могли — не было у них никакой возможности разглядывать и пересчитать трупы. А вот «много важных языков» явно в городе видели. И то, что их сумели доставить в крепость, а не изрубили и не бросили на подороге, как бывало, когда наседали превосходящие силы неприятеля, свидетельствует еще и об относительно благополучном возвращении русских отрядов под защиту стен с пушками и пищальями.

Рейнгольд Гейденштейн строит сообщение о битве 4 января в принципиально ином ключе. По его словам, «Шуйский, узнав от перебежчиков о численной слабости внешних постов и о количестве оных, возымел намерение, захватив сперва нечаянным нападением караульные посты, напасть на самый лагерь; с этою целью он собрал около 700 лошадей, оставшихся еще живыми после всех бедствий осады, и посадил на них самых смелых людей. Против города находилось два поста со стороны лагеря; один стоял за рекою Великой, наблюдая за Печорской

дорогой, второй — по сю сторону реки выше лагеря. С другой стороны за безопасностью наблюдали отряды, стоявшие при Святой горе. Шуйский выслал около 300 отборных всадников за реку Великую против тех, которые стояли на постах, как указано было, при Печорской дороге; он, как потом стало известно от пленных, имел в виду следующий план: как скоро, по занятии им тех постов, другие, стоявшие на караулах с верхней стороны лагеря, как он имел основание рассчитывать, покинут свои места и переправятся по покрытой льдом реке для помощи своим, то лагерь таким образом будет обнажен и ему будет возможно ворваться в него неожиданно, не встречая никакого препятствия. В тот день пришлось занимать посты хоругви Зборовского, которая состояла из 300 всадников; Фома Оринский (Thomas Orinscius) расположился приблизительно с 40 человеками из этого числа за рекою Великой, а с прочими занимал караулы по сю сторону реки Плесковы выше лагеря Лаврентий Скарбек (Laurentius Scarbecus), наместник хоругви. Но уже до этого Замойский дал приказы вообще всем сторожевым постам при вылазке неприятеля не давать ему возможности завязать тут же сражение, но тотчас, обходным движением отступить к лагерю не только для того, чтобы легче можно было с более близкого места отправить им подкрепление, но и чтобы завлечь неприятеля и заставить его вступить в битву подальше от города. Оринский (Orinscius) так и сделал. Шуйский выслал часть пехоты из города, которая, заняв какую-то долину, так как все место было пересечено неровностями, и, отрезав отступление, открыла сильную пальбу из ружей. В это время Замойский приказал Скарбеку, державшему, как выше указано было, караул на более отдаленном посту тотчас переправиться через реку и произвести нападение на неприятелей, и вместе с тем сам, сев на коня, приказал следовать за собою находившимся в резерве, как объяснено было выше. Когда Скарбек очень

скоро переправился через реку, то Шуйский, лишь только заметил, что лагерь лишен охраны, тотчас выслал из разных ворот всю пехоту и конницу для взятия лагеря. В это время... караулы в палатках, которым Замоиский приказал следовать за собою, уже приготовились к битве и прежде всех Венгерцы, занимавшие часть лагеря при реке Великой, затем Иван Кретковский (Iohaunes Kretkovius) с хоругвию Станислава Пржиемского, (Stanislaus Prijemscius), Сарнацкий (Sarnacius) с хоругвию Иеронима Гостынского (Hieronymus Gostinius), коих они были наместниками; за ними и другие с такою стремительностью бросились вперед, что при одном их движении, при одной стычке и натиске около 300 человек неприятелей пало, более 60 было взято в плен и весьма много ранено. Шуйский, ожидавший на ближайшей стене исхода вылазки, видя это поражение и бегство своих, тотчас, отозвав их, увел в город»⁴⁴⁴.

Что тут скажешь? Красива эта история! Успех, одержанный в результате высокого стратегического замысла гетмана Замоиского. И сам Замоиский не преминул отправить Стефану Баторию и польским дипломатам, которые вели переговоры с российскими, восторженные реляции в том же духе. По его словам, он разбил русских, положил на месте три сотни, да еще несколько десятков пленил.

Но если приглядеться к сообщениям Гейденштейна и Замоиского, некоторые нестыковки позволят поставить под сомнение полный успех поляков.

Прежде всего, маловероятен вывод за стены города 700 русских кавалеристов. У Шуйского, следует напомнить, при начале осады имелось под командой 1000 кавалеристов дворянского ополчения и 500 казаков, часть которых, надо полагать, также могла воевать в конном строю. На протяжении всей осады русская конница активно участвовала в вылазках и соответственно несла потери. К тому же город испытал муки голода, и какое-то количество боевых коней просто пошло под нож. И вдруг

после четырех месяцев осады выясняется, что Иван Петрович располагает еще семью сотнями всадников! Вот уж поистине чудо, сколь искусно этот воевода сберегал свои резервы! Иными словами, сама цифра — 700 кавалеристов, участвовавших в сражении, — вызывает удивление.

Кроме того, поляки понесли серьезные потери. Зборовский признается в своем письме, что у него погибло двое знатных людей — поляк Грудзкий и венгр Кобор Ферреус (Франциск?). Более того, некий Пёнтковский пропал без вести⁴⁴⁵. Исчезновение с поля боя скорее всего означало то, что его пленили русские. Стало быть, данные «Повести...» о захваченных на вылазке польских «языках» получают подтверждение хотя бы частично. Гейденштейн показывает более плачевную для поляков картину: «С нашей стороны также погибло несколько человек в этой стычке, так как при занятии неприятелями долины невозможно было другим придти на помощь окруженным. Взят был в плен знатный всадник Пентковский (Pientkovius) и уведен неприятелями. Оринский (Oriniscius), долго храбро сопротивлявшийся неприятелям, также погиб, пораженный с более высокого места, пулею в плечо и грудь. Петр Грудзенский (Petrus Grudzenscius) был убит выстрелом со стены из пушки большего размера в то самое время, когда уже открыл себе дорогу мечом сквозь неприятелей и почти добрался было до безопасного места у наших и почти до самого лагеря. Из венгерских всадников пал Франциск Кобор (Franciscus Kobor) и Барраб Балог (Barrabus Balog), мужи храбрые. Если бы не слишком скоро нашим нужно было выдти из лагеря для защиты их, которые вместе с Оринским были окружены, то несколько не следует, как кажется, сомневаться в том, что все неприятельские войска легко можно было бы завлечь к самому лагерю и, уничтожив их, почти покончить войну»⁴⁴⁶.

«Благородное», «рыцарское» *если бы*. Допустим, правы поляки, и русские на вылазке понесли серьезные потери.

В конце концов, у ратников Замойского имелась возможность пересчитать тела павших. Правда, и преувеличить потери неприятеля Замойский в рапорте самому королю мог. Ведь о гибели знатных людей он доложил королю не всё, кое-что утаил...

Но важнее в данном случае другое: полякам долгое время не везло. Их осада, как стало понятно к зиме 1581/82 г., не могла привести к падению Пскова, зато привела к многочисленным потерям среди самих осаждающих. Армия при любых обстоятельствах должна была в скором времени отойти от города. Держалась она там с большим трудом, к тому же сильно «похудела». Следовало как-то взбодрить людей добрыми известиями. Вот и раздули Замойский, а вслед за ним и Гейденштейн из боя, который мало что решал, стратегический успех, разрушение какого-то хитроумного плана Шуйского — напасть на лагерь, уничтожить там королевскую армию...

Может, русский воевода мечтал и Польшу завоевать?

Иван Петрович располагал столь незначительными силами боеспособной пехоты и кавалерии, что серьезного полевого сражения должен был бояться как огня. Даже если бы польская армия уменьшилась по сравнению с началом осады втрое-вчетверо (а это предположение прямо фантастическое), то и тогда воеводе пришлось бы столкнуться с силами, намного превосходящими его собственные по численности. Под рукой князя находилось 4000 войск, годных для боя в открытом поле (стрельцы, казаки, дворянская конница), да еще несколько сотен стрелецкого войска, пробившегося во Псков после начала осады, минус многочисленные потери на вылазках, при неприятельских бомбардировках и отражении приступов — сколько же ратников мог выставить Шуйский к январю 1582 г.? *Находясь в здравом уме и твердой памяти, такой гроссмейстер воинской тактики, каким являлся Иван Петрович, ни при каких обстоятельствах не*

пытался бы разгромить полевое соединение Замойского. Шуйский прекрасно понимал свое положение.

Что произошло на самом деле? Шуйский бросил кавалерию на сторожевой отряд поляков. Те, отходя, приняли бой. Затем князь Иван отрезал полякам путь к отступлению с помощью команды стрельцов. Вражеский отряд, судя по всему, подвергся разгрому, его командир погиб. Затем из лагеря вышли значительные силы поляков и устремились на участников вылазки. Шуйский отвел своих бойцов назад, но пока те отступали, неприятель, преследуя их, нанес серьезный урон.

Во время переговоров о выдаче псковскому гарнизону тел русских воинов, погибших в том бою, произошла ссора, перешедшая в новую стычку. Это привело ко всеобщему озлоблению.

Под занавес осады польско-литовские войска были измотаны и уstraшены упорством русских ратников. О новом штурме никто не помышлял с ноября. И даже простое стояние у псковских стен стоило очень дорого. Королевское командование прекрасно понимало: твердость защитников крепости подпитывается высоким боевым духом их командира — князя Шуйского. Поэтому поляки, разозленные последней схваткой, решили погубить его каверзой. Артиллерийский офицер Иван Остроумецкий предложил коронному гетману подорвать Ивана Петровича...

9 января 1582 г. из лагеря осаждающих в крепость пришел русский пленник, отпущенный во Псков с большим ларцом. Бог весть, решил ли этот человек на тяжкую измену, или просто был введен в заблуждение. Во всяком случае «легенда» его была такова: среди королевских офицеров сыскался некий дворянин Гонсумеллер, решивший стать перебежчиком. Он и отправил во Псков человека с ларцом, дав ему также грамоту. В пересказе этот текст зву-

чит следующим образом: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер⁴⁴⁷ челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрянбеником⁴⁴⁸, и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, а иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени»⁴⁴⁹.

Хитрость была шита белыми нитками. Только ярость отчаяния могла подвигнуть командование осаждающих на такую подлость и в то же время на столь наивную уловку. Посоветавшись с прочими военачальниками, Иван Петрович решил не открывать ларчик с секретом. Вещицу отнесли подальше от воеводской избы. Там им занялся псковский умелец, отперший ларец со всей осторожностью. О! «Казна» в нем оказалась знатная! Внутри поляки установили двадцать четыре заряженных пистолета⁴⁵⁰. Их направили во все стороны. Замки пистолетов соединялись ремнем с запором ящичка, а поверх «самопалов» польские хитрецы насыпали с пуд пороха. Если бы воевода неосторожно откинул крышку, то непременно получил бы свинцовый залп и мощный взрыв...

Гейденштейн фантазирует, будто бы взрыв все-таки произошел и от него погиб русский воевода князь Андрей Иванович Хворостинин плюс некто Козецкий (Замыцкий?), а князь Шуйский получил ранение: позднее его не видели на стенах. Русские источники полностью эту выдумку опровергают. Летом 1583 г. мы видим Андрея Хворостинина первым воеводой передового полка на казанских землях. Ему предстояло прожить еще долгий, насыщенный событиями отрезок жизни.

Впрочем, существует третья версия этих событий, наиболее достоверная. Ее излагает автор независимого

частного летописца, названного историками Пискаревским. Он явно получил сведения от участника псковского «осадного сидения», поскольку передает бытовые подробности, выдающие слово очевидца. Так вот, по изложению Пискаревского летописца, «адская машинка», попав в руки псковских воевод, вызвала подозрение неким «малым ремешком», привязанным к ларцу. Ремешок порвали, после чего пришлось вызывать мастера-«замочника». А уж тот вскрыл ларец безопасным способом. Там обнаружили «... полно зелия и пищалок маленьких. А тот ремешок приведен к спускам самопальным». Разобранная адская машинка не причинила псковским воеводам никакого вреда.

Русский современник спокойно резюмировал этот эпизод: «Кого Бог хранит, того и вся вселенная не сможет убить, а от кого Бог отвернется, того и вся вселенная не сможет укрыть»⁴⁵¹.

Последние недели осады идут под аккомпанемент донесений с русско-польских переговоров. Боевые действия фактически прекращены, псковские купцы налаживают торговлю, но войско коронного гетмана еще не уходит. И даже представителя царского посольства Петра Пивова, направленного с известиями во Псков, Замойский не пускает через расположение своей армии. Поляки задерживаются до последней возможности, ожидая, как видно, что бдительность русских воевод ослабнет, и они все-таки смогут пробраться в несокрушимую твердыню.

Тщетно.

Наконец, автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» может вздохнуть с облегчением: «Месяца февраля в 4 день польский гетман, канцлер, отошел от града Пскова в Литовскую землю со всею силою литовскою. Тогда же в граде Пскове раскрылись затворенные ворота».

Итак, прорыв польской армии в центральные области России не состоялся. Мощное войско короля Стефана Батория обломало зубы о северную русскую твердыню. Переговоры об окончании войны, шедшие в Яме Запольском, окончились десятилетним перемирием. Условия его были тяжелыми для России, но после всех побед, ранее одержанных Стефаном Баторием, Речь Посполитая могла надеяться на большее. Тяжелое поражение под Псковом остановило неудержимый, казалось бы, порыв поляков на восток. В результате они сами попали в критическое положение. Между тем Московское государство, измотанное, обескровленное, все еще могло сопротивляться. Стратегический успех, достигнутый князем Иваном Петровичем Шуйским и его соратниками, ободрил Россию, уставшую от известий о неудачах. А Стефан Баторий вынужден были вернуть многие русские города, захваченные им в 1580—1581 гг., прежде всего Великие Луки. И уж конечно, более и речи быть не могло о каких-то территориальных уступках, касающихся коренных русских земель — Новгорода, Пскова, Смоленска, северских городов.

Слава отважных псковичей и их воеводы князя Шуйского прокатилась по всей России из конца в конец. Долгие годы люди помнили о том, как под его руководством у стен древнего русского города была сломлена воля великой армии, как гордый король польский со срамом воротился из-под Пскова.

Знали о псковском триумфе русских и в Европе. Свидетель обороны Пскова, папский посланник Антонио Поссевино, побывавший в польском лагере и на переговорах в Яме Запольском, впоследствии писал: «Русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на место убитых или взорванных действием подкопа и заграждают грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются».

Николай Михайлович Карамзин высказался об отражении Батория поэтически: «То истина, что Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится из нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени»⁴⁵².

А историк С.М. Соловьев напомнил, что князь И.П. Шуйский вернул семейству репутацию искусных воителей: «Князь Петр Шуйский, как полководец, является на самом видном месте и хотя погиб без славы во второй Оршинской битве, но защита Пскова, в которой прославился сын его, князь Иван Петрович, восстановила с лихвою славу фамилии. Известно, как дорог бывает для народа один успех среди многих неудач, как дорог бывает для народа человек, совершивший славный подвиг, поддержавший честь народную в то время, когда другие теряли ее...»⁴⁵³

Для польской и литовской историографии поражение блистательного полководца, могучего короля Стефана Батория под стенами Пскова — мрачная страница. Образованные люди Польши и Литвы разными способами старались преодолеть эту прореху на национальном историческом самосознании. В изысканной, интеллектуальной форме маршрут этого преодоления предложен Витольдом Вацлавовичем Новодворским, профессором Виленского университета: «Если доблестная защита кн. Шуйским и его воинами Пскова умерила требовательность Батория и ускорила заключение мира, то с другой стороны столь же удивительная стойкость польского гетмана и его войска способствовала тому, что главная цель войны была достигнута Баторием: Ливония отнята у Иоанна»⁴⁵⁴. Ну да, конечно же, это великая заслуга Замойского и самого короля, что из великой армии, пришедшей под Псков, кто-то выжил, и, значит, они не уморили ее всю, до последнего человека своим тупым упрямством... Насчет Ливонии — да! еще одна крупная удача: ее действительно отобрали у

русских... вот только вся Восточная Ливония, в том числе Нарва, Ревель, Раковор, достались не Речи Посполитой, а шведам. Ведь они-то *на самом деле* занимались «отбиранием», пока полякам долбили в мерзлой псковской земле могилы... Но по сравнению с умным Новодворским, тонким исследователем, художник Ян Матейко поступил куда как проще и развязнее. На его полотне «Стефан Баторий под Псковом» русские власти города, светские и духовные, подносят Баторию ключи от него. Иными словами, сдают Псков. Польские искусствоведы толкуют о каком-то «символическом значении» картины. Наши патриоты укоряют Матейко: «Ну нельзя же до такой степени не знать историю!» Живописец историю, надо думать, отлично знал. Но ему, вероятно, понравилась идея... альтернативной истории: хоть так, хоть в мечтаниях, хоть в художественных образах взять у русских реванш за поражение великого рыцаря Батория под Псковом! Фантасты, они ведь не обязательно писатели. Иногда они встречаются и среди художников...

Суть же проста: крепко побил Иван Петрович Шуйский поляков. Помнить бы эту победу получше: она представляет собой один из самых светлых эпизодов в истории русского оружия от Древней Руси до современности.

В самом Пскове навсегда сохранили память об одолении страшного врага. По словам современного псковского историка Н.Ф. Левина, «...8 сентября 1581 года, в день Рождества Богородицы, защитники крепости отбили первый, самый ожесточённый приступ. Центром сражения стало место пролома в стене между Свиной и Покровской башнями, возле монастыря Покрова Богородицы. Уже в следующем году, после заключения мира и ухода врагов, благодарные псковичи поставили в этом монастыре деревянную церковь во имя праздника Рождества. Затем для неё перестроили тёплую монастырскую трапезную, примыкавшую к северной стене холодного Покровского

храма. В результате такой пристройки получилась своеобразная сдвоенная церковь Покрова и Рождества Богородицы». Храм сохранился до наших дней, в советское время его отреставрировали и вернули древний вид.

В XVII веке «Повесть о приходе на град Псков» пополнилась рассказом ослепшего пушечного кузнеца Дорофея о случившемся в осадное время видении Богородицы в столпе света, преподобных игумнов Антония Киево-Печерского и Корнилия Псково-Печерского, а также иных святых псковских на крепостных стенах. По мотивам этого рассказа создана была икона с Богородицей и псковскими чудотворцами, стоящими у городских укреплений, рядом с башнями и пушками. Этот иконный тип получил у псковских живописцев большую популярность...

В 1601 г. владыка псковский Геннадий утвердил «чин» ежегодного крестного хода в память об отражении Стефана Батория. Помимо него совершалось несколько дополнительных «крестохождений».

Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» прямо высказался в том смысле, что спасение города означает торжество христианства. А значит, к разгрому неприятеля привели не только подвиги ратоборцев, но и вмешательство небесных сил. «Благодаря великому и неизреченному Божьему милосердию пребезначальной Троицы, и помощницы нашей и молебницы о всем роде христианском, истинной Богородицы и приснодевы Марии; и благодаря заступничеству пребожественных сил и покровительству и молению великих святых чудотворцев... благоверный и христоробивый царь-государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси свою государеву отчину, град Псков, и всех пребывающих в нем избавил от литовского короля и от всего его войска, только Богу известно какими судьбами», — пишет он⁴⁵⁵. Князь И.П. Шуйский, таким образом, испол-

нил свой долг не только перед землей, перед государем, но и прежде всего — перед Богом.

Что ж, Иван Петрович исполнил его наилучшим образом. И как превосходный полководец, и, не менее того, — как твердо верующий православный человек...

«Псковское сидение» обозначило важный поворот в Ливонской войне: больше ни у кого из ее главных участников не хватало сил для масштабных действий. Речь Посполитая, доселе еще сильная, дерзкой ногой вставшая на Русскую землю, теперь принуждена была смириться: ее мощь оказалась перемолотой. В том же году князь Дмитрий Иванович Хворостинин остановил стремление шведов у Лялиц. Более полководцы ничего не могли сделать: истощились ресурсы, позволявшие ставить под их знамена могучие армии. Железный кулак военачальника уступил место изощренному уму дипломата.

После отступления поляков Иван Петрович остается во Пскове все тем же вторым воеводой. В конце 1583 или начале 1584 г. его оставляют там уже первым воеводой. В этой должности он встречает новое царствование — Федора Ивановича.

Глава 10. **СОБЛАЗН И ПАДЕНИЕ**

При новом государе судьба Ивана Петровича Шуйского, да и всего семейства Шуйских резко переменилась.

Первые годы после смерти Ивана IV они по-прежнему в чести.

Историк А.П. Павлов сообщает: «Князья Шуйские благодаря службе в “особом” дворе и военным заслугам сумели к середине 1580-х годов не только сохранить (вернуть) свои родовые вотчины, но и получить суздальские вотчины сородичей, князей Горбатых (села Горицы и Лопатничи). В 1587 г. в связи с опалой вотчины у Шуйских (кроме Ско-

пиных) были конфискованы. После снятия опалы в начале 90-х годов Шуйским снова возвращаются их владения, хотя... и не в полной мере». В ту пору виднейшим из всего семейства Шуйских был именно князь Иван Петрович. И ему принадлежало крупное поместье на 2038 четвертей земли у Бежецкого Верха, огромное поместье на 3500 четвертей у села Вача в Муромском уезде⁴⁵⁶, да еще другие поместья — в Ростовском, Козельском, Московском и Псковском уездах. Таким образом, Иван Петрович был одним из богатейших землевладельцев России. Это позволяло ему делать большие церковные вклады, и в обширном перечне вкладчиков суздальского Спасо-Евфимьева монастыря он стоит на втором месте⁴⁵⁷. Шуйские вообще, видимо, жаловали эту обитель, расположенную рядом с их родовыми вотчинами.

Князю И.П. Шуйскому уже не приходится командовать армиями и защищать крепости, тратить здоровье и силы в дальних походах.

На заре царствования Федора Ивановича (до начала 1586) он воеводствовал во Пскове и лишь на время выезжал в Москву. Князь Шуйский даже не участвовал в торжественной церемонии венчания на царство Федора Ивановича, прошедшей 31 мая 1584 г. Незадолго до того он явился в Москву, вероятно, занимался устройством дел семейства, а потом, весьма скоро, отбыл ко Пскову. Именно тогда, вероятно, он взял в долг у Чудова монастыря 50 рублей — солидную для конца XVI в. сумму, отданную князем осенью 1585 г.⁴⁵⁸ О каких-либо иных воинских службах боярина ничего не известно. Да ведь он уже не юноша, ему в середине 1580-х было примерно 45 лет. А в отличие от воинских обычаев нашего времени в вооруженных силах Московского государства этот возраст считался для крупного военачальника преклонным.

Но при необходимости Шуйский вновь мог отправиться на поле битвы. Угроза, исходящая от Речи Посполи-

той, время от времени усиливалась, тогда правительство концентрировало силы, чтобы отразить новый поход Батория. Так, например, было весной 1585 г. Готовясь к большой военной кампании, московское правительство велело «город... делати» в Новгороде Великом, отправило туда воевод с воинской силой и — как меру особой важности — запланировало откомандировать туда Ивана Петровича Шуйского, лишь только «пойдет к Новугороду король»⁴⁵⁹. Видимо, от князя Ивана чаяли надежности: один раз удержал грозного короля, так и второй раз города ему не сдаст... К тому же, над северо-западом России нависала и другая угроза вооруженного конфликта — со Швецией. Мир висел на волоске. Поэтому в некоторых разрядах сказано, что армию концентрировали и на случай, если «пойдут к новугороду немецкие люди (т.е. шведы. — Д.В.)»⁴⁶⁰. Гром не грянул, Шуйскому не пришлось возглавлять оборону Новгорода. Князь занялся тогда фортификационной деятельностью: ему поручили «город делать»⁴⁶¹.

В ноябре 1585 г. Шуйского «разрядили» вторым воеводой полка Правой руки в армии, которую собирали под Новгородом для похода против шведов. На следующий день после Рождества Христова ему следовал последний срок для прибытия к войскам. Значит, декабрь застал князя на Новгородской земле. Ситуация накалялась, и его скоро назначили вторым воеводой Большого полка, где первым был один из служилых татарских царей. Иными словами, Шуйскому доверяли командовать армией вторжения. Но поход не состоялся: 4 января 1586 г. царь его отменил⁴⁶².

Другой раз, осенью 1586-го, война с Баторием предотвращена была лишь кончиной польского монарха. Московское государство уже собирало большую оборонительную армию. Шуйский числился там воеводой полка Правой руки⁴⁶³. Но и эта гроза, по милости Божьей, обошла Московское государство стороной...

Иван Грозный, зная о том, что сын его Федор Иванович по умственной конституции более молитвенник, чем правитель, назначил совет из нескольких «опекунов», которые и должны были взять в свои руки государственную власть. Каждый из них достиг высокого положения при Иване Васильевиче, отличался умом и большим авторитетом. Но после смерти Ивана IV поладить им не удалось.

Иван Петрович оказался в числе опекунов. Таким образом, он оказался держателем частицы высшей государственной власти. Что ж, такого возвышения воевода был достоин, и современники это признавали. По словам британского дипломата Джильса Флетчера, побывавшего на исходе 1580-х гг. в Москве, князя И.П. Шуйского считали человеком «с большими достоинствами и заслугами»⁴⁶⁴.

Очень быстро опекуны и Боярская дума разбились на несколько враждующих лагерей.

С одной стороны — худородные «выдвиженцы» Ивана Грозного. С другой — высшая знать, т.е. прежде всего Шуйские, а с ними князь И.Ф. Мстиславский, князья Воротынские, старинные семейства московских бояр Головиных и Колычевых. Наконец, самостоятельной силой стал клан, сгруппировавшийся вокруг царской родни — Годуновых и Романовых-Юрьевых. На их стороне оказались также князья Трубецкие и Хворостинины. Схватка за полноту обладания властью при тихом царе Федоре Ивановиче разгорелась с первых дней правления.

Здесь следует вернуться от истории русской боевой славы к истории русской аристократии.

Русское государство сложилось еще в конце XV — начале XVI столетия таким образом, что рядом с особой монарха всегда присутствовала сильная, многочисленная, амбициозная аристократия. Она в чем-то подчинялась государю, а в чем-то делила с ним власть над страной. Из нее рекрутировались все высшие управленческие кадры:

Боярская дума, «судьи» (так именовали тогда не только тех, кто главенствовал в судах, но и глав «приказов» — центральных ведомств), главнокомандующие полевыми соединениями и гарнизонами важнейших крепостей, воеводы в полках и наместники в наиболее значительных городах. На протяжении века аристократы-управленцы превосходно справлялись со своими обязанностями: строили государственную структуру стремительно растущей державы, отбивали татар и наносили им ответные удары, вели планомерное наступление на земли Великого княжества Литовского, составляли новые законы и руководили строительством новых укрепленных пунктов. Они бывали лучше и хуже, более верны или же более склонны к измене и своевольству, но в целом они представляли собой весьма качественную национальную политическую элиту.

Вместе с тем служилая знать была весьма неоднородна по составу. Первые десять — пятнадцать родов — древнейших, влиятельнейших и богатейших — имели огромное влияние на дела. Отпрыски этих семейств имели право занимать высшие должности в армии и получать боярские чины в Думе в силу одной только аристократической крови, текущей в их венах. В число этой высшей знати, или, иначе, аристократов первого ранга, входило при Федоре Ивановиче несколько родов Рюриковичей (князя Шуйские, Воротынские, Одоевские, в меньшей степени — Троекуровы, Татевы), Гедиминовичей (князя Мстиславские, Трубецкие, Голицыны), князя Глинские⁴⁶⁵, а также некоторые старинные боярские рода, например Шереметевы, Сабуровы, Головины, Колычевы или Захарьины-Юрьевы-Романовы. Рядом с этим немногочисленным собранием «лучших родов» существовала аристократия «второго ранга». Ее представители имели право выслужить думный или воеводский чин, однако их «отечество», т.е. статус их рода среди других знатных родов, еще не предопределял, что они непременно сумеют заслужить высшие должности.

Сам по себе факт рождения в семействе знати «второго ранга» лишь давал возможность заработать возвышение честными административными и военными трудами на благо великого государя. Среди титулованной, т.е. княжеской, аристократии этот слой представляли, например, Хворостинины, Охлябины, Сицкие, Туренины, Лыковы, Щербаты, Прозоровские и др. Из числа нетитулованной знати (древних боярских семейств) в него входили, например, Борисовы-Бороздины и Годуновы. Всего же примерно пятьдесят или шестьдесят родов. Еще ниже стояла многотысячная масса дворянства, также неоднородная, состоявшая из «детей боярских»⁴⁶⁶ городских, выборных и дворовых, служивших по провинциальным и по московским спискам, более обеспеченных, менее обеспеченных, более родовитых, менее родовитых, вообще «неродословных» людей. Но всех неаристократических служильцев объединяло одно: выход к «думным» и воеводским чинам для них был закрыт. Худость крови не позволяла. И только какая-нибудь хитроумная матримониальная комбинация или прямое благорасположение царя могли расчистить перед подобными людьми место для карьерного прыжка вверх. Иван IV в опричные времена, да и позднее позволял «худородным выдвигенцам» из этой самой гущи незнатных людей осуществить такой взлет. Правда, этот шанс достался совсем немногим. Его получали либо те, кто показал на деле выдающиеся способности, либо те, кто понадобился монарху для карательных или просто палаческих операций, либо те, кого «втащила» более удачливая родня. Им Иван Грозный давал особый чин «думного дворянина» (ниже боярина и окольникового, но все же позволявший присутствовать на заседаниях Боярской думы), некоторые «дворовые» (придворные) чины — оружничего, ловчего, печатника, а иногда даже выдвигал их на воеводские посты в действующей армии. Все это совершалось отчасти против сложившегося по-

литического уклада, отчасти же в обход него. Ситуация несколько облегчалась тем, что у монарха было две Боярских думы — сначала опричная и земская, затем, со второй половины 1570-х годов, — «дворовая» и земская. Так вот, худародные выдвиженцы были «приписаны» к «дворовой» думе.

После кончины Ивана IV подобное двоение потеряло смысл. Начался процесс постепенного слияния двух административных иерархий. И если реальная власть в стране контролировалась в значительной степени худародными любимцами покойного царя, то по части знатности, «отечества», древности рода, да и материальных средств они явно уступали аристократам. Им предстояло отстаивать свое положение в местнических тяжбах, которые они должны были раз за разом неминуемо проигрывать, ведь Федор Иванович не проявлял желание как-либо их поддерживать, не двигался в этом смысле по стопам отца. А без прямой и очевидной поддержки государя партия «выдвиженцев» неминуемо теряла всю свою силу и влияние.

В 1584 г. туда входили: Б.Я. Бельский (оружничий и думный дворянин), скоро высланный из столицы в результате беспорядков, М.А. Безнин (думный дворянин, выдающийся дипломат и опытный полководец), Р.В. Алферьев (думный дворянин, воевода и печатник Ивана Грозного), Афанасий и Андрей Федоровичи Нагие (родня последней жены Ивана Грозного Марии Нагой, думные дворяне), Федор Федорович Нагой (отец Марии Нагой, окольничий), а также думные дворяне Р.М. Пивов (выполнял при Иване IV дипломатические и административные поручения), Д.И. Черемисин (казначей при Федоре Ивановиче), Е.В. Воейков, И.П. Татищев, В.Г. Зюзин. Из их числа Нагие, Безнин, Алферьев и Зюзин по «отечеству» стояли выше прочих, они были, как говаривали в ту пору, «родословными людьми», т.е. их рода входили в родослов-

цы. Особенно это справедливо в отношении Нагих, имевших длительную генеалогическую историю, уходившую корнями в XIII век и связанных с династией московских Рюриковичей двумя браками. Однако по сравнению со служилой аристократией и Нагие, и прочие дворяне из этого списка стояли заметно ниже: местническая «честь» их оценивалась невысоко.

За несколько лет партия «худородных выдвиненцев» потерпела жестокое поражение. Ее полностью оттеснили от власти. Как уже говорилось, в первые же месяцы после кончины Ивана IV из Москвы был выслан Бельский. Нагие также расстались со столицей. Нагие могли представлять опасность для всех, поскольку их роду принадлежал последний сын Ивана Грозного — малолетний царевич Дмитрий. При отсутствии у Федора Ивановича наследников он автоматически становился главным претендентом на престол. Для Дмитрия был в качестве удела определен Углич. Семейство Нагих не переставало интриговать оттуда, пока царевич не погиб в 1591 г. Бельский, крупный политик, богатый и склонный к интригам человек, мог стать той фигурой, которая способна была объединить «партию» и организовать ее для общего дисциплинированного противодействия служилым аристократам. Однако его удаление из столицы оставило бывших «дворовых» без потенциального вождя.

И.П. Татищев и Д.И. Черемисинов первое время как будто оказались среди сторонников Бориса Годунова, войдя в «партию» невенчанного правителя. И первый из них на протяжении всего царствования Федора Ивановича благоденствовал. И.П. Татищеву доверяли серьезную дипломатическую работу, а в начале царствования Бориса Федоровича он возвысился до чина казначея. Черемисинов чем-то вызвал недовольство Годунова и во второй половине 1580-х претерпел понижение в чинах.

Сильнейшими фигурами были Михаил Андреевич Безнин и его родич Роман Васильевич Алферьев, принадлежавшие семейству Нащокиных (из тверского боярства). Деятельные политики, полководцы, честолюбивые карьеристы, они могли бы иметь серьезное влияние при дворе Федора Ивановича, особенно учитывая тот факт, что Безнин когда-то был его «дядькой». Трудно понять, что их подвело. Возможно, желание играть собственную независимую роль. А возможно, связи с Нагими (на дочери Р.В. Алферьева был женат М.А. Нагой). Свои люди при дворе, да еще на высоких должностях... Этого Нагим позволить не могли. Безнин протянул до первых месяцев 1586 г. Он еще успел выиграть крупное местническое дело с князем М. Щербатым (1586)⁴⁶⁷, он еще ходил в походы (и даже одержал победу над татарами), он еще получал дипломатические поручения, но его политическую компетенцию постарались сузить до уровня статиста, в то время как раньше ему доверяли вершить серьезнейшие государственные дела. Не видя выхода, он постригся во иноки и стал строителем⁴⁶⁸ Иосифо-Волоцкого монастыря. Там Михаил Андреевич написал во множестве копий летописец, где подчеркивалась выдающаяся роль, сыгранная им на протяжении первых двух лет царствования Федора Ивановича. Таким способом он восстановил справедливость в глазах современников и потомков, но восстановить высокое положение при дворе уже не мог. Р.В. Алферьев потерпел несколько унижительных поражений от служилой знати в местнических тяжбах и отправился на дальнейшее воеводство. Он боролся, но его раздавили.

Р.М. Пивов продолжал служить, однако особого влияния при дворе у него не было. А вот В.Г. Зюзин лишился, как тогда говорили, «именных служб»⁴⁶⁹, т.е. оказался не у дел. Е.В. Воейкова, после блестящей службы в Москве, ждала ссылка: он уже не думный дворянин, а рядо-

вой голова — сначала в Пронске на Рязанщине, а потом в далеком Санчурском остроге.

Итог: за два-три года многолюдная, сильная «партия выдвиненцев» перестала существовать.

Некоторых «убрал» с доски большой политики Борис Федорович Годунов, других же он позволил сокрушить служилой знати. Так, страшный местнический разгром уничтожил карьеру Р.В. Алферьева.

Князь Иван Петрович Шуйский принял в этом разгроме самое деятельное участие. При Федоре Ивановиче ему поручали быть судьей в местнических тяжбах высшего ранга. А это означало не только большой почет, но и значительную реальную власть. Он рассуживал местнические дела между Сабуровыми и Салтыковыми, а затем между Романом Алферьевым, лидером грозненских выдвиненцев, и Федором Лошаковым-Колычевым, принадлежавшим партии знати⁴⁷⁰. Вторая тяжба состоялась летом 1586 г. и является особо показательной для политической ситуации тех лет. Аристократ Шуйский отдал предпочтение аристократу Колычеву. Это был тяжелый удар для «партии худородных». Фавориты прежнего царствования в полной мере почувствовали, что лишились защиты престола.

К тому времени среди них не осталось персон, возвысившихся благодаря «карательным талантам». Это были в основном способные администраторы, дипломаты и воеводы. Иван IV так или иначе держал их «в приближении», создав для себя небольшой «кадровый резерв», никак не связанный с древними родовитыми семействами. Те же Нащокины явно не могли тягаться в знатности со старинными боярскими родами, хотя по службе отмечены были многими заслугами... Сам факт их пребывания на высшем ярусе власти гораздо больше, чем все опричные казни вместе взятые, говорил о том, что положение старинной знати, ранее занимавшей 100 % ключевых постов в армии, дипломатии и Боярской думе, поколеблено.

Теперь она пыталась вернуть себе позиции монополиста по части высших управленческих кадров.

В деле Алферьева — Колычева Шуйский выступил как человек своего круга — «княжат», на дух не переносивших «выскачок» предыдущего царствования. И тут не играли никакой роли действительные достижения грозненских худородных фаворитов в политике и на ратном поле. Низкое происхождение автоматически ставило между ними и высшей знатью стену неприятия.

Высокородная аристократия могла торжествовать.

Казалось, всё возвращается на круги своя...

Казалось, грядет новое «боярское царство», как при малолетстве Ивана IV.

Казалось, старую «большую игру», нацеленную на занятие престола *кем-то из своих*, можно начать сызнова.

Иван Петрович знал и помнил, сколь высоко вознесся его род полстолетия назад. Должно быть, и ныне, при государе-блаженном, государе-богомольце, мало занимавшемся делами державы, появился шанс подняться на высоту деда, «московского наместника» и его брата, первого из вельмож, вершителя государственных дел...

Почему бы нет?

Однако победа над фаворитами прежнего царствования быстро сменилась поражением от партии Годуновых. Самых родовитых противников Годунова подвело отсутствие единства. Мстиславские, Шуйские и Романовы-Захарьины-Юрьевы не пытались выстроить единую группировку. Они полагались на собственные «партии», включавшие представителей самого семейства, ближних и дальних родственников, свойственников, верных людей. Каждая из этих «партий» имела огромный «вес»: никто из «худородных» ни в богатстве, ни во влиянии, ни в чинах не мог соперничать со «сливками» русской аристократии. Но все же по отдельности придворные группировки, выступавшие против Годунова, оказались слабее его

собственной «партии» — более многочисленной и, самое главное, использовавшей колоссальное влияние Бориса Федоровича на царя. Так что и они продержались недолго. От нескольких месяцев до нескольких лет.

Самым серьезным противником Годуновых являлись именно князья Шуйские. Как уже говорилось, они играли при дворе московских государей роль «принцев крови». Главой же их партии являлся Иван Петрович. Английский торговый агент в Москве Джером Горсей сообщает: «Князь Иван Васильевич⁴⁷¹ Шуйский, первый князь царской крови, пользовавшийся большим уважением, властью и силой, был главным соперником [Бориса Годунова] в правительстве, его недовольство и величие пугали»⁴⁷².

Будучи, как и династия московских Даниловичей, потомками великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича, Шуйские должны были, как уже говорилось, считаться «...персонами, имеющими право на великокняжеский престол в случае вымирания Московского рода»⁴⁷³. Василий Васильевич Шуйский, хотелось бы напомнить, еще в 1538 г. затеял породниться с династией московских государей, да умер рановато, затея не успела принести ощутимой выгоды... Но право на старшинство среди прочих князей Рюриковичей оставалось за Шуйскими. Это право в будущем приведет на трон князя Василия Ивановича Шуйского.

Именно в них, а не в Годуновых, должна была видеть московская знать, да и все русские люди, сколько-нибудь сведущие в вопросах престолонаследия, самых вероятных преемников царя Федора Ивановича. А он к моменту восшествия на престол весной 1584 г. продолжал оставаться бездетным. Был, конечно, царевич Дмитрий Углицкий. Но, во-первых, всякое может произойти с младенцем... собственно, в конечном итоге и произошло. Во-вторых, считать царевича законным сыном, при таком количестве браков, каким прославился Иван Грозный, не по-

лучалось⁴⁷⁴. Шуйские считались на порядок знатнее Годуновых, хотя Годуновы и происходили из старинного боярского рода.

Кроме того, при Федоре Ивановиче семейство Шуйских располагало талантливыми, крупными деятелями. В их числе — полководцы Иван Петрович Шуйский, Василий Федорович Скопин-Шуйский (соратник первого по «псковскому сидению»), а также мастер интриги Василий Иванович Шуйский, будущий царь. Иначе говоря, Шуйским было кого выдвигать в Боярскую думу, на высшие посты в армии, а при необходимости — и на престол московский.

Первое время это семейство благоденствовало.

Иван Петрович получил в кормление Псков и Кинешму.

Князь Василий Федорович Скопин-Шуйский — Каргополь.

Василий Иванович встал во главе Московской судной палаты.

Все они имели боярский чин⁴⁷⁵, и с те же чином к ним присоединился в Боярской думе князь Андрей Иванович Шуйский, еще один удачливый полководец.

Князь Дмитрий Иванович Шуйский, занимавший «дворовый» пост кравчего, получил доходы с Гороховца, а в 1586 г. также сделался боярином.

Шуйские, ссылаясь на родство с князем А.Б. Горбатым, казненным еще в 1565 г., присоединили его земли к владениям семейства.

Особую почесть оказали именно князю И.П. Шуйскому: Псков ему отдали в кормление «...обеима половинами и со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь»⁴⁷⁶. Современный историк А.А. Аракчеев добавляет: «В писцовой книге Пскова 1585 г. зафиксировано, что князь собирал в свою пользу пошлины на Соляном дворе: “кладьбу” и “подымное”. Только доходная торговля солью могла приносить

почти рубль еженедельных доходов. В Псковской земле князь также располагал обширными владениями: селом и 12 деревнями в Каменской, Корельской и Пецкой губах Псковского уезда, а также 14 деревнями в Островском уезде»⁴⁷⁷. Кинешма же представляла собою крупный город, дававший большой доход от солеварения.

Как пишет А.П. Павлов, «Шуйские имели поддержку среди церковных иерархов (их сторонниками были глава русской церкви митрополит Дионисий и владыка Крутицкий, епископ Варлаам Пушкин), московского купечества и, вероятно, части уездного дворянства»⁴⁷⁸.

Наконец, Шуйские постоянно получали высокие посты в действующей армии, воеводствовали в крупнейших городах.

Сторонником Шуйских являлся старый военачальник князь Иван Федорович Мстиславский. Первый среди бояр в Думе, он считался знатнейшим аристократом России. Как Гедиминович, он нес в своих артериях и венах кровь монархов — великих князей литовских, а потому при отсутствии сильных претендентов среди Рюриковичей мог сам оказаться видным кандидатом в русские государи. К этой же «партии» примыкали Шереметевы, Головины, Колычевы, а также князья Воротынские и Куракины. До поры до времени они удачно продвигались по службе.

Итак, Шуйские собрали могучую силу. Они были богаты, знатны, имели широкий опыт вооруженной борьбы, понаторели в придворных интригах. Пользуясь собственным высоким положением и, не менее того, поддержкой многочисленных сторонников, также имевших немалый вес, они могли оказывать серьезное влияние на важнейшие государственные дела.

Важно понимать, какова была ставка в сложной политической игре, шедшей на протяжении первых лет царствования Федора Ивановича.

Конечно, на первом плане видна борьба за влияние на государственные дела наивысшей важности, на распределение чинов при дворе, в Думе, приказах, на воеводстве в городах и полевых соединениях. Подобное противоборство «партий» в тех или иных формах существует, наверное, при всяком монаршем дворе. Для Московского государства и Российской империи оно является частью повседневной жизни военно-служилого класса. Однако за очевидными явлениями политической реальности скрываются не менее важные, но далеко не столь заметные процессы. Они вроде валунов под темной водой: трудно заметить их с палубы корабля, зато легко получить гибельную пробоину от столкновения с ними.

Действиями многих великих честолюбцев руководил в то время один факт, относящийся, скорее, к медицине, чем к политике. Ирина Годунова, пусть и ставшая царицей, на протяжении многих лет не могла произвести на свет жизнеспособного ребенка.

Таким образом, очень долго оставался открытым вопрос, кто станет преемником Федора Ивановича. И вожди придворных партий скрупулезно просчитывали: сколько шагов отделяет их от престола российского? Каковы шансы? Из этого простого факта растут многие столкновения времен Федора Ивановича, более того, именно в него уходят корнями основные события великой Смуты начала XVII века.

Гордиев узел противоречий возник по той причине, что каждая «партия» располагала как минимум одним претендентом в преемники.

Ближе всех к трону стояли Нагие. Но они сами по себе оказались слишком слабы, никто из великих людей царства не решился «поставить» на них, напротив, их удаление из Москвы, надо полагать, отвечало интересам всех главных группировок. А своими силами они даже не сумели со-

хранить жизнь потенциальному наследнику — царевичу Дмитрию.

Шуйские стояли на шагок дальше, но их шансы были ощутимыми. И в 1606 г. им все-таки удастся поставить своего царя — первого и последнего Шуйского среди государей российских. Их союзники Мстиславские стояли еще дальше от престола. Однако... Великим князьям литовским, ведущим свой род от Гедимина, подчинялись десятки русских городов к западу от московско-литовского рубежа. Не столь уж невозможной выглядела ситуация, когда князю-Гедиминовичу подчинятся города, лежащие восточнее... А князь И.Ф. Мстиславский среди российских Гедиминовичей имел старшинство. И, кстати, ненамного отставал от него князь Федор Михайлович Трубецкой — такой же Гедиминович, только стоявший ближе к «партии» Годуновых. Мстиславских и Трубецких отличала одна генеалогическая деталь: матерью князя Ивана Федоровича была племянница Василия III, иначе говоря, он был не только Гедиминовичем, но и — по материнской линии — Рюриковичем, потомком великого князя Ивана III Великого *по прямой*. Мстиславские, таким образом, приходились не столь уж далекой родней и государю Ивану IV, и государю Ивану Васильевичу. Это давало им право на серьезные претензии... если русский трон освободится и очередь из «претендентов» на него рассеется.

А вот позиции самих Годуновых оставались весьма зыбкими. Близость к трону, большой государственный ум и великий опыт в интригах дали Б.Ф. Годунову возможность стать царем после кончины Федора Ивановича в 1598 г. Но, во-первых, на четырнадцать лет раньше, в 1584-м, его шансы выглядели очень проблематично. И, во-вторых, династию ему создать не удалось: Смута убила его семью, притом народ сомневался в законности возведения Бориса Федоровича на трон — пусть и после Земского собора, —

а знать видела в этом нарушение своих прав, возвышение не по «отечеству».

Наконец, Романовы-Захарьины-Юрьевы, царская родня по матери, стояли от престола дальше Нагих, дальше Шуйских и дальше Годуновых. Но все-таки и у них был призрачный шанс. Вернее, при Федоре Ивановиче — призрачный. А вот после его смерти — вполне «материальный». Полтора десятилетия ходили они в союзниках Годуновых. После смерти Никиты Романовича Юрьева чин боярина был пожалован его сыну, Федору Никитичу. Род благоденствовал. Но когда царь Федор Иванович сошел в могилу, семейство подверглось жестокой опале, а старший в нем Ф.Н. Романов-Юрьев «удостоился» насильственного пострижения во иноки. Он стал опасен. Он стал серьезным претендентом. Годунов, не колеблясь, «убрал с доски» и его, как когда-то убрал Нагих. Кроме того, именно этот слабый шанс (родство с Иваном IV и Федором Ивановичем по жене первого и матери второго) лег в основу избрания царем Михаила Федоровича Романова — внука Н.Р. Юрьева. Именно его Земский собор 1613 г. сделал основателем новой династии.

Итак, нельзя забывать о страшном обстоятельстве всего царствования Федора Ивановича: главные его вельможи грезили во сне и наяву смертью монарха. Его кончина для многих была желанной, поскольку открывала доселе невиданные пути к возвышению. В то время как государь молился о своем роде и своей земле, те, быть может, молились о скорой его гибели. И покуда длилась жизнь Федора Ивановича, Россия была избавлена от большой крови и большой грязи. Сам факт его существования сдерживал бешеные страсти честолюбцев...

Но «подковерная» борьба шла своим чередом.

Во втором «раунде» большой политической игры, развернувшейся с восшествием на престол «царя-инока»,

произошло жестокое столкновение Шуйских и Годуновых. Притом и те, и другие шли во главе многочисленных союзников. Таким образом, не два рода столкнулись, а две многолюдные армады. Вся держава сотрясалась от их лобовых ударов.

Шуйские потерпели страшное поражение.

События разворачивались следующим образом.

Первый удар обрушился на семейство Головиных — сторонников Шуйских, контролировавших в 1584 г. государственную казну. Петр Головин был «дерзок и неуважителен» с Б.Ф. Годуновым⁴⁷⁹. В их ведомстве прошла проверка, и найдены были тяжкие хищения. Тогда один из Головиных отправился в тюрьму, где был тайно убит (то ли, по другой версии, убит на пути к месту заключения). Двое других подверглись опале, причем один из них бежал от опалы за литовский рубеж.

Опале подверглись князя И.М. Воротынский и А.П. Куракин.

Наконец, удалился от дел, покинув Боярскую думу, князь И.Ф. Мстиславский. Этот был титаном среди прочих. Он вынужден был постричься в монахи. С его падением, поразившим современников, связана печальная история. Иван Федорович на протяжении нескольких десятилетий пребывал в высшем эшелоне воинских командных кадров России. Был изранен во время взятия Казани. Успешно брал ливонские города во главе русских полков. В течение нескольких лет играл роль главной фигуры в организации русской обороны на степном юге. Были у него и удачи, и поражения, но к моменту восшествия Федора Ивановича на престол пожилой воевода уже не возглавлял армии, находясь на покое; он должен был считаться заслуженным ветераном и обладать немалым авторитетом.

И вдруг — уход со сцены большой политики, полное и бесповоротное расставание с немалой властью. Годуновы почли за благо вывести его из игры. Осуществлялось это решение крайне жестко. В чем тут дело?

Конечно, боярин князь Мстиславский выступал в одной группировке с Шуйскими, мало того, сам обладал большим политическим «весом» и чуть ли не равнялся своим союзникам. Конечно, Иван Федорович имел симпатии к Речи Посполитой — Польско-Литовскому государству⁴⁸⁰; возможно, князь хотел бы в России уподобиться всесильным польским магнатам, а может быть, сыграло свою роль то, что из родовой памяти Мстиславских, имевших русско-литовское происхождение, за несколько десятилетий службы московским правителям еще не изгладилась связь с Литовской Русью... Московское государство шло к новой войне с западным соседом, каждый год мог принести начало боевых действий, и сочувствие опаснейшему противнику, проявленное на правительственном уровне, вряд ли могло понравиться коренным русским «великим родам»⁴⁸¹.

Но скорее всего причина стремительного падения князя И.Ф. Мстиславского — иная.

По словам шведского агента Петра Петрея, бояре приняли решение развести правящего монарха с бесплодной Ириной Годуновой⁴⁸² и женить царя на молодой дочери Мстиславского! Ходили даже невероятные слухи, будто князь задумал призвать Б.Ф. Годунова к себе домой на пир, чтобы лишить его жизни.

О добром ли мыслил тогда Иван Федорович? О мире ли в государстве? Сомнительно. Три с половиной десятилетия князь верой и правдой служил Московскому царству, так на закате жизни, устав служить, он, как видно, решил по своей воле «обустроить» Русскую землю. Но державами правят не «командармы», а государи и — выше них — сам Господь. А Господь не попустил Мстиславским подняться на ступень, для них не предназначенную. Матримониальный план рухнул, не встретив у царя согласия. Годуновы же получили основание видеть в Иване Федоровиче лютого врага, посягающего на благополучие их семейства.

Русская служилая знать, глядя на прежних государей, твердо уверилась, что они с легкостью меняют жен. И не увидела ничего зазорного в дерзком матримониальном проекте: «сливки» аристократии российской объединились, требуя у монарха развода с Ириной Годуновой и вступления в новый брак. Их поддержал митрополит Московский и всея Руси Дионисий. Допустим, борьба за изгнание Ирины Федоровны с престола велась с одной совершенно очевидной целью — удалить род Годуновых от царя, уничтожить влияние этой придворной группировки. Ну а кандидатура новой царской «невесты» превосходно показывает, с какой стороны нависла опасность над браком Федора Ивановича. Ему предлагали соединиться с Анастасией — дочерью князя Ивана Мстиславского. Анастасия Ивановна в роли русской царицы открывала блестящую политическую комбинацию. Настолько соблазнительную, что великим интриганам, стоявшим за спиной этой женщины, было наплевать даже на ее относительно близкое родство с Федором Ивановичем: царь приходился Ивану III правнуком, а его «невеста» — правнучкой. Ее «продвижение» сулило перспективы, заставлявшие авторов «проекта» забыть о кровосмесительной сути подобного супружества. Анастасия Мстиславская родилась от брака князя Ивана Федоровича с И.А. Шуйской. Таким образом, она приходилась родной кровью и Мстиславским, и Шуйским, что позволяло им сплотиться, проталкивая свою «отрасль» в царицы.

Союз двух знатнейших, влиятельнейших родов обещал полный возврат к эпохе «боярского царства», какое было после смерти Елены Глинской, при малолетстве Ивана IV. Оттеснив Годуновых, правя именем блаженного царя, «княжата» вновь сделались бы всесильными. Страной безраздельно правили бы Мстиславские, Шуйские, Воротынские, Куракины, их ближайшая родня и союзники. Род московских Даниловичей, возвысившийся к досаде

соседей, оказался бы полностью подчинен пришельцам, когда-то оказавшимся на службе у великих князей московских...

Здесь стоит вернуться ненадолго к событиям далеких 1530-х, к последнему браку Василия Васильевича Шуйского, к брачным комбинациям семейства... Князь Иван Петрович мог отойти в сторону — подальше от подобного проекта. Ведь суть этой авантюры глубоко безнравственна. Доброго христианского духа в ней — ни на золотник. Но князь твердо помнил: «Так поступали предки»... И он не стал отказываться от участия в очередной матримониальной «комбинации» семьи. Князь Мстиславский к середине 1580-х — немолодой человек, лет на десять — пятнадцать старше И.П. Шуйского. А выглядел он и того хуже: от ран и дальних походов приобретя раннюю дряхлость, внешне вельможа ничем не отличался от восьмидесятилетнего старика. Думается, его волю подчинили себе замыслы человека более молодого и более энергичного. Притом скорее всего из Шуйских — они имели кровную заинтересованность в «проекте».

Иначе говоря, Ивану Петровичу тут было чем замараться...

Федор Иванович развестись отказался.

Князь И.Ф. Мстиславский был дальним родственником царя, и он когда-то благоволил самим Годуновым. Поэтому расправа с ним не вылилась в искоренение всего рода. Надо полагать, боярину сказали: «Ты уйдешь. Но у тебя есть выбор — бороться и увлечь за собой весь род на позор и поругание, или тихо отойти от дел, — тогда родня твоя останется в чести». Иван Федорович склонил голову. Сила оказалась не на его стороне, а на семье не лежало никакой вины за его неудачную интригу. Он сделал выбор — как добрый человек. Не было никакого суда и расследования. Летом 1585 г. регенту дали съездить на покаяние в Соловецкий монастырь. Затем он отправился в

Кириллову обитель на Белоозеро, где и постригся в чернецы под именем Ионы. Был Иван — стал Иона. Переменил имя и для мира сделался мертвецом. В последний путь к тихой келье боярина — на всякий случай! — сопровождал вооруженный эскорт. Старого полководца, будто одряхлевшего льва, все еще побаивались. Но он не пытался пойти на попятный. Поэтому и недруги решили соблюсти условия «джентльменского соглашения»: его семья не подверглась опале, унижению и конфискации земель. Его сыну оставили обширные земли, высокое положение при дворе и в войсках⁴⁸³. Даже за рубежом об отставке Мстиславского объявили с небывалой корректностью: мол, поехал молиться по монастырям, а делами заниматься перестал. Только дочь Ивана Федоровича, несчастливая царская «невеста», разделила участь отца.

Точная дата кончины князя Мстиславского неизвестна. Либо конец 1585-го, либо 1586 г. Ничто не свидетельствует о насильственной смерти. Исключить ее нельзя — торжествующие Годуновы могли избавиться от опасной фигуры *наверняка*, удалив ее из столицы. Но тут вступает в свои права фантазия, а фактов нет. Ведь в стенах иноческой обители оказался человек совсем неюный, пятидесяти пяти — шестидесяти лет, к тому же рано постаревший от походной жизни: современники, не знавшие действительного возраста князя Мстиславского, принимали его за восьмидесятилетнего старца. К тому же горечь политического поражения тискалами сжимала сердце воеводы...

Можно сказать, в обращении с пожилым полководцем проявили здравую деликатность — разумеется, насколько это вообще было возможно в создавшейся ситуации.

Что же касается Шуйских, то с ними поступили намного жестче. Когда со стороны Годуновых посыпались удар за ударом, их «партии» был нанесен тяжелый ущерб.

Впрочем, и сами Шуйские вели себя отнюдь не как агнцы на заклании.

Серьезные потери семейство понесло осенью 1586 г., когда на него обрушилась царская опала. Официально Шуйских тогда обвинили в сношениях с той же Речью Посполитой. Видимо, какие-то связи с аристократической, магнатской Польшей у них были. Другой вопрос — до какой степени Шуйские могли быть союзниками Батория: это весьма сомнительно⁴⁸⁴. Важнее другое, Шуйские явно поддерживали князя И.Ф. Мстиславского, когда он пытался осуществить свой план. А этого простить было никак не возможно. Происходило большое сражение за преобладание при дворе. Так или иначе, противники нашли бы повод для открытого столкновения: это должно было случиться в той или иной форме. Шуйские, что называется, «подставились».

Очевидно, после падения князя Мстиславского они вели себя весьма свободно, не ожидая, что к одному из могущественных аристократических семейств применят по настоящему суровые карательные меры. Они даже осмелились инициировать большие беспорядки в Москве.

С началом мая 1586-го русская столица взорвалась волнениями. Повествующие о них источники излагают события скупо, сдержанно, достоверность их порой вызывает серьезные сомнения. Но некоторые свидетельства, несомненно, правдивы.

Вражда Шуйских и Годуновых привела к восстанию московского посада. Связи с торговой средой привели к тому, что главной организующей силой восставших стали «гости» — привилегированная корпорация, объединявшая самых богатых купцов, или, как тогда говорили, «торговых людей». Следовательно, у волнения имелась мощная финансовая база. Поддержка московских гостей давала Шуйским очевидный перевес в силах. А что конфликт принял самые острые формы, свидетельствуют глухие жутковатые сообщения иностранцев о нападении купцов и посадских людей на Бориса Годунова и даже о

ранениях, нанесенных друг другу Борисом Годуновым и одним из Шуйских в какой-то стычке. В начале 1587 г., давая инструкции послам, отправлявшимся за рубеж, правительственные люди требовали отрицать то, что Кремль недавно побывал в осаде, но позволяли соглашаться со смягченной версией событий: караулы — да, стояли на крепостных стенах и у ворот усиленные...

Купеческую верхушку даже пригласили в Грановитую палату — передать челобитья, принять участие в переговорах, где Шуйские и Годуновы пытались достичь примирения. Но вскоре после того, как «высокие стороны» договорились, семерых гостей⁴⁸⁵, выступавших на стороне Шуйских, казнили. Великие торговые люди московские предсказали И.П. Шуйскому: «Помирились вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть, да и нам погибнуть». Так и вышло.

Взбунтовав огромный московский посад, Шуйские повели до крайности рискованную игру. Как показали страшные годы Смуты, контролировать рассерженную толпу исключительно трудно. Исход ее действий далеко не всегда предсказуем. Все влияние Шуйских могло оказаться недостаточным для усмирения поднявшихся людей. Кроме того, буйство масс создавало опасный прецедент: один раз восстали, другой, третий... а затем это войдет в привычку — как способ отстаивать свои интересы. Можно предполагать, что иная служилая знать и многолюдное московское дворянство смотрели на действия Шуйских без одобрения. Даже доверенные люди могли отшатнуться от них в ужасе. Слишком уж радикальный «инструмент» для решения политических задач они решились использовать...

Когда, воспользовавшись передышкой, не видя перед собой гневных посадских толп, Годуновы взялись мстить Шуйским, за тех вступились немногие. «Митрополит... Деонисей да с ним собеседник Крутицкий архиепискуп

Варлам видя изгнание бояром и видя многое убивство и кровопролитие неповинное и начаша обличати и говорити царю Федору Ивановичю Борисову неправду Годунова, многие его неправды. Борис же видя с своими советниками его крепкое стоятельство и оболгал ево царю Федору Ивановичю, и с престола ево сведоша и архиепискупа Крутицкаго. И сосла их в заточение в Великий Новгород: митрополита Деонисия в монастырь на Хутыню, а архиепискупа в Антонов монастырь; там они скончашася. На престол же Пречитые Богородицы на Москве взведен бысть на митрополию архиепискуп Ростовский Иев⁴⁸⁶, а поставлен бысть на митрополию Московскими архиепискупы и епискупы»⁴⁸⁷. Один поздний новгородский летописный сборник содержит весьма близкое сообщение: «Повелением царя Феодора Иоанновича Дионисий митрополит оставил митрополию Московскую и послан в Новъгород в Хутынь монастырь, с ним же и Крутицкий архиерей в Антонов монастырь, тамо они и скончася, наущением Бориса Годунова, зане обличали его пред царем за некое неправедное убийство (князя И.Ф. Мстиславского? — Д.В.)»⁴⁸⁸. Пали последние защитники Шуйских...

После разгрома союзников из московского посада Шуйские продержались у власти всего несколько месяцев. Да и то, вероятно, лишь из-за большой военной угрозы, наплывавшей на Россию. Оказавшись в двух шагах от войны с могучим Баторием, рискованно было отказываться от услуг первоклассного полководца И.П. Шуйского... Но гроза так и не разразилась. Московское правительство вздохнуло свободнее. И осенью 1586 г. по мятежному аристократическому семейству ударила сокрушительная опала.

Князя Василия Ивановича Шуйского свели с воеводства в Смоленске. Затем его вместе с несколькими родичами отправили в ссылку. Василия Ивановича еще вернут к делам

правления, но в целом род его ни при Федоре Ивановиче, ни при Борисе Федоровиче прежнее свое положение не восстановит.

Тогда же пострадали крупнейшие сторонники Шуйских — Колычевы и князя Татевы.

Князя Иван Петрович и Андрей Иванович Шуйские также отправились в ссылку. Там первого из них — великого полководца, известного всей стране после яркой победы над полчищами Стефана Батория! — заставили постричься в монахи. Затем обоих убили приставы. Уничтожение двух видных аристократов, двух крупнейших русских государственных деятелей, совершенное в отдалении от Москвы, не создало сколько-нибудь серьезного политического резонанса. Но для семейства Шуйских это было как удар молота по голове. От такого разгрома они долго не могли оправиться.

История падения И.П. Шуйского позволяет увидеть, как *в блистательном полководце, честном слуге государевом проснулось древнее аристократическое буйство.*

Бог ведь почему Иван Петрович, большую часть времени проводивший во Пскове, позволил родне, в частности князю Андрею Ивановичу Шуйскому, бунтовать посад. Может быть, его дух оказался потрясен и смятен смертью жены, которая скончалась в феврале 1586 г.? Может, пошатнулось здоровье — он делает в кремлевский Успенский собор большой вклад, чтобы монахи «о его здравии Бога молили»⁴⁸⁹? Или, как свидетельствуют некоторые источники, Шуйские оказались вынуждены защищаться от жестокой мести Годуновых за игру с «царской невестой»? В любом случае Иван Петрович не был заводилой в истории с мятежом посадского люда, но не отступил от родни и тут вновь оказался замаран.

Мог ли он отойти в сторону? Мог. Его соратник по защите Пскова от Батория, князь В.Ф. Скопин-Шуйский,

буйную родню никак не поддержал. И от опалы он тоже соответственно не пострадал.

Русские посланники, отправленные в Речь Посполитую, получили инструкцию, по которой видно особое отношение правительства к Ивану Петровичу. Если сам король или кто-то из королевского окружения заведет разговор о судьбе князя И.П. Шуйского, то следует отвечать, мол, Федор Иванович жаловал его, но «...братья⁴⁹⁰ его князь Ондрей Шуйской з братьею учили измену делать, неправду и на всякое лихо умышлять с торговыми мужики... а князь Иван Петрович их потакаючи, к ним же пристал и неправды многие показал перед государем. И государь наш ещо к ним милость свою показал не по их винам, памятую княж Иванову службу, опалы своеи большой на них не положил: сослал их в деревни...»⁴⁹¹.

Годуновы — первейшие враги князя! — какое-то время пытались сохранить ему жизнь. Вероятно, казнь народного любимца грозила новыми волнениями, а потеря Ивана Петровича для армии лишала русское войско одного из лучших его вождей. Поэтому И.П. Шуйского убивают далеко не сразу. Долгое время он всего лишь отбывал ссылку.

Ивану Петровичу был дарован еще один шанс проявить смирение, отказаться от политических амбиций и остаться в живых. А то и вернуться ко двору... чуть погодя. Князь оказывается в недавно пожалованной ему Кинешме, а затем в своей вотчине, селе Лопатничи, под наблюдением верных людей Бориса Годунова. Среди них и князь Д.И. Хворостинин, другой блистательный военачальник, получивший к тому времени боярский чин. Это страж почетный, сам факт его назначения — знак высокого статуса «поднадзорного». Виднейший из Шуйских, таким образом, удален от государственных дел, однако смерть ему не грозит...

Но энергичная натура не дает ему смириться с поражением. Гордыня жжет сердце князю Ивану: кто победил его? Если бы царская тяжелая рука! Если бы равные по крови — те же Мстиславские, Воротынские! Да хотя бы Романовы-Юрьевы, они ведь ненамного ниже, хотя и лишены монаршей крови! Только не Годуновы — знать второго сорта, выскочки, да кем они были еще пятнадцать лет назад? Никто, собаки, хуже собак — тараканы! Самое дно, самый низ московского боярства, низший слой старинной боярской знати! Не простые дворяне, разумеется, но... Им покориться — срам! А ведь всего за несколько месяцев до ссылки, князь Шуйский, пребывая на Москве в полной силе, раздавил Романа Алферьева... Могущество и — падение. Слишком уж резкий контраст, слишком уж сильное искушение.

Весной 1587 г. Иван Петрович принимается за какие-то странные переговоры со старицей суздальского Покровского монастыря Прасковьей — бывшей женой царевича Ивана Ивановича⁴⁹². Москва живо интересуется ими: ведь если расстричь старицу, то она после смерти Федора Ивановича может оказаться реальным претендентом на престол.

Как видно, последняя «матримониальная комбинация» переполнила чашу терпения Годуновых.

16 ноября 1588 г. жизнь блистательного полководца и неудачливого политика оборвалась⁴⁹³. Сначала его сослали на Белоозеро и там постригли в монахи. Но этого торжествующим Годуновым показалось мало. В ноябре 1588 года Ивана Петровича убил пристав князь И.С. Туренин⁴⁹⁴, по всей вероятности, имея на этот счет инструкцию от Бориса Годунова. По свидетельству Пискаревского летописца, Иван Петрович «положен (т.е. похоронен) в Кирилове монастыре»⁴⁹⁵. На нем, видимо, извелась и вся младшая ветвь Шуйских: родословия не упоминают каких-либо детей Ивана Петровича. Богатое имущество, конфиско-

ванное у боярина «на дворе», отошло казне⁴⁹⁶. Английский торговый агент в Москве Джером Горсей описал кончину вельможи в трагических тонах: «Нашли предлог для его обвинения. Ему объявили царскую опалу и приказали немедленно выехать из Москвы на покой. Он был захвачен стражей под началом одного полковника, недалеко от Москвы, и удушен в избе дымом от зажженного сырого сена и жнива. Его смерть была всеми оплакана»⁴⁹⁷.

Так завершилась биография славного воеводы грозненских времен. Вся придворная партия Шуйских была разогнана, некоторых лишили жизни, кто-то оказался в тюрьме, а кому-то пришлось отведать горький хлеб ссылки. На несколько лет род Шуйских ушел в тень...

Иван Петрович был прежде всего частью большой семьи князей Шуйских. С нею он отстаивал отечество, с нею разделял славу и почести, с нею боролся за власть, с нею интриговал. За политическую интригу в ее пользу он и сошел в могилу. Несчастливый конец Ивана Петровича известен в наши дни одним только специалистам по русской истории XVI столетия. Всё, что касалось узкокорыстных дворцовых устремлений, для памяти потомков умерло. Зато жива до наших дней добрая слава великой псковской победы.

Князю Шуйскому на роду было написано стать «командармом» в беспокойное царствование Ивана Грозного. Само происхождение его возносило воеводу над абсолютным большинством современников и соотечественников. Господь предназначил князя для военной службы. Что оставалось Ивану Петровичу? Только один выбор: стать достойным высокой судьбы, славного рода своего, большой власти, полученной по праву крови, или позволить себе слабость и по слабости провалить великие дела, которым князь оказался причастен. Служить государю, земле и Христу, или искать своей корысти.

Подводя итог под судьбою этого отважного и талантливого полководца, можно с уверенностью сказать: Шуйский был достоин своего предназначения. И когда следовал ему честно и отважно, Бог его возвышал. А когда возжаждал большего, когда память рода затмила в душе князя христианскую истину, что ж, тогда и Господь его унизил.

Великая сила — неистовая кровь древней нашей знати. Сколько энергии она несла! Сколько подвигов во имя Бога и отечества позволяла совершить! Сколько храбрости и силы даровала! Но как только воздвигала она могучего вельможу на бунт, кем бы он ни был, а скоро приходило вразумление: крест сильнее любой крови.

Москва, 2010—2011

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список имущества князя боярина И.П. ШУЙСКОГО, конфискованного казной после его гибели

Список имущества, взятого в казну «на дворе» князя И.П. Шуйского, писан на оборотах двух листов дела о поверстании помещьем и назначении на службу русского беглеца из шведского плена Г.С. Бекетова. Документ имеет характер черновика с обширными исправлениями. Поскольку грамота о поверстании Г.С. Бекетова датируется 23 февраля 1589 г., а князь И.П. Шуйский ушел из жизни в ноябре 1588 г., список конфискованного имущества датируется скорее всего концом 1588 г.

Документ неполон, низ второго листа утрачен. Судя по первым строкам документа, первый лист также не является начальным в деле о конфискации имущества казной.

РГАДА. Ф. 141.

Приказные дела старых лет. 1589 год. Д. 11.

(Л. 2 об.) ...Платье княж Ивановское ж Шуйского, что взято з двора, *и что осталось^{*498}, а в расход не отданы.

Шуба, бархат червчат⁴⁹⁹ на соболе.

Охобень⁵⁰⁰, зуфь⁵⁰¹ зелена, плетех[и] золотые, а [на] вороту и на прорехах 21 пугвица коротки⁵⁰² с жемчюги.

2 шапки, лисьи горлатны⁵⁰³.

Шапка, камка⁵⁰⁴ золотна червчата, петли земчюжные, окол лисей.

Шалом булатной, травы⁵⁰⁵ навожены золотом.

Шапка булатна, навожены травы золотом.

Седло крымское, под отласом рудо-желтым⁵⁰⁶ з золотом, с воилуки⁵⁰⁷ и с тепеньками⁵⁰⁸, об одном стремяни.

Седло крымское сафьянное, с травами, с воилуки и со всею снастью, бес тебеньков.

**2 паперсти⁵⁰⁹, бархат черлен⁵¹⁰. На одны 37 жуков серебряны золочены, да пража⁵¹¹ серебряна. А у другой 59 жуков⁵¹² серебряны золочены, наконечник серебрян.

// (Л. 3 об.) Ошеек⁵¹³ сафьянный, у него 39 жуков серебряных золоченых, наконечник серебрян**⁵¹⁴.

*** (начинается на Л. 2 об.) Ошеек серебрян, золочен, на нем 40 плашей⁵¹⁵ серебряны золочены, рогатых и круглых, наконечн (!) серебрян и золочен [нрзб.].

// (Л. 3 об.) 2 паперсти. Одна на сафьяне алом, 39⁵¹⁶ жуков серебряных золоченых, пража серебряна без наконечника, а другая на бархате на черном, на ней 59 жуков рогатых и круглых, золоченых и белых [нрзб.] серебрян, золочен *срез* [нрзб.] ***⁵¹⁷

Узда с похвьями⁵¹⁸, бархат вишнев, на них плащ(ш?) и серебряны золоченые и белые.

2 лысины⁵¹⁹, шиты золотом. Одна вишнева, а другая зелена.

2 лысины шолковы зелены.

Ухват⁵²⁰, червчат шолк...

ХРОНИКА ЖИЗНИ КНЯЗЯ ИВАНА ШУЙСКОГО

1536—1545 (наиболее вероятно, в первой половине 1540-х) — рождение сына Ивана у крупного вельможи и военачальника князя Петра Ивановича Шуйского.

1562, осень — 1563, весна — участие в масштабной наступательной операции русской армии на литовско-ливонском фронте, в результате которой был взят Полоцк. Князь И.П. Шуйский был в свите Ивана IV.

1564 — гибель князя П.И. Шуйского, отца князя И.П. Шуйского.

1568, конец — 1569, начало — назначение воеводой в Донков.

1571, весна-лето — командование полком левой руки в неудачной оборонительной операции против крымских татар под Москвой. Гибнет младший брат князя И.П. Шуйского, Никита Петрович.

1572, август — командование полком в успешной оборонительной операции против крымских татар у Молодей. Действовал удачно, полк его пленил татарского полководца Дивея-мурзу.

1572, предположительно, лето-осень — князь И.П. Шуйский с выгодой ведет местническую тяжбу против князя Н.Р. Одоевского.

1572, декабрь — 1573, январь — командование полком при осаде и взятии ливонской крепости Пайда.

1573, первые месяцы — командование полком при взятии Ниенгофа и Ропы, затем в неудачном сражении под Коловерью.

1573, осень — пожалование чином боярина (в литературе назывались иные даты — 1572, 1576/1577 г., но эта является наиболее вероятной).

1573, не позднее августа — назначение наместником во Псков.

1574, осень — пребывание на торжествах, связанных с женитьбой царя на Анне Васильчиковой.

1577, лето-осень — участие в масштабном победоносном походе в Ливонию на должности второго воеводы большого полка при первом воеводе — крещеном татарском «царе» Семине Бекбулатовиче. Взятие целого ряда ливонских городов и крепостей.

1577, осень — возвращение на воеводство во Псков.

1579, август — ноябрь — князь И.П. Шуйский назначен вторым воеводой полка Правой руки в оборонительной армии, развернутой против Стефана Батория под Псковом.

1579, осень — князь И.П. Шуйский выигрывает местническую тяжбу против князя В.Ю. Голицына.

1580, весна — назначение командовать оборонительной армией на псковщине.

1580, август — октябрь — выход князя И.П. Шуйского с армией к Порхову, на защиту Пскова и Новгорода от Стефана Батория.

1580, осень — пребывание на празднестве в честь женитьбы царя на Марии Нагой.

1581, февраль — март — вызов к Ивану IV, получение от царя последних инструкций по обороне Пскова.

1581, 24 августа — начало осады Пскова армией польского короля Стефана Батория.

1581, 7 сентября — начало первой бомбардировки Пскова.

1581, 8 сентября — отражение первого штурма Пскова.

1581, 24 октября — начало второй бомбардировки Пскова (по польским сведениям, это произошло 26 или 27 октября).

1581, 28 октября — королевские войска предпринимают попытку разрушить псковские стены кирками. Усилия подобного рода продолжаются на протяжении нескольких дней.

1581, 2 ноября — отражение второго штурма Пскова по льду реки Великой.

1581, 6—7 ноября — королевская армия покидает осадные шанцы и снимает артиллерию с позиций. Активная осада Пскова с приступами и бомбардировками сменяется пассивной его блокадой.

1582, 4 января — большая вылазка псковского гарнизона.

1582, 9 января — попытка убить князя И.П. Шуйского с помощью ларца с заряженными пистолетами.

1582, 4 февраля — отступление польской армии от Пскова.

1582, начало — 1584 — князь И.П. Шуйский остается на воеводстве во Пскове. В конце 1583 или начале 1584 года он переходит на должность первого псковского воеводы, старшего над всеми прочими военачальниками городского гарнизона.

1584—1586 — борьба между Шуйскими и Годуновыми при дворе царя Федора Ивановича. Попытка развести государя с женой Ириной Годуновой и женить его на А.И. Мстиславской.

1585, декабрь — вызов в армию, концентрировавшуюся в Новгороде Великом для удара по шведским территориям в Прибалтике. Поход отменили 4 января 1586 г.

1586, 12 февраля — смерть супруги князя И.П. Шуйского.

1586, май — волнения московского посада, инициированные Шуйскими.

1586, лето — князь И.П. Шуйский рассуживает местническую тяжбу Р. Алферьева с Ф. Колычевым-Лошаковым в пользу последнего, уничтожая карьеру видного поли-

тического деятеля из «худородных выдвиженцев» Ивана Грозного.

1586, осень — большая опала на Шуйских. Князь И.П. Шуйский удален от государственных дел и отправлен в свою вотчину.

1587, весна — князь И.П. Шуйский ведет переговоры с инокиней Прасковьей, вдовой царевича Ивана Ивановича.

1587 или 1588 — князь И.П. Шуйский отправлен на Белоозеро и там пострижен в монахи.

1588, 16 ноября — князь И.П. Шуйский убит приставом, князем И.С. Турениным.

ИСТОРИК И ЕГО ГЕРОИ

Лики истории в книгах Дмитрия Володихина

Вот и завершена новая работа известного историка и писателя Д.М. Володихина, очередная в обширном уже цикле его произведений, посвященных яркой и трагической истории Российского государства в XVI столетии. В последние годы это главная тема исследований автора — человека многогранного и щедрого дарования. Труды о «грозненских временах» — внушительный итог двадцатилетнего научного пути.

Дмитрий Михайлович Володихин родился в Москве 1 июня 1969 г., окончил исторический факультет Московского государственного университета им М.В. Ломоносова. В 1993 г. вышла первая монография — «Книжность и просвещение в Московском государстве XVII века». А в 1995 г. в МГУ же была защищена кандидатская диссертация Володихина. Тема — архив Московского Патриаршего дома. Ныне Володихин преподает на историческом факультете МГУ, доцент кафедры источниковедения.

Володихин основательно, еще со студенческих лет, делал себе «имя» в науке. И отнюдь не только работами по излюбленной им эпохе Московского царства XVI — XVII вв. Самые разные периоды истории России оказывались в сфере его научных интересов. А когда и в рамках российской истории стало «тесно», стали выходить труды по философии истории. Одним же из самых известных предприятий Володихина стала борьба против ис-

кажений истории академиком-математиком А. Фоменко и его последователями, против так называемой «новой хронологии». Именно Володихин ввел для обозначения псевдоистории, этого нового и опасного явления массовой культуры, прижившийся термин «фолк-хистори». Володихин — создатель и руководитель журнала «Русское средневековье», заместитель председателя московского Историко-просветительского общества и главного редактора издаваемого обществом ежегодника «Историческое обозрение». Помимо же всех профессиональных успехов, литературный дар позволил ему стать ярким писателем и критиком.

Володихин стал одним из зачинателей и идеологов в России направления «персональной истории», рассматривающего личный путь человека в истории как самоценный, вполне сопоставимый по значимости с «большой» историей. В судьбах конкретных людей прошлого Володихин ищет и находит, по собственному выражению, «притчи», оказывающиеся, по его мнению, даже более значимыми, чем выводы о глобальных исторических процессах. Неудивительно, что большая часть исторических книг Володихина — о людях в истории, а не об «эпохах» и «странах». По крайней мере на первый взгляд. Ибо, если люди и не «листья на ветру» истории, то они и не в вакууме пребывают, и из множества струек все-таки слагается единая река истории, движимая, а Володихин историк христианский, единым Замыслом. Так и из повествований о человеческих судьбах одной и той же эпохи неизбежно слагается ее образ, из десятков малых «притч» — одна общая. Независимо даже от желаний «персонального историка», и многожды яснее — если он и сам это сознает.

Как ясно из уже сказанного ранее, среди героев Володихина — люди разных эпох. Нельзя не вспомнить историко-философские работы, посвященные людям нового времени — Р.Ю. Випперу («Очень старый академик».

М., 1997) и К.Н. Леонтьеву («Высокомерный странник». М., 2000). Но все-таки наиболее зрел и значим в творчестве историка, на мой взгляд, именно цикл работ последних лет, связанных с великими историческими персонами России XVI в.

Начать было логично с монументальной фигуры царя Ивана Грозного, неизбежно витающей надо всем столетием, определяющей его восприятие в научном и массовом сознании. В 2006 г. в издательстве «Вече» вышла монография «Иван Грозный», где Володихин очертил свое видение этого образа. Образа противоречивого, яркого и трагического, как и весь грозненский век. Володихину — сравнительно редкий даже в нашей науке, не говоря уже об исторической публицистике, случай, — удалось уйти от крайностей, создать поистине достоверный образ царя и его эпохи. Не карикатурный и не приукрашенный, не очерченный и не отбеленный — исторический.

В книге 2009 г. «Митрополит Филипп» Володихин обращается к иному образу, к иному лику XVI столетия. Мятущемуся, сложному и нередко губительному, в том числе и для себя самого, характеру монарха сопоставлена и в итоге противопоставлена красота чистой святости. Володихин создает удивительный образец научной агиографии — подлинное житие христианского святого, написанное средствами современной науки. И в то же время чрезвычайно далекое от публицистической однозначности, столь хорошо известной по многим художественным описаниям столкновения царя и митрополита.

Одновременно Володихина все более занимает и другая проблема, другая тема для исторического и персонально-исторического исследования — личные судьбы и общий «характер» господствующего слоя грозненской России, служилой знати. В 2009 г. выходит работа «Воеводы Ивана Грозного», включающая жизнеописания пятерых полководцев XVI в. — Д.И. Хворостинина, И.П. Шуйского,

И.Ф. Мстиславского, С.И. Микулинского и М.И. Воротынского. Начатые уже в этой книге авторские размышления о месте и роли опричнины в истории Московского государства продолжены следующей, 2010 г. — «Опричнина и “псы государевы”». Здесь опричнина последовательно показывается «глазами» царя Ивана Грозного и самих его «псов». Перед взором читателя проходят опричные аристократы — А.Ф. Басманов, Ф.М. Трубецкой, В.И. Темкин-Ростовский, А.И. Вяземский, и «худородные выдвигенцы» Ивана — М.А. Безнин и Малюта Скуратов. Произведенный в этих двух работах анализ причин и последствий опричнины позволил автору сделать убедительный вывод — опричнина являлась военно-административной реформой, вызванной противоречиями в среде самой высшей знати. Причем реформой она оказалась неудачной, приведшей ко многим трагическим последствиям — в том числе и к военным неудачам. Почти ни к каким существенным изменениям в структуре господствующего класса опричнина не привела — высшая власть в стране была и осталась в руках немногих знатнейших родов.

И вновь, как бы уравнивающая столь щедро нарисованные в этом цикле картины кровавых браней и придворных битв честолюбия, Володихин обращается к жанру историко-житийному. Книга «Царь Федор Иванович» вышла уже в 2011 г. и до сего дня являлась самой свежей работой автора. Володихин пересматривает сложившийся в научно-популярной, а отчасти и в серьезной научной литературе взгляд на последнего московского Рюриковича как на «слабоумного». Политическими дарованиями царь действительно не обладал, однако его благочестивая кротость оказывается той единственной скрепой, которая удерживала Россию от сползания в Смуту — и которой не хватило после его кончины, при всем политическом разумеи Бориса Годунова.

И вот теперь из-под пера автора вышла развернутая биография князя Ивана Петровича Шуйского, героя Псковской обороны 1581—1582 гг. и знаменитейшего противника Годунова в следующее царствование. Впрочем, как убедились уже читатели книги, ее тема гораздо шире. В ней можно найти, например, подробное описание московско-литовского противостояния за западнорусские земли. Среди главного же — Володихин продолжает начатое групповыми жизнеописаниями воевод исследование судеб русской аристократии XVI в., глубокие историко-философские размышления о ее характере и роли в истории Отечества.

Бремя лучших. Об аристократии и аристократах

Володихин в рамках биографической работы, неизбежно ограниченный ими, делает, по сути, набросок, историко-психологического анализа целой сословной группы — в лице одного из лучших ее сынов. Автор размышляет: каким образом сочетались в русской аристократии XVI в. столь разнонаправленные порывы? Каким образом сегодняшний герой, спасающий страну от внешнего врага, завтра обращается в смутьяна и заговорщика, расшатывающего ее же основания? И все это как будто без перехода, нередко между другими, весьма достойными делами. Подумаем и мы вслед за автором.

Явление это — не только русское. Все древние и средневековые общества, с неизбежными отличиями, рождали один и тот же тип людей — породу воинов, созданных сражаться и править. Зародившись в глубинах варварства, когда единственным его назначением было убивать врагов на войне и в разбойничьем набеге, за тысячелетия воинский слой окреп, обернулся наследственной знатью, а с появлением государства обрел новый смысл. Ибо тем,

кто защищал государство, дарована была — справедливо ли, нет ли, — власть в нем, власть над землями и народами. Власть, ограниченная лишь первым среди тех же равных — царем, королем, великим князем. С этого времени молодого «воина» сызмальства учили уже и управлять людьми — и не только в военном походе.

Воинская знать не могла быть закрытой кастой (и не была таковой на самом деле даже в Индии с ее кастовым строем). Она регулярно обновлялась, принимая в себя новых людей — большей частью на нижайшие слои, но нередко и в число аристократов, «мужей совета». Так произошло, например, с русским боярством после монгольского нашествия, литовских завоеваний и собирания земель Москвой. Очень немногие аристократические роды (что говорить о мелких служильцах!), помимо правящих Рюриковичей, достоверно выводили свои родословия из киевской эпохи. Однако аристократия действительно воспроизводила и выращивала себя, свои идеалы и жизненные принципы. Новые люди включались в старую знать, через браки и общение в рамках одних общественных структур перенимали ее наследие. Становились ею.

А взгляды этих людей на мир сильно отличались от привычных для нас представлений о «государственном человеке», да и от наших обыденных. Читая средневековые источники из любой части Европы, подмечаешь интересную черту — знатные люди той эпохи не служили абстракциям, не мыслили ими. Такие понятия, как «народ» или «государство» в нашем нынешнем понимании, были им глубоко чужды — разве что они могли апеллировать к «общему благу» при необходимости в чем-то убедить народную массу. Весь мир виделся им через призму исключительно личных отношений. Они служили конкретному, осязаемому, видимому и знакомому (более или менее) государю. Они были преданы тем, с кем находились в дружеских (не всегда прочных) и родственных (увы, тоже) отношени-

ях. Наконец, они служили Богу. И видели в Нем такого же Государя, пусть неизмеримо высокого и далекого, но тоже доступного для понимания, для просьб о помощи в делах, для личной присяги на верность и взаимных обязательств.

И даже «земля» — не была исключением из этой системы личностного восприятия мира. Бессмысленно прилагать к «земле Русской» из средневековых памятников или «милой Франции» с другого конца Европы современные категории «национального» или «патриотического». На Руси с ее молодой государственностью, конечно, существовало острое осознание ценности силы и независимости государства как таковой — сродни древнегреческому или римскому. Однако для аристократа в любой точке средневекового мира важнее было другое. «Земля» — это родовой дом, это вместилище сородичей в самом широком смысле слова, людей своего «языка», которые доверили тебе эту «землю» в обмен на заступничество и водительство. А вследствие этого «земля» — это еще и владение, родовая собственность, которую следует защищать и которой следует править. Так было во всех слоях знати. Но прежде всего — у «сливок» ее, высших аристократов, суверенных владетелей на своих «землях» — удельных князей Руси, герцогов и графов на Западе.

Именно этот слой — лучшие (буквальное значение греческого *ῥῆτος*) из лучших — испытали настоящую личную катастрофу с образованием централизованных государств. Русь, конечно, не была исключением. Более того, ситуация в Московском государстве, с его стремлением воспринять византийское самодержавие, оказалась серьезнее, чем где-либо еще. Бывшие князья-суверены оказались встроены в систему цельной, не оставившей им ни малейших суверенных прав монархии. Они отныне должны были служить ей, а править лишь тем, что она им даст за службу. Иными словами, что даст им государь —

один из их же родни, по стечению обстоятельств поднявшийся надо всеми. Мало того, отнявший у этих всех то, что им принадлежало по праву... А их не учили служить. Это они учили других служить себе.

Даже последний удельный князек в своем уделе был «первым после Бога». Да, над ним был великий князь. Но князь удельный сам мог занять место великого при большой удаче в первой же замятне. Или по крайней мере обеспечить независимость своим потомкам. В дарованном московским государем поместье и даже в «собственной» вотчине быть столь полновластным хозяином уже не получалось — сами условия обладания ими были иные, чем у древних уделов. Государь, правда, по мановению руки мог создать новые «уделы», если того требовали его или государственные интересы. Вот и получалось, что вчерашние купцы Строгановы — большие хозяева на своих огромных, компактно расположенных на задворках государства землях, чем любые родовитые князья в центральных областях России, те же Шуйские. А если учесть еще, что земли, а то и вся жизнь могли пойти прахом от какого-то государева «эксперимента» вроде опричнины... Каково было это все терпеть для вчерашних хозяев Руси? Следует скорее удивляться тому, сколь мало было прямых вооруженных мятежей на Руси XVI в., и тому, что не было ни единой внутренней войны (в отличие от той же Франции и многих других стран)... Разве что учиненный самим Иваном Грозным разор северных областей. Но рано или поздно уверенность высшей аристократии в том, что каждый из ее среды имеет право на власть не меньшее, чем московский Рюрикович, должна была взорваться смутой. И взорвалась — уже после смерти героя этой книги, хотя амбиции князей были, конечно, не единственным, да и не главным ингредиентом горючей смеси.

Но единое государство уже сложилось. И всякий раз, когда знать получала возможность распорядиться его

судьбой, будь то через прямое насилие или по слабости государственной власти, перед ней оказывалось два пути. Первый — повернуть время вспять, разодрать государство на новые удельные, а там, как знать... и новые великие княжения. Второй — установить совместное управление тем, что есть, единой землей. Русская знать всегда предпочитала второй путь, хотя он и оборачивался раз за разом беспощадной войной честолюбий. Наверное, сознание величия и силы новой огромной «земли» — обеспечивающей силу и величие тех, кто ею правит, увеличивающей *их* цену, — возвышалось над умами даже самых низких честолюбцев времен Смуты. Тем более над умами их несравненно более великих предшественников и предков в XVI в.

Ни один опыт боярского правления в Московской Руси как будто не кончился добром. Задумаемся — а мог ли кончиться? Могла ли выжить на Руси устойчивая аристократическая система власти? Не праздный вопрос. Ведь история знает примеры не только шестисотлетней аристократической Спарты или почти тысячелетней патрицианской Венеции. В русском Новгороде, в огромной и богатой державе Русского Севера, аристократический строй просуществовал, сквозь взлеты и падения, почти три с половиной века. Это дольше, чем время жизни единой Московской Руси до Смуты, гораздо дольше, чем малоудачный опыт земской монархии после нее... Дольше, чем история созданной трудами Петра империи.

Но все это не отменяет описанного выше негатива. Как видно, дело было не в политическом строе самом по себе, а в качестве людей, встающих у руля власти. Не стоит искать идеальный политический строй. Таковым не была ни абсолютная монархия, ни аристократическое правление. Эффективность любой общественной и политической системы зависит не в последнюю, если не в первую, очередь, от тех, кто ее осуществляет. Достаточно сравнить

результаты самодержавных правлений, скажем, Ивана Грозного и Петра I.

И все-таки остается единственное бесспорное преимущество любого средневекового аристократа перед любым чиновником абсолютистской державы или современным «демократическим» политиком. Люди *той* породы действительно *знали*, как управлять государством, как вести людей в делах войны и мира. Их этому учили сызмальства. Они рождались для этого. И герой этой книги, столь мастерски описанный на ее страницах, — достойное, ярчайшее подтверждение.

Июль 2011 г.

*Доктор исторических наук
С.В. Алексеев*

Примечания

1. Прямой потомок великого князя Андрея Ярославича.

2. *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и русский трон. Л., 1991. С. 23.

3. В 1382 г. дети князя Дмитрия Константиновича Василий (по прозвищу Кирдяпа) и Семен поклялись на кресте жителям Москвы, осаждаемым Тохтамышем, что ханское войнство, войдя в город, не тронет их. Те поверили и открыли ворота. Произошла резня, город подвергся разорению и сожжению от татар. За братьями Дмитриевичами, предками Шуйских, установилась репутация предателей. Но, как показал историк Г.В. Абрамович, Василий Кирдяпа, видимо, москвичей не обманывал, и виновен лишь его брат Семен. — *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и русский трон. Л., 1991. С. 50—57.

4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л., 1950. № 40; *Черепнин Л.В.* Русские Феодальные архивы XIV—XV вв. М.-Л., 1948. Ч. 1. С. 130.

5. Памятники русского права. М., 1955. Вып. III. С. 233—234.

6. *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов) в трех томах. Иваново, 2004. Т. 2. Старинные документы и акты. С. 323—324; *Кабанов А., Семенов А.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010. С. 164—165.

7. *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов) в трех томах. Иваново, 2004. Т. 2. Старинные документы и акты. С. 291—292.

8. *Шаповал В.Г.* Горицы. Дунилово. История, предания, современность. Шуя, 2011. С. 9.

9. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.-Л., 1948. Ч. 1. С. 147—148.

10. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 72.

11. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 71.

12. Об этом — ниже.

13. *Солодкин Г.Я.* Князь П.И. Шуйский — герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. М., 2010. С. 269.

14. *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. — М.: 1901. С. 106.

15. *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. — М.: 1901. С. 123, 157.

16. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 274.

17. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190.

18. *Солодкин Г.Я.* Князь П.И. Шуйский — герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. М., 2010. С. 272—273.

19. *Солодкин Г.Я.* Князь П.И. Шуйский — герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. М., 2010. С. 273.

20. *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 91.

21. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 191.

22. Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585—1586 гг. М., 1996. С. 44—45. Во вкладной книге обнаруживается формулировка: «Дал вкладу... по семье своей, по княгине Марье...»

23. *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 148, 155.

24. *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 141—142.

25. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 71.

26. В 1553 г. погиб его первенец, царевич Дмитрий, но в 1554 г. родился второй сын, царевич Иван.

27. *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 104, 109, 141—142, 230—288.

28. *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и русский трон. Л., 1991. С. 80.

29. Русский историк XVIII столетия.

30. Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 45.

31. Никоновский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. С. 145.

32. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 45, 47.

33. Дело было, как уже говорилось, не в «припадке ярости», а в придворной борьбе: иные дворцовые партии смогли поколебать положение Шуйских, вызвав против представителя их рода гнев государя-отрока.

34. *Абрамович Г.В.* Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 4.

35. *Абрамович Г.В.* Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 86.

36. *Александро-Невская летопись* // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 211.

37. *Александро-Невская летопись* // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 212.

38. В относительном, процентном смысле.

39. *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 130.

40. *Długosz J.* Dzieła wszystkie (Далее: *Długosz...*). Kraków, 1869. Т. V. С. 444.

41. *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi (Далее: *Strykowski...*). Warszawa, 1846. Т. II. С. 186.

42. Польский историк XIX столетия.

43. *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 160—161. Об источниках Коцебу: указ. соч., «От сочинителя», лл. нн. Публикаторы *Scriptores Rerum Prussicarum* в приложении к Хронике Конрада Битшина поместили «*Sammlung*» документов из Кенигсбергского провинциального архива, касающихся отношений ордена и Литвы в 30-х гг. XV в. (указ. соч., т. III, нач. с. 493). Из комментария видно, что составитель опять-таки использовал документы, исходившие из канцелярии ордена. Поскольку «*Sammlung*» во многих случаях чрезвычайно близок изложению Коцебу, надо полагать, именно этими материалами и пользовался Геннинг, или же они представляют собой один из списков части (всего?) собрания Геннинга. Все изложенные выше соображения подтверждают достоверность данных Коцебу. Другой сильной их стороной является точная хронология: большая часть материалов принадлежит деловой, дипломатической переписке, которая всегда датирована. Поэтому Коцебу мог расписать весь период правления Свидригайло чуть ли не по неделям.

44. *Długosz...* С. 444; *Strykowski...* С. 188; *Kronika Marcina Kromera*// *Zbior dziejopisów polskich.* Warszawa. Т. III. Warszawa, 1767. С. 530; Никифоровская летопись// Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 34.

45. Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 154. Подробнее о князьях Друцких — сторонниках Свидригайло см.: *Wolff J.* *Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku.* Warszawa, 1895. С. 57—61; *Wolff J.* *Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego.* Kraków, 1885. С. 85; Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 137; *Насевіч В.А.* Род князеу Друцких у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV—XVI).// Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 91—95.

46. Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 155.

47. *Strykowski...* С. 188; *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. С. 263—264; Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. С. 111; Новгородская 4-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. С. 122; Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 192—193; *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 13—14.

48. *Strykowski...* С. 195—296; *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. С. 275—276.

49. *Strykowski...* С. 188—189; *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. С. 276—277.

50. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1. С. 132.

51. *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 153.

52. Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 154; Никифоровская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 34.

53. *Długosz...* С. 385; *Дворниченко А.Ю.* Князь Свидригайло и западнорусские городские общины. // Генезис развитого феодализма в России. Проблемы истории города. Л.: ЛГУ, 1988. С. 4.

54. Fortsetzung zu Peter von Düsburgs Chronik von Konrad Bitschin. // *Scriptores rerum prussicarum.* Leipzig, 1866, т. III. С. 494.

55. *Lewicki A.* Powstanie Swidrygiełty. Kraków, 1892. С. 147—148.

56. *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 160—161; *Długosz...* С. 480, 522—523; *Strykowski...* С. 189, 195—196.

57. *Strykowski...* С. 187, 189, 195—196; Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 15. Стб. 489; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 206; *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточно-

го славянства (далее: «Древнерусское наследие...»). М.: Наука, 1982. С. 135.

58. Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. № 19.

59. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 43; *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 147; Древнерусское наследие... С. 136.

60. *Strykowski...* С. 195; *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 206.

61. Дядя — князь Юрий Звенигородский, отец Василия Косого и Дмитрия Шемяки, а племянник — Василий II.

62. *Stadnicki K.* Gracia Władysława Jagiełły. — Lwów, 1867. С. 352; *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства, К., 1885. С. 137; Древнерусское наследие... С. 135—136.

63. *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 64.

64. *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 160—161. С. 173, 191, 195.

65. Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии (далее: СБНМБ). Мн., 1988. С. 22. Лат. текст того же документа см.: *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. Приложение № 1.

66. Акты Литовско-Русского государства, М., 1899. Вып. 1. № 1, 3, 13, 87.

67. СБНМБ. С. 22.

68. СБНМБ С. 21.

69. *Długosz...* С. 385—386; *Strykowski...* С. 177—178.

70. Луцкая война предшествовала гражданской войне в ВКЛ, и ее события во многом повлияли на ход гражданской войны.

71. *Strykowski...* С. 183.

72. *Ламанский В.* «Белая Русь» // Имя твое Белая Русь. Мн., 1991. С. 18.

73. *Długosz...* С. 422; *Strykowski...* С. 183.

74. *Długosz...* С. 412.

75. *Długosz...* С. 419—420.

76. Никифоровская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 35.

77. Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 31—37.

78. Псковская 1-я летопись. Тихановский список // ПСРА. Т. 5. Вып. 1. С. 43.

79. Лойка П.А. Палитычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім, Рускім, Жамойцкім XIV — першай палове XV ст.: вытокі і вынікі // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 79.

80. Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 154; Летопись Красинского // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 141; Летопись Рачинского // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 163.

81. Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 143—144.

82. Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 178; Летопись Рачинского // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 164; Новгородская 4-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. С. 207; Псковская 1-я летопись. Тихановский список // ПСРА. Т. 5. Вып. 1. С. 40;

83. Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 155; Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 85.

84. Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 155.

85. *Strykowski*... С. 139—190.

86. Полоцкая ревизия 1552 г. / Изд. И.И. Лаппо. 1905.

87. Лойка П.А. Палитычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім, Рускім, Жамойцкім XIV — першай палове XV ст.: вытокі і вынікі. // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 82; Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусь. Мн., 1992. С. 144, 145; Любавский М.К. К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии. М., 1909. С. 272—273; *Kosman M.* Orzeł i pogoń. Z Dziejów polsko-litewskich

XIV—XX в. Warszawa, 1992. С. 79; по поводу одного только привилея 1434 г.: *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Литовской унии включительно. М., 1910. С. 65.

88. Очерк истории Литовско-Русского государства до Литовской унии включительно. М., 1910. С. 64—65; он же: Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 77—78; *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва XV-XVI вв. М., 1961. С. 530; *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1. С. 135—136.

89. *Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie w XV wieku. Warszawa, 1947. С. 39; Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1959, т. 1. № 45.

90. *Хорошкевич А.А.* Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV — нач. XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 143.

91. РГАДА. Ф. 389. Кн. зап. 37. Л. 343об.—344; Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV — нач. XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 144.

92. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. № 60; *Антонович В.* Исследование о городах в Юго-Восточной России по актам 1438—1798. К., 1870. С. 15—22; *Любавский М.К.* (Отд. отт.) О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. С. 5, 23.

93. Случайное единичное нарушение этой традиции — назначение кн. Ивана Семеновича Друцкого — очевидно, отражает стремление города иметь наместника, что называется, «из своих», т.е. из числа удельных князей Полоцкой земли, имевших на Полоцкое княжение наследственные права. Но в последние два десятилетия княжения Витовта о наличии в Полоцке князей-наместников ничего не известно. Да и само наместничество Ивана Семеновича Друцкого вряд ли сыграло в отношении политического статуса Полотчины серьезную роль: официально правами князя полоцкого владел великий князь литовский Витовт, и уже в начале XV в. он склонен был рассматривать княжение в Полоцке как право, которое он мог передать по наследству.

В 1406 г. в тексте Копысского торгового договора между Полоцком и Ригой, заключенного от имени Полоцка Витовтом, во второй части второго пункта было отмечено: «Если случится, что мы или кто-нибудь из наших наследников, полоцкий князь или рижане в Риге учредят стапель, они его должны соблюдать так, как установили». — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Вып.1 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. № 37. В данном случае перевод с латыни не совсем корректен и правильнее было бы: «...или мы, или полоцкие князья из числа наших наследников...» («...aut nos aut nostri successores domini Ploskovienses...»). В грамотах 1439 и 1447 гг., подтверждавших Копысский договор от имени великих князей литовских Сигизмунда Кейстутевича и Казимира Ягеллона, указанное место остается без изменений. — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Вып.1 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 52, 78. Таким образом, со времен к. XIV — н. XV вв. реальные политические права князей полоцких переходят к великим князьям литовским, а полоцкие наместники — будь они трижды князьями — играют роль великокняжеских ставленников.

94. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Вып.1 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 17, 19, 21.

95. *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник СПбГУ. 1992. Сер. 2. Вып. 2. С. 4.

96. ПСРА. Т. 35. С. 142, 164, 189, 210, 232 (летописи: Евреиновская, Румянцевская, Ольшевская, Красинского и Рачинского); *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku. — Warszawa, 1895. С. 96; *Lewicki A.* Powstanie Swidrygiełły. Kraków, 1892. С. 78.

97. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1 № 60.

98. *Ясинский М.* Уставные грамоты Литовско-Русского государства. К., 1889. С. 54.

99. *Юхо И.* Франциск Скорина и его время. Энциклопедический справочник. Мн., 1990. С. 468—469. Автор этих строк имел случай откорректировать это мнение И. Юхо: *Володи-*

хин Д.М. Историко-правовая категория «Полоцкое право» (XV—XVI столетия) // Терминоведение, 1994, № 3, С. 24—29; Володихин Д.М. «Полоцкое право» XV—XVI столетий // Володихин Д.М. Спорные вопросы Белой Руси. Полоцк, 1997. С. 3—7.

100. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Вып. 1, 2/ Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 105, 107, 114, 128, 129, 131, 132, 139, 140, 151, 153, 166, 170 за 1459—1478 гг.

101. *Długosz...* Т. IV. С. 115; *Długosz...* Т. V. С. 75.

102. *Długosz...* Т. V. С. 505; *Kronika Marcina Bielskiego* // *Zbior dziejopisów polskich*. Warszawa, 1764. Т. 1. С. 403; *Kronika Marcina Kromera* // *Zbior dziejopisów polskich*. Warszawa, 1767. Т. III. С. 698; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 169. — Причем псковская летопись сообщает, что до этого Казимир не показывался в Полоцке 21 год, а Длугош и вслед за ним Кромер и Бельские указывают на срок в 16 лет. То есть вполне вероятно, что король побывал в Полоцке также в 1449 г. и 1454 г.

103. *Strykowski M.* *Kronika polska, litewska, zmodzka...* Warszawa, 1846. Т. II. С. 298; Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 184; Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 17. Стб. 554; о пребывании Александра в Полоцке через несколько лет после того, как он «на кня[же] нь[е] сел», сообщает также одна из русскоязычных граффити полоцкого Спасского собора Спасо-Евфросиньева монастыря.

104. *Strykowski...* Т. II. С. 250, 399.

105. Государственный архив России XVI столетия / Подг. изд. А.А. Зимин. М., 1978 (далее — Государственный архив). Ч. 1, ящик 3, комм.: С. 106; ящик 168, комм.: Ч. 2. С. 377—378; Ч. 1, ящики 4—5, комм.: С. 109—110; Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 168, 637—642, 710—731; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. Л. 100—100 об.; *Strykowski...* Т. II. С. 407; Краткая Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 123; *Карпов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским // Чтения в Обществе истории и Древностей российских. 1866. Кн. IV.

С. 11—12, 25, 76—77; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. Т. II. № 43; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 93; *Хорошкевич А.А.* Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 24.

106. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977—1980. Вып. 1, 2, 3 / Подг. изд. и комм. А.А. Хорошкевич. №№ 162, 181, 292, 303, 311 за 1476—1510 гг.; *Сапунов А.* Витебская старина. т. V. 1885. №№ 24, 27 (1521, 1523 гг.); Краткая Волинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 125; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1867. Т. 1. № 2.

107. *Кобрин В.Б., Юрганов А.А.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы). // История СССР. 1991, № 4. С. 60.

108. *Копыцкий З.Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Мн., 1975. С. 74, 77.

109. *Михаил Литвин* // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев. Вып. 2. 1890. С. 23-26.

110. *Marceli Kosman.* Historia Białorusi. Wrocław и др. (Osso-lineum), 1979. С. 100; *Natanson-Leski.* Rozwój terytorialny Polski. Warszawa, 1964. С. 102, 115—117.

111. *Kronika Marcina Kromera* // Zbiór dziejopisów polskich. Warszawa. Т. III. Warszawa, 1767. С. 768; *Kronika Marcina Bielskiego* // Zbiór dziejopisów polskich. Warszawa, 1764. Т. 1. С. 439; *Strykowski...* Т. II. С. 309; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 64; *Хорошкевич А.А.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 85.

112. *Strykowski...* Т. II. С. 327; Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 17. Стб. 567 и прим.; Хроника литовская и жемойтская // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 101.

113. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 96; *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.А.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 142; *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 203.

114. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 109.

115. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 238; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века. М., 1952. С. 433—442.

116. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1980—1982. Вып. 3 / Подг. изд. и комм. А.А. Хорошкевич. №№ 248, 249; Вып. 4. С. 36, 163—165.

117. *Wasilewski L.* Litwa i Białorus. Przeszłość-terazniejszość — tendencje rozwojowe. Kraków, 1913. С. 36.

118. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 32. Прил. 2. С. 196—197; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 57—60.

119. Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 17. Стб. 561; Свод 1518 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 28. С. 335—336; Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. С. 373; Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 241; Иосафовская летопись (далее: Иос.). М., 1957. С. 144; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1980. Вып. 3 / Подг. изд. и комм. А.А. Хорошкевич. №№ 193, 268; Вып. 4. С. 7, 182; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 188; *Kronika Marcina Kromera* // *Zbior dziejopisów polskich.* Warszawa. Т. III. Warszawa, 1767. С. 568; *Strykowski...* Т. II. С. 310; *Papee F.* Aleksander Jagiełłonczyk. Kraków, 1949. С. 41.

120. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. С. 439, 461, 491—492, 532; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 392; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века. М.,

1952. С. 495; *Карнов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским // Чтения в Обществе истории и Древностей российских. 1866. Кн. IV. С. 98. — Ошибочно сказано, что под Смоленск и Витебск ходил сам Дм. Жилка.

121. *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wshodniej Rzeczypospolitej. Lwów—Warszawa, 1922. С. 122; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века. М., 1952. С. 521.

122. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 52; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 97; Вып. 2. С. 259.

123. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 52; Иос., С. 194; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 259; *Рябинин И.С.* Новое известие о Литве и Московитах. М., 1906. С. 8—9; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 155, 156.

124. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 55; Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 37. С. 52.

125. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 12; Свод 1518 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 28. С. 353; Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 26. С. 306; Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. С. 392; Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 263; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 99; Сборник Русского исторического общества. Т. 53. С. 64; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 183—184; *Kronika Marcina Bielskiego* // *Zbiór dziejopisów polskich.* Warszawa, 1764. Т. 1. С. 485; *Strzykowski...* Т. II. С. 391.

126. Один из полков в армии князя Василия Васильевича Шуйского возглавлял его брат князь Иван Васильевич Шуйский, родной дед и «тезка» героя этой книги.

127. Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 30. С. 143; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 72; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 64;

Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 100; Вып. 2. С. 226; Сборник Русского исторического общества. Т. 95. С. 535; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 189; *Kolankowski L.* Polska Jagiełłonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936. С. 213.

128. Сборник Русского исторического общества. Т. 53. С. 195—197, 203, 212; 1885. Витебская старина. Т. IV. С. 24; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 201—207; *Kolankowski L.* Polska Jagiełłonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936. С. 214.

129. Беларуські архіу. Мн., 1928. Т. II. № 282. С. 202—204.

130. *Кром М.М.* Стародубская война 1534—1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 14—15.

131. Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 622, 676, 679, 867, 868.

132. Государственный архив... Ч. 1. Ящик 57; Ч. 2. С. 224.

133. *Kolankowski L.* Zygmunt August. Lwów, 1913. С. 147; *Wasilewski L.* Litwa i Białorus. Przeszłość-terazniejszość — tendencje rozwojowe. Kraków, 1913. С. 38; *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wshodniej Rzeczypospolitej. Lwów—Warszawa, 1922. С. 130.

134. По всей видимости, тот же Иван Васильевич, дед главного героя этой книги.

135. Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 15; Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 129; II Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. С. 293; Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 168; Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 287—288; Евреиновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 236—237; Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. т. 26. С. 316; Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 2. С. 426—427; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 85—87; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 106; *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные памятники XVI в. // Исторические записки АН СССР. Вып. 10.

1941. С. 90 (Костровский летописец); *Kolankowski L.* Zygmunt August. Lwów, 1913. С. 139, 147—148.

136. *Piawski K.* Niedoszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567—68) // *Ateneum Wilenskie.* Rok IV. Zeszyt 13. 1927. С. 261.

137. *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1989. С. 215.

138. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. №№ 138—152.

139. Вступительная статья Н. Малиновского // *Jan Albertrandi.* Pamiętniki o dawniej Polsce... listy Jana Franciszka Commendoniego do Karola Borromeusza. Wilno, 1851. Т. 1. С. XXII—XXVI.

140. *Czubiński A., Topolski J.* Historia Polski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź (Ossolineum), 1988. С. 147—148; *Dzieje Polski,* Warszawa, 1978. С. 286—287.

141. История церквей гельветического исповедания в Литве. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1847. Кн. VIII. С. 1—4.

142. *Иванова Л.С.* Из истории реформационной церкви в Полоцке // *Гісторыя і архелогія Полацка і полацкай зямлі.* Полацк, 1992. С. 25.

143. *Arnold S., Michalski J., Piawski K.* Historia Polski od połowy XV wieku do roku 1795. Warszawa, 1955. С. 30.

144. *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 294—297.

145. *Mienicki R.* Egzulanicy Poloccy (1563—1580 г.) // *Ateneum Wileńskie.* Rocznik IX. Wilno, 1934. С. 34; *Piawski K.* Niedoszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567—68) // *Ateneum Wilenskie.* Rok IV. Zeszyt 13. 1927; *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Lwów—Warszawa, 1922. С. 163.

146. *Hellie R.* Enserfment and military change in Muscovy. Chicago, London, 1971. С. 267—268.

147. *Коркунов М.* Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. и тогдашние планы Полоцка и окрестных крепостей // *ЖМНП.* 1837. № 8. С. 6—7; *Гейденштейн Р.* Запи-

ски о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 50; Полоцк, Исторический очерк. Мн., 1987. С. 31.

148. *Oderborni P.* Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 225.

149. *Хорошкевич А.А.* Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85.

150. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 43.

151. *Дмитриев М.В.* Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990. С. 38—39.

152. *Голенченко Г.Я.* Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — сер. XVII вв. Мн., 1989. С. 101—119; *Węgierski A.* Libri quattor Slavoniae Reformatae. Warszawa, 1973. С. 263, 446; «Истины показание». ГБЛ. Троицк. № 673. Л. 371об.

153. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 302.

154. *Федотов Г.П.* Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 60.

155. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 190.

156. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 302—303, 306—308.

157. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 301; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 30—32.

158. А. Лобин считает, что стрельцов было порядка 4000 московских + незначительное количество городовых. Это заключение делается им на основе подсчета стрелецких голов, упомянутых в Разрядной повести о «полоцком взятии» (упомянуто стрелецких 8 голов). Их количество умножается на штатное число бойцов стрелецкого «прибора» («приказа»). Итого получается 4000. Но характер упоминания стрелецких голов в Разрядной повести оставляет возможность того, что названы

не все головы. Далеко не все силы армии были использованы в боевых действиях под стенами города и в противодействии деблокирующему литовскому корпусу. А значит, могли быть задействованы не все стрелецкие приказы и, следовательно, не все стрелецкие головы упомянуты, поскольку Разрядная повесть перечисляет тех, кто так или иначе выполнял тактическую работу. Следовательно, стрельцов могло быть и больше. — *Лобин А.Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1—2. С. 55. Поэтому пока цифра в 12 000 выглядит предпочтительней.

159. Посоха собиралась для похода 1562 г. в Можайске, Калуге, Ярославце, Кременске, Верее, Вышгороде, Боровске, Рузе, Звенигороде, Волоке, Погорелом городище, Зубцове, Ржеве, Холме, Молвятицах, Пскове и Вязьме (См.: *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 29—30); *Лебедевская летопись* // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 312; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 33—45; *Псковские летописи* / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. 1955. С. 243—244; *Форстен Г.В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. № 33.

160. *Смирнов Н.В.* Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI — первой половине XVII в. // *Исследования по истории средневековой Руси*. М.-СПб., 2006. С. 374.

161. *Лобин А.Н.* Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // *Балтийский вопрос в конце XV — XVI в.* М., 2010. С. 137—140; *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // *Русский дипломатариум*. Вып. 10. М., 2004. С. 128.

162. Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 99; *Лебедевская летопись* // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 301.

163. *Albertrandi J.*, Pamiętniki o dawniey Polsce... listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza. Wilno, 1851. Т. I.

С. 11. Иван IV, таким образом, пытался дважды поймать западного соседа на один и тот же крючок.

164. *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатариум. М., 2004. Вып. 10. С. 126.

165. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 303; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 32—45.

166. Замечания иностранца XVI века о военных походах русских того времени и преданности их к государю своему // Отечественные записки. 1826. Ч. 27. С. 92—94; *Keep J.* Soldiers of the tzar. Oxf., 1985. С. 14.

167. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304.

168. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304.

169. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310.

170. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 45—46, 119—120.

171. *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 46.

172. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 304—305; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 47.

173. *Курбский А.* История о великом князе московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 335.

174. *Górnicki Lukasz.* Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I у Zygmunta Augusta az do śmierci jego... Warszawa, 1954. С. 159; *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, zmódzka i wszystkiej Rusi (Далее: *Strykowski...*). Warszawa, 1846. Т. II. С. 413.

175. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 305.

176. *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 47.

177. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 300—301; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 50—51.

178. Алексеев А.В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. М., 1966. С. 212; Каргер М.К. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке // Советская археология. 1977. № 1. С. 240; Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII века // Советская археология. 1980. № 3. С. 150.

179. Полоцкая ревизия 1552 г. / Изд. И.И. Лаппо. 1905. С. 175, 179; Лаппо И.И. Описание полоцких владычных и монастырских церковных земель ревизорами 1580 г. М., 1907. С. 13.

180. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1982. Вып. 4 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. С. 151; Полоцкая ревизия 1552 г. / Изд. И.И. Лаппо. 1905. С. 22, 175—176.

181. Дейнис И.П. Полоцкая старина, рукопись. Полоцк, 1978. Полоцкий краеведческий музей. № КП2-1422/8. — См. карту городских стен; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 306; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 50.

182. *Strykowski...* Т. I. С. 241.

183. *Alexandrowicz St.* Nowe źródło ikonograficzne do obleżenia Połocka w 1579 r. // Kwartalnik Historii Kultury materialnej. R. XIX. Nr. 1. 1971, карты в тексте; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 308.

184. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 309; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 45, 120.

185. Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 46, 50—53; *Strykowski...* Т. II. С. 413.

186. Listy oryginalne Zygmunta Augusta do Mikołaja Radziwiłła Czarnego... Wilno, 1842. №№ 101, 103; *Górnicki Łukasz.* Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta az do śmierci iego... Warszawa, 1954. С. 160; *Strykowski...* Т. II. С. 413; *Mienicki R.* Egzulanци Poloccy (1563—1580 r.) // Ateneum Wileńskie. Rocznik IX. Wilno, 1934. С. 34; *Piawski K.* Niedoszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567—68) //

Ateneum Wilenskie. Rok IV. Zeszyt 13. 1927. С. 261; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. № 22; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 199—200; Разрядная книга 1475—1598 гг., М., 1966. С. 53—54.

187. Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 53.

188. Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 53—54, 56; Strykowski... Т. II. С. 413.

189. Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып.10. С. 131, 133, 136, 140—143.

190. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 308.

191. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 309.

192. Levenclavii // Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. I. С. 16; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 327—328; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 309.

193. Hejdenstejnii // Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 101; Oderborni P. // Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 225; Cobencelii // Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 19; Gvagnini // Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 213; Полоцкая ревизия 1552 г. / Изд. И.И. Лаппо. 1905. С. 11—163; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. № 22; Хорошкевич А.А. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 324; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310.

194. Strykowski... Т. II. С. 357; Oderborni P. // Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 226; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 116; Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 190.

195. *Górnicki Lukasz*. Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I u Zygmunta Augusta az do śmierci iego... Warszawa, 1954. С. 159; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310.

196. *Oderborni P.* // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 226.

197. Есть основания предполагать, что Безнин был автором «памяти», легшей в основу летописного известия о взятии Полоцка. Указанное известие несет отчетливые следы авторского начала, и автором его мог быть только очевидец событий зимней кампании 1562—63 г., участник боевых действий и переговоров. Поиск упоминания самого автора в тексте известий выводит на трех лиц, соответствующих данным категориям: дворового воеводу П.И. Горенского, есаула у дозорщиков М.А. Безнина, И.С. Черемисинова, обязанностью которого было «за государем ездити». Первый из них едва ли мог заниматься заготовкой памяти для составления летописи, отправляя одну из ответственных во всей армии должностей. И.С. Черемисин потерпел во время переговоров неудачу, а автор едва ли стал бы писать о себе плохо. Остается Безнин, на авторство которого указывают, во-первых, его дальнейшие занятия летописанием, во-вторых, служба при А. Адашеве во время похода на Феллин, где он мог впервые ознакомиться с летописным делом, коим занимался Адашев; наконец, анализ произведений М.А. Безнина, сделанный по известной методике Л.И. Бородкина — Л.В. Милова, скорее подтверждает авторство Безнина, нежели опровергает оное. М.А. Безнин — личность примечательнейшая. Возвышение его началось именно с Полоцка. Впоследствии Безнин стал видным опричником, воеводой и дипломатом, получил чин думного дворянина. Это был образованный человек, летописец и, в преклонные уже годы, — библиотекарь Иосифо-Волоцкого монастыря. См. о Безнине и, в частности, о летописной повести, связанной с «Полоцким взятием»: *Володихин Д.М.* Опричнина и «псы государевы». М., 2010. С. 223—241; *Володихин Д.М.* Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (вопросы атрибуции) // Вестник МГУ. М., 1995. Сер. 8 (История). № 1.

198. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310.

199. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310;

200. *Пашуто В.Г., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.А.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 119—125.

201. *Oderborni P.* // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.* Berlin — Petropolis. Т. II. С. 225; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310, 313; *Strykowski...* Т. II. С. 413.

202. *Cobencelii* // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.* Berlin — Petropolis. Т. II. С. 19; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 120; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 311; *Strykowski...* Т. II. С. 413. Согласно разрядным записям и известию в Лебедевской летописи, Голубицкий погиб не ранее 10—12 февраля (*Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 53; Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 311).

203. *Strykowski...* Т. II. С. 413; *Górnicki L.* Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta az do śmierci iego... Warszawa, 1954. С. 159.

204. По сведениям Лебедевской летописи, 11 160 человек плюс те, кто вышел «по воеводским полком и в татарские станы... тем же не бе числа». (Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 310). Стрыйковский: 20 тыс. чел., и эта цифра, видимо, самая приемлемая (*Strykowski...* Т. II. С. 413). «Кройника литовская и жемойтская» дает 24 тыс. чел., но источник поправки неясен, а известие изобилует неточностями (Кройника литовская и жемойтская // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 110).

205. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 311; *Kronika Marcina Bielskiego* // *Zbiór dziejopisów polskich.* Warszawa, 1764. Т. 1. С. 557; *Strykowski...* Т. II. С. 413; *Górnicki L.* Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta az do śmierci iego... Warszawa, 1954. С. 159;

Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. № 22, С. 54; Даугяла З. Гістарычна-топаграфічны нарыс Полацкіх умацаваньняў. 1928. С. 227—228 (Отд. оттиск).

206. Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908. С. 77—78; *Manstein*. Memoirs of Russia, historical political and military... 1754. С. 407—408.

207. *Strykowski*... Т. II. С. 413; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 53; Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 311.

208. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 313.

209. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 311—313; Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 121—122.

210. Kronika Marcina Bielskiego... Sanok, 1856. Т. II. С. 1145—1146; Кройника литовская и жемойтская // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 110; Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. С. 3 (Предисловие), 137—138.

211. См. соответствующую выдержку из Гваньини: Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 232.

212. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 243—244.

213. Шмурло Е. Известия Дживованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 5. С. 127—129.

214. Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. 1885. № 22.

215. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 156; Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 137, 141, 143, 366.

216. Румянцевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 213.

217. *Levenclavii* // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*. Berlin — Petropolis. Т. I. С. 16.

Немецкий исследователь А. Капеллер считает, что в описании первых лет Ливонской войны Левенклавий следует «*Historia*»

Бреденбаха, а с 1560 г. он явно почти целиком основывается на печатных источниках, весьма немногословен, кое-где даже допускает ошибки. — *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel des ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Frankfurt / М., 1972. С. 44. У Бреденбаха, кстати говоря, описания борьбы за Полоцк зимой 1562—63 г. нет.

218. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. . Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 328—329.

219. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 116. И совершенно легендарный характер носит записанное И. Берлиным устное предание полоцкой еврейской общины. — *Берлин И.* Сказание об Иване Грозном и о разгроме еврейской общины в Полоцке // Еврейская старина. 1915. Вып. 2.

220. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 190; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 122; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 244.

221. *Górnicki L.* Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta az do śmierci iego... Warszawa, 1954. С. 160; Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 318; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 63.

222. *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 63.

223. Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 318; Румянцевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 213; Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 13. С. 302; *Strykowski...* Т. II. С. 413; *Górnicki L.* Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta az do śmierci iego... Warszawa, 1954. С. 160.

224. *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 121; *Oderborni P.* / Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 226.

225. *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 64.

226. *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel des ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Frankfurt/ M., 1972. С. 116; *Тарасюк С.В.* Дэмаграфічная структура Полацка XI—XVI ст. па гісторыка-археалагічных крыніцах // Гісторыя і архелогія Полацка і полацкай зямлі. Полацк, 1992. С. 60; С. Александрович вообще пишет о том, что население города могло не превышать 9500—10 000 человек. — *Alexandrowicz St.* Nowe zrodlo ikonograficzne do oblezenia polocka w 1579 г. // *Кwartalnik historii kultury materialnej.* 1971. № 1. С. 11—12. Для середины XVI столетия население в 9—12 тысяч человек позволяло считать город крупным и многолюдным.

227. Известно, что полочане жили в Твери и Торжке, и часть их погибла во время опричных погромов этих городов. (*Шлихтинг А.* Новое известие о России времен Ивана Грозного. Л., 1934. С. 33—34.)

228. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 116—117; Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 355; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 307.

229. Государственный архив России... Ч. 3. Ящик 227, комментарий. С. 530—531; Ящик 223, комментарий. С. 512.

230. Heidenstejnii. // *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.* Berlin — Petropolis. Т. II. С. 118; *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства. СПб., 1889. С. 217.

231. *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1905. С. 71—73.

232. Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 316—319; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. 1885. С. 57—64.

233. *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 164.

234. *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel des ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Frankfurt/ M., 1972. С. 116; *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648) СПб., 1893. Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 328; *Форстен Г.В.* Акты и

письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. № 33; *Щербачев Ю.Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. 1916. Вып. 1. № 123.

235. *Górnicki L.* Dzieie w Koronie polskiej za Zygmunta I y Zygmunta Augusta az do śmierci iego... Warszawa, 1954. С. 160; Listy oryginalne Zygmunta Augusta... № 104; *Oderborni P.* Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin — Petropolis. Т. II. С. 226.

236. Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 316; *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893. Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 328.

237. Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 121, 124; Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 318.

238. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. С. 118, 121, 131.

239. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 162.

240. Русские летописи с особой силой подчеркивали именно этот момент — как большие, принадлежащие к кругу лицевого летописания (Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 312—313), так и краткие летописцы, например Костровский: «Царь... ходил на литовскую землю и отчину свою град Полотеск взял, и отчича его, литовского пана Довойна поймал и к Москве сослал». — *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные памятники 16 в. // Исторические записки АН СССР. 1941. Вып. 10. С. 91.

241. Лебедевская летопись. Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 314—316.

242. Костровский летописец (*Тихомиров М.Н.* Малоизвестные памятники 16 в. // Исторические записки АН СССР. 1941. Вып. 10), краткий летописец из собрания ГПИБ. Конволют № 615, 442441 ОИК 25085—25093, А. Зоб; летописец Игнатия Зайцева (*Зимин А.А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исто-

рический архив. М.-Л., 1950. Вып V), Безнинский летописец и Летописец Иова Иванова (*Корецкий В.И.* Безнинский летописец конца XVI века // Записки отд. рукописей ГБЛ, вып. 38. М., 1977; *Waugh D. Cl.* Two unpublished Moscovite chronicles. Oxf. Slavonic Papers, new ser. 1979. Vol. XII).

243. *Середонин С.М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце 16 века. СПб., 1891. С. 16—18.

244. В качестве основного фактора учреждения опричнины внешнеполитический и, в частности, военный фактор, уже выдвигался Р.Ю. Виппером и А.Л. Хорошкевич: *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М.-Л., 1944. С. 63—65; *Хорошкевич А.Л.* Опричина и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85 (ранее те же идеи высказывались А.Л. Хорошкевич в рец. на книгу В.Б. Кобрин «Иван Грозный»).

245. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 42, 44—45.

246. *Антонов А.В.* Поручные записи 1527—1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып.10. С. 57, 59, 60, 63.

247. *Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 г. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 175.

248. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 252—253.

249. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 258, 275.

250. В разрядных книгах под 7076 (1567/1568) годом сообщается: «Ходили воеводы в Донков города ставить: из Пронска князь Володимер Курлятев да Григорей Сидоров, с Михайлова князь Борис Васильевич Серебряново да Юрьи Булгаков сын Денисьева». Дорого далось строительство крепости: «Тово же году князь Володимер Курлятев да Григорей Сидоров в Донкове умерли». — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 233—234.

251. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 254—255.

252. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 259—260, 263—264.

253. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 264.

254. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1978. Т. I. Ч. 3. С. 495, 501, 510.

255. *Володихин Д.М.* Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 9—10, 77—78, 127—128; *Володихин Д.М.* Опричнина и «псы государевы». М., 2010. С. 112.

256. Эта концепция ближе всего к взглядам Виппера. С тем исключением, что Роберт Юрьевич относился к личности государя и воздвижению опричнины на порядок позитивнее, нежели автор этих строк.

257. В первую очередь управления вооруженными силами России.

258. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 282—283.

259. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. / Подг. В.И. Буганов // Исторический архив. М., 1959. Вып. 4. С. 176.

260. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 308

261. Дело боярина князя Василия Юрьевича Голицына с боярином князем Иваном Петровичем Шуйским // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. II. С. 21.

262. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2009. С. 119.

263. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2009. С. 26.

264. Имеется в виду стена «гуляй-города».

265. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. / Подг. В.И. Буганов // Исторический архив. М., 1959. Вып. 4. С. 180.

266. «Сын боярский» — один из боярских чинов того времени.

267. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34.. С. 192; Московский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 225.

268. *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 71.

269. *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 76.

270. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 346, 402.

271. *Богоявленский С.К.* Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // С.К. Богоявленский Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М., 2006. С. 501.

272. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 324—325; *Руссов Б.* Ливонская хроника / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879. С. 215—218; *Азбелев С.Н.* Неизданные летописи Новгорода о событиях Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV — XVI в. М., 2010. С. 335.

273. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 320.

274. Высокий думный чин — ниже чина боярина, но выше чина думного дворянина.

275. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 327.

276. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 326—327; *Руссов Б.* Ливонская хроника / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879. С. 219, 222; *Смирнов Н.В.* Ливонская война и города Ливонии // Балтийский вопрос в конце XV — XVI в. М., 2010. С. 473.

277. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 325.

278. *Руссов Б.* Ливонская хроника / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879. С. 218—219.

279. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 327.

280. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 192.

281. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 325—326.

282. *Руссов Б.* Ливонская хроника / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879. С. 219—220.

283. Имеются в виду как боевые потери, так и понесенные воеводским корпусом в ходе репрессий.

284. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 251.

285. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 20, 21.

286. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 2. С. 402.

287. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 447—448.

288. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 458—465.

289. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 476, 483.

290. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 444.

291. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 488—489.

292. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 533, 537.

293. *Смирнов Н.В.* Ливонская война и города Ливонии // Балтийский вопрос в конце XV — XVI в. М., 2010. С. 463.

294. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3. С. 526—527.

295. *Руссов Б.* Ливонская хроника / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II, 1879. С. 271—271.

296. В одном из них, Вольмаре, берут в плен Александра Полубенского, командующего силами Речи Посполитой в регионе. Его принуждают отдать подчиненным приказ о сдаче укрепленных пунктов. Этот приказ немало способствует успехам русского оружия.

297. *Новодворский В.В.* Ливонский поход Ивана Грозного. М., 2010. С. 70—71.

298. Мы знаем об этом из хроники Бальтазара Рюссова, источника не совсем надежного, поэтому весьма возможно, что

страдания Магнуса несколько преувеличены. Но другие иностранные авторы — Петр Петрей и Генрих Штаден — как будто подтверждают эти сведения: первый пишет о том, что Магнуса избивали и даже заставляли ползать у палатки Ивана IV, вымаливая прощение; второй объявляет, что с Магнусом поступили «не по-христиански».

299. Ливонская летопись Франца Ниенштедта / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том III—IV, 1880—1883. С. 50—51.

300. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 21.

301. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 23—24.

302. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648) СПб., 1893. Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 673.

303. *Дзялынский А.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580—1581 гг.). Псков, 2005. С. 210—211.

304. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 58—59, 60—61.

305. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 80.

306. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 61—62.

307. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 81, 94.

308. Нападение было успешно отбито.

309. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 109; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2009. С. 406; Русский исторический сборник. М., 1838. Т.2. С. 1—34.

310. Князь И.Ю. Голицын — старший брат князя В.Ю. Голицына.

311. Дело боярина князя Василия Юрьевича Голицына с боярином князем Иваном Петровичем Шуйским / Русский исторический сборник. М., 1838. Т. II. С. 34.

312. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 116—117.

313. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 126—128, 131, 133—134, 137.

314. Документы походного архива воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова 1580 г. // Памятники истории Восточной Европы. М. Варшава, 1998. Вып. 3. С. 209—210; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 155.

315. Документы походного архива воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова 1580 г. // Памятники истории Восточной Европы. М.-Варшава, 1998. Вып. 3. С. 214.

316. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 152.

317. Невель был ранее взят королевским военачальником Н. Дорогостайским.

318. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 157—158.

319. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 129—130, 134, 135.

320. В действительности защитники Острова дали отрицательный ответ в весьма решительных выражениях: «Почему вы не построили себе своих собственных замков?.. Зачем приходите занимать наши? Но тут вам не Заволочье и не Невель». — *Новодворский В.В.* Ливонский поход Ивана Грозного. М., 2010. С. 241.

321. *Пиотровский Ст.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков. 1882. С. 86—89.

322. *Форстен Г.В.* Архивные занятия в Любеке по истории Балтийского вопроса // Журнал Министерства народного просвещения. № 8. 1890. С. 318; *он же:* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893. Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 695—696 (сноска).

323. *Там же; Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 91.

324. *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 45.

325. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 416—417.

326. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 172.

327. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 414—415.

328. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 319.

329. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 412—417.

330. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 142, 144, 168, 169.

331. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 68.

332. *Петрова Н.* Скопин-Шуйский. М., 2010. С. 20.

333. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 200; Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.). СПб., 1867. С. 352.

334. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 92—93.

335. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 98—99.

336. *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 141.

337. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / *С.М. Соловьев* Сочинения. М., 1989. Т. 5—6. С. 641.

338. *Никулин В.Н.* Численность армии Речи Посполитой и псковского гарнизона во время «Псковского осадного сидения» 1581—1582 годов // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. М., 2010. С. 149—151.

339. Цифры подобного рода разбросаны по всему «дневнику» Пиотровского. Автор этих строк учитывал их масштаб при оценке Пиотровским количества участников той или иной вылазки псковского гарнизона, при рассуждениях Пиотровского о численности защитников Пскова и т.п., но наиболее точные данные обнаруживаются под 22 августа 1581 г. — днем допроса двух русских пленников. Здесь четко сказано: во Пскове находится 2500 стрельцов, 1000 конницы и 500 казаков, а также «гаковниц, пищалей и пушек изрядно». — Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.). СПб., 1867. С. 60. Когда Орест Николаевич Милевский переводил этот памятник на русский язык с оригинала, изданного профессором М.О. Кояловичем, он допустил ряд неточностей, порой довольно серьезных. В этом месте у него пропуск — речь идет лишь о 2500 стрельцов, которыми командует... донской казак М. Черкашенин. Возможно, всё дело в типографской опечатке. В 1882 г. первый раз печатается перевод О.Н. Милевского (до этого пользовались либо оригиналом, либо фрагментарным переводом А.М. Гуляева). Ошибка уже наличествует. В 2005 г., при новом издании перевода, ошибку не исправляют. И она получает дополнительное распространение в сети, где выложен текст перевода... Любопытно, что в ряде серьезных научных трудов приведена численность защитников Пскова по оригиналу, т.е. по изданию Кояловича, а ссылка стоит на перевод Милевского, где указанных цифр нет. Вот чудо! Как видно, некоторые историки грозненской поры просто взяли эту цифру из трудов коллег и украсили свои работы причудливой ложной ссылкой на исчезнувшее свидетельство источника.

340. Так в XVI в. называли документ инструктивного характера.

341. Область на Новгородчине.

342. «3 животами» — здесь: «с имуществом».

343. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 47—49.

344. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 49—50.

345. Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского списка // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2. С. 263.

346. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 146.

347. *Скрынников Р.Г.* Далекий век. Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака. Л., 1989. С. 224.

348. У Пиотровского, пересказывавшего показания пленников, использовано польское слово «jazda», т.е. кавалерия, — без расшифровки, что это одни дворяне. И нет ни слова о существовании какого-то отдельного отряда вооруженных слуг. Следовательно, в цифре 1000 боевые холопы уже учтены.

349. *Смирнов Н.В.* Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI — первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. М.-СПб., 2006. С. 374—375.

350. Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. С. 97.

351. Из которых часть была тогда же, в ходе присоединения Псковщины к Московскому государству, «сведена» из родных мест.

352. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 336.

353. *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. К., 1917. Т. 1. Вып. 1. С. 15; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 336—337.

354. Псковская 3-я летопись. Окончание 2-го Архивского списка // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2. С. 261—262.

355. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 416—417. Что касается крепостей, по которым могло разойтись сельское население Псковщины, то это в первую очередь Гдов, Порхов, Опочка и Остров. Когда

последний был взят противником, там оказалось помимо гарнизона еще более 1000 мирных жителей.

356. Схожие цифры у А.Н. Кирпичникова: 16 500 защитников Пскова, их них 12 000 — вооружившихся горожан, а остальное — профессионалы войны. — *Кирпичников А.Н.* Оборона Пскова в 1581—1582 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 189.

357. *Korzon T.* Dzeje wojen i wojskowosci w Polsce. — Кракков, 1912. Т. 2. С. 53; *Королюк С. Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 102; *Королюк В. Д.* Внешняя политика Русского государства и Ливонская война 1558—1583 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 391; *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 141; *Кирпичников А. Н.* Оборона Пскова в 1581—1582 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 189; *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 214. Совсем уж фантастическая фраза звучит у Р.Г. Скрынникова: «Наступавшая на Псков королевская армия насчитывала 47 000 человек, а ее боевой состав включал 15 000 всадников и 12 000 пехоты». 27 000 — вполне правдоподобно! Откуда же 47 000? Правда, в более ранней редакции того же текста Р.Г. Скрынников выражается иначе: «В третьей кампании армия Батория насчитывала до 47 000 человек. Ее ядро составляли наемные отряды, включавшие около 15 000 всадников и 12 000 пехоты». Но 15 000 наемной конницы — странно, зачем королю польскому, располагавшему собственной превосходной кавалерией, понадобилась еще и наемная в таком количестве? Не для штурма же Пскова! — *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: АСТ, 2001; *Скрынников Р. Г.* Далекий век. Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака. Л., 1989. С. 224. С. 384.

358. *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. С. 102, 179, 247.

359. *Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny in-flanckiej 1576—1582 // *Studia I materially do historii wojskowosci.* Warszawa, 1971. Т. XVII. Cz. 2. S. 103—105.

360. *Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576—1582 // *Studia I materially do historii wojskowosci.* Warszawa, 1971. Т. XVII. Cz. 3. S. 106—107.

361. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.). СПб., 1867 (письмо киевского кастеляна М. Вишневецкого). С. 363—364; *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 219—220.

362. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 65, 79.

363. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 123, 176, 247; *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб. 1889. С. 214.

364. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 96—97, 112; *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 204.

365. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.). СПб., 1867. С. 247—249.

366. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 227—229, 245.

367. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 261.

368. *Никулин В.Н.* Численность армии Речи Посполитой и псковского гарнизона во время «Псковского осадного сидения» 1581—1582 годов // *Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. М., 2010.* С. 151; мнение, согласно которому в Полоцке Баторию противостояло 6000 человек, может быть оспорено: папский нунций Калигари сообщал из Вильно кардиналу Комскому всего через несколько дней после взятия города, что тамошний русский гарнизон состоял из 3000 бойцов. — *Historiae Russiae Monumenta.* СПб., 1841. Т. 1. № СХСVII. Выше уже приводились данные Х. Котарского, в соответствии с которыми под Полоцком и Великими Луками у Батория могло быть гораздо больше войск.

В Великих Луках, по сведениям Зборовского и Дзялынского, участников их взятия, было примерно 1500 русских бойцов или даже менее того. — *Зборовский Я.* Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук // *Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580—1581 гг.).* Псков, 2005. С. 141; *Дзялынский Л.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья // *Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580—1581 гг.).* Псков, 2005. С. 180. Но это лишь работает на выводы В.Н. Никулина, лишь усиливает их доказательную базу.

369. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 201—203.

370. Псковская 1-я летопись. Прибавления. Окончание списка Оболенского // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. С. 116.

371. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 201—202.

372. Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 228.

373. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 45; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 221.

374. *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 4.

375. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. II, Ч. I. С. 16.

376. *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 230, 232.

377. *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 245, 246, 253.

378. Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 329—330.

379. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 58.

380. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 327; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 115, 129.

381. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 262, 296.

382. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 126.

383. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 140.

384. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 141, 157, 172, 175.

385. *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 147.

386. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 201.

387. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 200.

388. *Каргалов В.В.* Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 262. См. также об укреплениях Пскова: *Снегальский Ю. П.* Каменное зодчество Пскова. Л., 1976; *Кирпичников А.Н.* Иностранцы о Пскове XVI века. Новые исследования // Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования / Сост. Ямщиков С.В. М.: Изобразительное искусство, 1988; *Кирпичников А.Н.* Оборона Пскова в 1581—1582 гг. и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1994; *Славнитский Н.Р.* Крепости Северо-Запада России в XVI веке // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. М., 2010.

389. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 198—200.

390. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 113.

391. В источниках именуется также Свиной и Свинойской.

392. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 436—443.

393. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893. Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 696.

394. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 444—445.

395. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 211.

396. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 446—449.

397. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 210.

398. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 454—455.

399. Гонец, к сожалению, был перехвачен поляками, и указы псковского командования гдовскому воеводе в том, что он недостаточно помогает осажденному городу людьми, стали достоянием противника.

400. Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 193; *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 211.

401. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 454—455.

402. *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. С. 240—241.

403. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 117—118.

404. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893. Т. 1. Борьба за Ливонию. С. 696.

405. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.). СПб., 1867. С. 349, 355.

406. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 129.

407. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 140.

408. *Дзялынский Л.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья // Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580—1581 гг.). Псков, 2005. С. 203.

409. И которая при тщательной проверке оказалась мифом.

410. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 78—79.

411. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 120.

412. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 119—120.

413. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 123.

414. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 129.

415. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 137.

416. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 213.

417. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 458—459.

418. Псковская 1-я летопись. Прибавления. Окончание списка Оболенского // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. С. 115.

419. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 460—461.

420. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 462—463.

421. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 205.

422. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том III—IV, 1880—1883. С. 53.

423. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 177.

424. Псковская 1-я летопись. Прибавления. Окончание списка Оболенского // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. С. 115.

425. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 464—465.

426. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 229—230.

427. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 211—213.

428. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 207.

429. В оригинале речь идет не о «свалке», а о том, что атакующие вступили в сечу с защитниками Пскова и одновременно сделали попытку поджечь деревянные оборонительные сооружения, возникшие за развалинами каменных. — Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.). СПб., 1867. С. 142.

430. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 230.

431. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 466—467.

432. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 133.

433. Возглавляли гарнизон города воевода С.Г. Волынский и голова И.А. Жеребцов. — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 190.

434. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 132.

435. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 219, 258.

436. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том III—IV, 1880—1883. С. 53.

437. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 231.

438. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 232—233.

439. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 231.

440. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 241.

441. Имеются в виду немецкие наемники.

442. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 242.

443. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 472—473.

444. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 246—248.

445. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.). СПб., 1867. С. 510—511, 512—513.

446. *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 248.

447. В польских источниках — Иоганн Миллер то ли Моллер.

448. Действительно, у Ивана IV служил отряд европейских наемников во главе с командиром Юрием Францбеком или Францбековым (известный военачальник Юрген Францбек, прежде служивший московскому государю).

449. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 472—473.

450. По другим сведениям, это были пищальные дула, числом 12, которые должны были при взрыве сыграть роль осколочного материала. В качества детонатора поляки использовали взведенную ружейную часть, прикрепив ее шнурком к днищу деревянного ящика, куда был положен маленький ларец с по-

рохом, а также к его крышке. Вынув железный ларец из ящика или открыв крышку ларца, русский воевода привел бы в действие адскую машинку...

451. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 474—475.

452. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2004. Кн. 3. С. 196.

453. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1989. Кн. IV. С. 184.

454. *Новодворский В.В.* Ливонский поход Ивана Грозного. М., 2010. С. 285.

455. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 476—477.

456. Впрочем, относительно Муромского поместья возникают вопросы, так как его владельцем мог быть и другой кн. Шуйский.

457. Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. М., 1998. С. 415.

458. Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/1586 г. М., 1996. С. 31.

459. Разрядная книга 1559—1605. М., 1974. С. 207.

460. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 356.

461. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1987. Т. III. Ч. 2. С. 60.

462. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 362—365.

463. Московский летописец // ПСРА. Т. 34. С. 233.

464. *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1906. С. 42.

465. Глинские не относились к числу Рюриковичей и Гедиминовичей.

466. «Сын боярский» — чин. К действительному сыну какому-нибудь боярина человек, носивший этот чин, не имел ни малейшего отношения.

467. Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 218.

468. Строитель — второе лицо после игумена в монастырской иерархии.

469. «Именная служба» — поручение, при котором имя исполнителя фиксируется в специальном служебном документе — разряде. В перспективе разрядная запись может служить доказательством высокого положения рода, к которому относится исполнитель.

470. Разрядная книга 1559—1605. М., 1974. С. 203, 216.

471. Ошибка Горсея: на самом деле не «Васильевич», а «Петрович».

472. *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 101.

473. *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 77.

474. Царевич Дмитрий — сын царицы Марии Нагой, последней в ряду жен Ивана IV, т.е. шестой по одному счету и седьмой по другому. Между тем Церковь считала законными первые три брака, на четвертый выдала монарху особое решение — подданным «не во образец», — прочие же никак не соответствовали церковным канонам.

475. При чем Василий Иванович получил его в первые месяцы правления царя Федора Ивановича.

476. *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 31.

477. *Аракчеев В.А.* Иван Петрович Шуйский / В.А. Аракчеев // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2004. № 21. С. 124—126.

478. *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 32.

479. *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 101.

480. На это ссылаются иностранные дипломаты, рассчитывавшие, как видно, на деятельное сочувствие Мстиславского интересам Речи Посполитой.

481. В первую очередь Романовым-Захарьиным-Юрьевым, занимавшим строго антипольские позиции.

482. Как выяснилось, бесчадием Ирина Годунова не страдала: позднее она родила супругу дочь Феодосию (май—июнь 1592), к сожалению, скончавшуюся в младенчестве.

483. У князя Федора Ивановича Мстиславского в Смутное время будет шанс самому сделаться царем, но он им не сумеет воспользоваться.

484. Мнения о политическом содействии, оказанном Шуйскими Речи Посполитой, придерживается, например, столь опытный исследователь, как В.И. Корецкий. — История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 93—94. К тому же бывший сторонник Шуйских, М. Головин, перебежав к неприятелю, призывал поляков и литовцев к скорейшему наступлению на Русь. Но эту точку зрения считают неосновательной другие исследователи, например А.А. Зимин. — *Зимин А.А. В канун грозных потрясений.* М., 1986. С. 120—121.

485. Летопись сохранила имена: Федор Нагай по прозвищу Голуб или Голубь, Русин Сенеус. — Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПСРА. Т. 5. Вып. 2. С. 264; Пискаревский летописец // ПСРА. Т. 34. С. 195; Новый летописец // ПСРА. Т. 14. Вып. 1. С. 36—37.

486. Иов, будущий первый Патриарх Московский и всея Руси.

487. Новый летописец // ПСРА. Т. 14. Ч. 1. С. 37.

488. Летописный сборник, принадлежащий Новгородскому Николаевскому Дворищенскому собору // Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 449.

489. *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 94.

490. На самом деле князь Андрей Иванович Шуйский не брат Ивану Петровичу, он происходит из другой ветви рода. Уместнее было бы называть его «братаничем», как тогда говорили. Но в подобного рода вопросах терминология не отличалась строгостью.

491. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 136.

492. Катаев И.М., Кабанов А.К. Описание актов собрания графа А.С. Уварова. М., 1905. № 68.

493. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 138, 276.

494. Однополчанин Шуйского по осенней кампании 1579 г.

495. Пискаревский летописец // ПСРА. Т. 34. С. 196.

496. РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1589 год. Д. 11. Л. 2об., 3 об. Полностью публикуется в Приложении.

497. Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина; перевод и сост. А.А. Севостьяновой. М., 1990. С. 101—102. Точность рассказа Горсея вызывает некоторые сомнения.

498. *—* Здесь и далее: в рукописи зачеркнуто.

499. Червчатый — темно-красный, багряный, насыщенно-малиновый.

500. Верхняя широкая одежда в виде кафтана с четырехугольным меховым воротником и прорезами под рукавами (словарь Ушакова).

501. Зуфь — плотная ткань, род камлота.

502. В рукописи неразборчиво из-за кляксы: то ли «коротки», то ли «коронки», то ли «коройки».

503. Горлатная шапка — меховая цилиндрическая шапка в локоть или более того высотой, предназначавшаяся для торжественных случаев. Служила показателем высокого общественного статуса владельца.

504. Камка — цветная шелковая ткань с узорами (словарь Ушакова).

505. Травы — здесь: растительный орнамент.

506. Рудо-желтый — красно-желтый.

507. Войлоки — здесь: мягкие прокладки.

508. Тебеньки — кожаные лопасти по бокам седла, крепившиеся на пряжках.

509. Паперсть — тесьма или ремень у узды на нижней части конской груди. Украшалась драгоценными камнями и металлическими бляшками.

510. Черлeный, червлeный — насыщенно-красный, красный, как кровь.

511. Пража — пряжка.

512. Жук — здесь: маленькая металлическая бляшка, похожая на короткий гвоздь с очень большой (иногда узорчатой) шляпкой.

513. Ошeек — здесь: часть упряжи, надевавшаяся коню вокруг шеи и богато украшенная.

514. **—** в рукописи зачеркнуто.

515. Плаша или плаща — небольшое плоское металлическое украшение для паперсти (нагрудного ремня для коня).

516. «39» рукописи переделано на «32».

517. ***—*** Вписано над зачеркнутыми строчками другой рукой. Очевидно, это исправления, внесенные дьяком в черновой список вещей. Далее — продолжение списка без исправлений.

518. Похви — часть конской упряжи, ременная конструкция, на одном ее конце — петля, в которую продевался хвост; а другой конец крепился к середине седельной луки.

519. Лысина — здесь: конский налобник.

520. Ухват — здесь: деталь конской упряжи.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Глава 1	
РОД ПОЛКОВОДЦЕВ И ПРАВИТЕЛЕЙ	6
Глава 2	
БЛИЖАЙШАЯ РОДНЯ.....	12
Глава 3	
«БОЯРСКОЕ ЦАРСТВО» И «ПРАВЛЕНИЕ ШУЙСКИХ»	20
Глава 4	
«ПОЛОЦКАЯ ПРОБЛЕМА».....	47
Глава 5	
ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА.....	82
Глава 6	
ЮЖНЫЙ ФРОНТ	132
Глава 7	
В БИТВАХ ЗА ЛИВониЮ	149
Глава 8	
БОЛЬШАЯ ГРОЗА	166
Глава 9	
ПСКОВСКИЙ ТРИУМФ.....	176
Глава 10	
СОБЛАЗН И ПАДЕНИЕ	257
ПРИЛОЖЕНИЕ	287
Список имущества князя боярина И.П. Шуйского, конфискованного казной после его гибели.....	287
Хроника жизни князя Ивана Шуйского.....	289
Историк и его герои (С.В. Алексеев)	293
ПРИМЕЧАНИЯ.....	303

Научно-популярное издание

Великие исторические персоны

Володихин Дмитрий Михайлович

ИВАН ШУЙСКИЙ

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127599, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 07.12.2011. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «MyslC». Печ. л. 11.

Тираж 2500 экз. Заказ №0534/11.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ЗАО «ИПК «Парето-Принт», г. Тверь,

www.pareto-print.ru

ИВАН ШУЙСКИЙ

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной великой победой. Он отстоял Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория. Эта победа была очень нужна России: она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытнейших военачальников своего времени. Биография Шуйского до отказа наполнена звоном мечей, воинскими кличами и пушечным громом. Жизнь его, жизнь аристократа, вельможи, воеводы, позволяет понять, как строились биографии других выдающихся царедворцев и столпов Русской державы.

В ЕЛИКИЕ
И СТОРИЧЕСКИЕ
Л ЕРСОНЫ

ISBN 978-5-9533-5497-4

9 785953 354974

